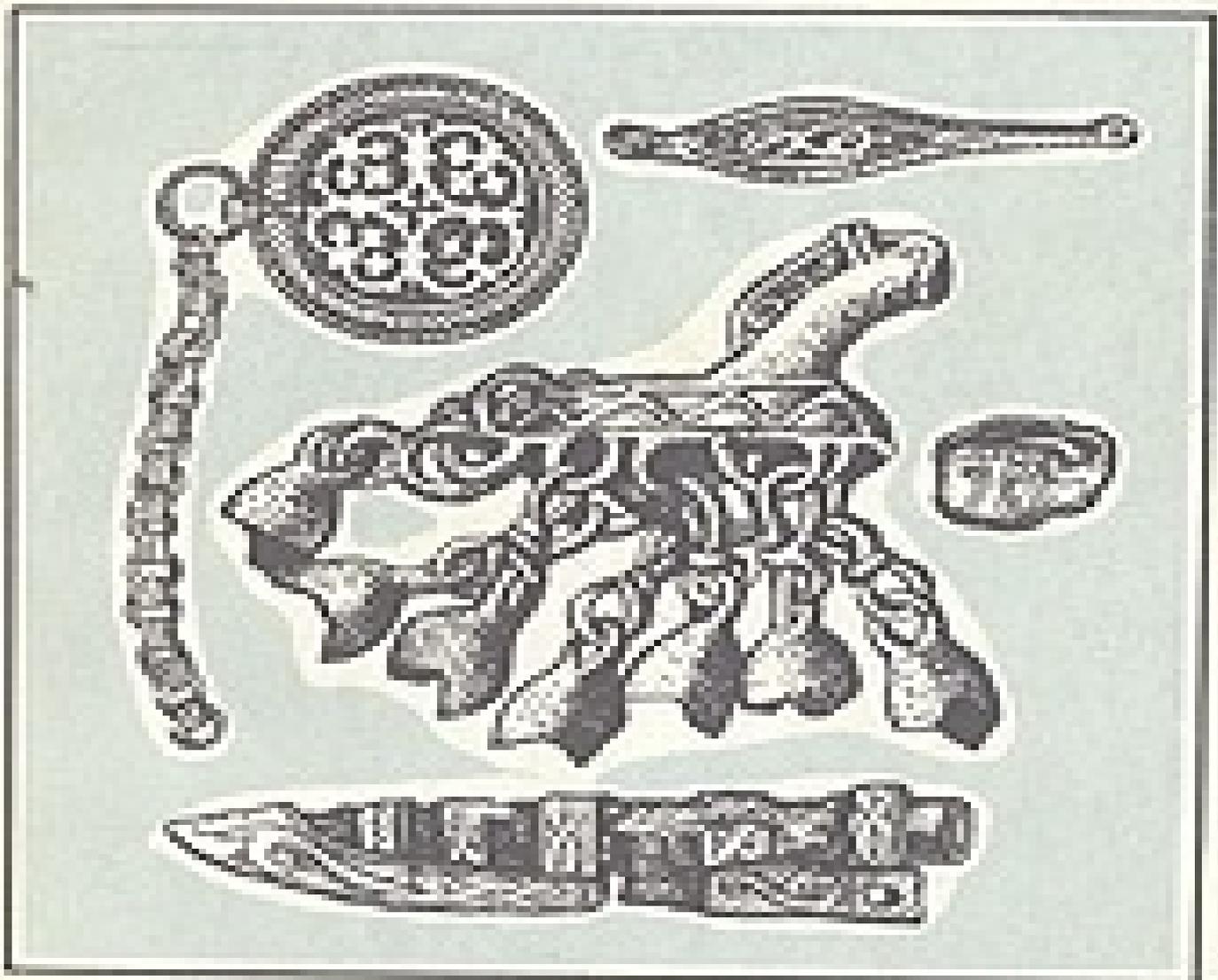

С. И. КОЧУРНИНА

КОРЕЛА И РУСЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

В книге на основании археологических, этнографических, фольклорных, лингвистических и естественно-научных данных воссоздается история корелы — одного из северных финно-угорских народов, ближайшего соседа Великого Новгорода. Упоминания о кореле появились в летописях в XII в. и с тех пор не сходят с их страниц. Автор раскрывает историю взаимоотношений корелы с Новгородом и ее роль в защите северо-западных границ Руси. Книга рассчитана на историков и широкий круг читателей.

- [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [В ПОИСКАХ КОРЕЛЫ](#)
 - [О ПРОИСХОЖДЕНИИ КОРЕЛЫ](#)
 - [ДРЕВНИЕ КАРЕЛЫ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.](#)
 - [ПОСЕЛЕНИЯ, КЛАДЫ, «ЖЕРТВЕННЫЕ КАМНИ»](#)
 - [НРАВЫ, ОБЫЧАИ, РЕЛИГИЯ](#)
 - [ЛОКАЛЬНЫЕ ГРУППЫ КОРЕЛЫ](#)
 - [ЖЕЛЕЗООБРАБАТЫВАЮЩЕЕ РЕМЕСЛО](#)
 - [ЮВЕЛИРНОЕ РЕМЕСЛО И ПРЕДМЕТЫ УКРАШЕНИЯ](#)
 - [ОДЕЖДА](#)
 - [ТКАЧЕСТВО](#)
 - [ОБРАБОТКА ДЕРЕВА, КАМНЯ И КОСТИ](#)
 - [ГОНЧАРНОЕ РЕМЕСЛО](#)
 - [ВОЕННОЕ ДЕЛО](#)
 - [СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ](#)
 - [ТОРГОВЛЯ](#)
 - [КОРЕЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ И НОВГОРОД](#)
 - [КАРЕЛЬСКАЯ НАРОДНОСТЬ В СОСТАВЕ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА](#)
-
-

Современная карельская народность в силу сложившихся исторических обстоятельств оказалась разделенной на три группы. Одна группа, основная, располагается в Карельской АССР, вторая — в Калининской области, третья, самая небольшая, — на территории Восточной Финляндии. Отдельные карельские поселения имеются в Новгородской области и некоторых других местах. По данным Всесоюзной переписи 1979 г., в СССР проживают 146 тыс. карел, из них 83.1 тыс. — в Карельской Автономной Советской Социалистической Республике.

Формирование карельской народности до XVII в. происходило в основном на территории современной Карелии. Национальную государственность в границах РСФСР карелы получили в результате Великой Октябрьской социалистической революции. Твердый курс партии на ликвидацию отсталости национальных окраин России, тесное сотрудничество с русским народом в подъеме экономики и культуры способствовали гармоничному развитию карельской социалистической народности. В постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик» подчеркивается: «Октябрь разбил цепи социального и национального гнета, поднял к самостоятельному историческому творчеству все народы нашей страны. Установление власти рабочего класса, общественной собственности на средства производства заложило прочный фундамент свободного развития всех наций и народностей, их тесного единства и дружбы». Далее говорится; «История не знает государства, которое в кратчайшие сроки сделало бы так много для всестороннего развития наций и народностей, как СССР — социалистическое Отечество всех наших народов. Их единство акалялось и крепло в ходе индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и культурной революции, в борьбе за построение социализма».1

В начале 30-х гг. с созданием Карельского научно-исследовательского института культуры развернулись работы по изучению истории, этнографии, устного народного творчества, языка карельского народа. В них принимали участие ученые Москвы и Ленинграда. С именами исследователей Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР связаны определенные достижения в разработке различных аспектов истории и археологии древних карел.

В предлагаемой книге на надежной источниковедческой базе, с использованием новейших археологических материалов и достижений гуманитарных и естественных дисциплин освещается этническая, социально-экономическая и политическая история древних карел в период с I тысячелетия н. э. до XVII в. За этот отрезок времени древние карелы прошли сложный путь развития — от племенного объединения на стадии первобытно-общинного строя до раннефеодальной народности.

«В то же лето ходиша корела на емь и отбежаша 2 лоиву бити» — это печальное событие о неудавшемся водном походе корелы 2 на соседнее финское племя хяме (емь — в русских летописях), в результате которого корела потеряла два парусных судна, помещено в Новгородской первой летописи под 1143 г.³ С того времени дела корелы находились под пристальным вниманием летописцев. Записи о тех или иных событиях появляются на протяжении XII–XV вв. с разными интервалами. О древних карелах рассказывают берестяные грамоты и «Слово о погибели Русской земли», скандинавские саги и другие документы. Такое частое упоминание объясняется тем, что Северо-Западное Приладожье, где проживала корела, было втянуто в сферу политических отношений государственного масштаба. В борьбу Новгорода и немецких орденов, Новгорода и Швеции, длившуюся несколько веков, включилась и корела,

оказавшаяся в конфликтной зоне враждующих государств.

Нашло отражение в письменных источниках и активное участие карелы во внутренней жизни Новгорода, так как Карельская земля при некоторой самостоятельности и свободе в торговых делах находилась в зависимости от Новгородской феодальной республики, Без помощи и поддержки новгородских военных сил древние карелы не в состоянии были обеспечить безопасность своих рубежей, а следовательно, и рубежей Новгородского государства.

При всей важности и незаменимости письменных документов для воссоздания истории народа их недостаточно. На страницы летописей попадали лишь чрезвычайно важные события, которые затрагивали судьбы не только окраинной части Древней Руси, но и государства в целом. Письменные источники скупы или вовсе молчат о повседневной жизни народа, его бытовой деятельности — это летописцев не интересовало. Где и как жила карела, уровень ее материального и духовного развития, вклад в культуру, экономику, политику и в конечном счете — в историю нашей страны — все указанные вопросы возможно раскрыть, лишь используя собранные по крупицам результаты многолетних исследований ученых различных специальностей.

Каждая из наук вносила свой вклад, раскрывала те или иные ранее неизвестные стороны и явления в жизни древних карел. И в первую очередь следует назвать лингвистику — науку о языке. Установлено, что карелы, как и другие прибалтийские финны (эстонцы, ливы, вошь, ижора, финны и вепсы), составляют западную ветвь финно-угорской семьи языков. Лингвисты считают, что существовал общий язык-основа — древнекарельский, от которого происходит и ижорский язык, и восточно-финские диалекты финского языка. По мнению лингвистов, карельские наречия: собственно карельское, ливвиковское и людиковское — возникли в результате сложных этнических процессов у населения Карельского и Олонецкого перешейков в начале II тысячелетия н. э.

Собственно карельское наречие распространено в Средней и Северной Карелии, в Калининской, Ленинградской и Новгородской областях; ливвиковское — на восточном побережье Ладожского озера и в глубине Олонецкого перешейка; людиковское — на узкой полосе вдоль восточного края ареала ливвиковского наречия и вблизи Онежского озера. Собственно карельская речь резко отличается от ливвиковской и людиковской, что затрудняет общение между их носителями. Наречия делятся на диалекты, а диалекты — на говоры.

В результате контактов с другими языками в карельский язык проникли различные и по времени, и по характеру заимствования. Наиболее древние — литво-латышские, или балтские, датирующиеся примерно I тысячелетием до н. э., т. е. тем временем, когда карельский язык еще не стал самостоятельным. Поэтому балтские заимствования имеются почти во всех прибалтийско-финских языках. Подсчитано, что они составляют около 1000 слов и касаются техники, промыслов, природы, семейных отношений.

Более длительным было германское влияние; происходило оно, как полагают, на рубеже нашей эры. Слова германского происхождения относятся и к явлениям природы, и к промыслам, а также к мореходству, торговле, домашнему хозяйству и т. д.

Влияние восточных славян на прибалтийских финнов началось давно, но главные языковые контакты приходятся на рубеж VIII–IX вв. и отразились они не только на словарном составе языка, но и на фонетике (звуковом строе языка), грамматике. К русским заимствованиям относятся термины из области христианской религии, ткачества, строительства, земледелия, домашнего хозяйства и т. д.

В настоящее время карельский язык не имеет письменности. На нем говорят преимущественно в сельской местности.⁴

Важная роль принадлежит и топонимике — науке, изучающей географические названия. В

этой области много и плодотворно работает В. Ниссиля. В последнее время появились интересные исследования Ё. Вахтола.⁵ Топонимические данные как языковые свидетели далекого прошлого являются надежным источником при выяснении территории расселения, путей передвижения отдельных племен и народов, этнической истории и хозяйственной деятельности. В топонимии Северо-Западного Приладожья основной фон составляют финско-карельские названия мест; римско-католических, скандинавских и нижненемецких немного. Наиболее древний пласт представляют топонимы саамского происхождения. По топонимам славянского происхождения можно сделать вывод (а также по-археологическим, историческим и этнографическим источникам), что славянское влияние охватило все сферы хозяйственной и культурной деятельности древних карел, и главным образом тех, которые жили в центральной и южной частях Карельского перешейка, т. е. в местах, близких к культурным центрам того времени.⁶

Этнографами осуществлены успешные реконструкции традиционной материальной культуры карел: одежды, утвари, домов, декоративного искусства. Проведена огромная работа по выявлению карельско-вепсских взаимовлияний и контактов. В меньшей степени разработаны карельско-саамские связи, хотя роль саамов в формировании и развитии карел и обратное влияние — карел на саамов, по лингвистическим и историческим данным, бесспорны.

О духовной культуре карел свидетельствует богатейшая фольклорно-эпическая традиция: древние народные песни (руны), ёйги,⁷ причитания, сказки, предания, загадки, пословицы, поговорки и т. д. Они же — неисчерпаемый источник для характеристики различных аспектов материальной культуры и социально-экономического развития. Вместе с тем надо помнить, что события, о которых рассказывается в народном эпосе, опозитизированы и их нельзя приравнять к документальным сообщениям.

В 1985 г. общественность нашей страны широко отмечала 150-летие «Калевалы» — величайшего произведения устного творчества карельского и финского народов.

28 февраля 1835 г. Элиас Лённрот подписал предисловие к первой редакции книги, которую назвал «Калевала, или старинные руны Карелии о древних временах финского народа». С тех пор 28 февраля отмечает как день рождения «Калевалы». В это издание вошли 32 руны (12 078 стихов). Второе, полное издание выпип. в свет в 1849 г. и включало 50 рун (22 795 стихов). Основу обоих изданий составляют подлинные народные песни, записанные от карельских рунопевцев в результате 11 поездок Лённрота по Финляндии, территории нынешней Карелии, Эстонии и Ингерманландии.

Героические песни, повествующие о подвигах героев, их деяниях, составляют только часть «Калевалы»; их Лённрот дополнил заклинаниями и свадебными песнями, не нарушив свойственного карельскому эпосу древнего синкретизма — единства слова, ритма и движения. Кроме того, его творческий подход выразился в сюжетном соединении рун, придании им композиционной стройности. Лённрот в какой-то мере взял на себя роль народного певца, сочинив недостающие звенья, стилизованные под народную поэзию. Народные и лённротовские строки органично переплелись, пространственные и временные представления, фольклорная эстетика преломились через сознание Лённрота, идеалы и мировоззрение человека XIX в.

Первый поэтический перевод «Калевалы» осуществил доцент Московского университета Л. П. Вельский. «Калевала» в его переводе, отмеченном Пушкинской премией Академии наук, была издана в 1888 г. Через несколько лет перевод на русский язык в стихах выполнил также Э. Гранстрем, опубликовавший до этого прозаический текст. Однако перевод Вельского и ныне остается одним из лучших.

С созданием «Калевалы» поиск произведений устно-поэтического творчества не закончился. К работе подключились новые собиратели и исследователи. Все песенные сюжеты в

их многочисленных вариантах, собранные в Карелии и Финляндии, вошли в 33-томную серию «Suomen kansan vanhat runot» — «Древние руны финского народа», изданную в Финляндии (1908–1948). Следовательно, в нашем распоряжении имеются два памятника устного народного творчества, и отношение к ним как к возможным историческим источникам различно.

Исследовательский интерес к историческим отражениям в карельском эпосе наметился еще в юбилейном для «Калевалы» 1935 г., когда С. П. Толстов в одной из своих статей заметное место уделит образу пастуха-раба Кул-лерво, генезис которого он относил к периоду разложения первобытно-общинного строя и возникновения классового общества. Целый ряд интересных мыслей, проливающих свет на отдельные моменты исторической основы карельского эпоса, высказывали в 1940–1941 гг. советские историки и археологи: А. Я. Брюсов, С. С. Гадзяцкий, А. М. Ли-невский. Представление об историчности рун в те времена иногда было довольно упрощенным: не учитывались изменяемость эпоса во времени и пространстве, напластование разных исторических периодов в каждой отдельно взятой руне, не принималось во внимание развитие эпической поэзии, идейное содержание которой в разные эпохи было всегда качественно различным. Словом, руны иногда воспринимались как достоверные факты документа.

В 1949 г. в нашей стране торжественно отмечалось столетие «Калевалы». В докладе О. В. Куусинена «Об основном содержании карело-финского народного эпоса „Калевала“» дана объективная оценка: «Калевала» является не исторической хроникой, а поэзией; это — плод богатого поэтического творчества народа древней Карелии, и в первую очередь ее нужно оценивать с этой точки зрения. Анализируя эпизоды, изображаемые в эпосе, Куусинен пишет, «что первоначально эти эпизоды имели под собою ту или иную историческую основу». Наличие исторических отражений в народных песнях он объясняет стремлением рунопевцев к реалистическому изображению действительности: «Тысячи реалистических подробностей в описаниях „Калевалы“ бесспорно доказывают, что творцы и певцы рун стремились к правдивому, достоверному изложению дела. Но этот первобытный реализм в некоторых отношениях весьма значительно отличается от того, что современный читатель привык понимать под реализмом»⁸ Относя основное идейное содержание эпоса к эпохе разложения первобытно-общинного строя, Куусинен, разумеется, не отрицает наличия и более поздних ступеней исторического развития устной народной эпической поэзии. Наоборот, он подчеркивает, что в «Калевале», как и в эпосах других народов, можно обнаружить наслоения, унаследованные от различных общественных формаций.⁹

Большой вклад в изучение исторических основ карельского эпоса внес В. Я. Евсеев, и прежде всего своим двухтомным трудом «Исторические основы карело-финского эпоса». Несомненным его достоинством явилось то обстоятельство, что источником послужили не «Калевала», а полное издание рун и новые их собрания. Первый том посвящен выявлению древних пластов эпоса. Применение сравнительно-исторического анализа рун и сопоставление их с данными смежных дисциплин дало автору возможность обрисовать общую картину первобытной эпической поэзии.¹⁰ Во втором томе решались вопросы о развитии эпоса карельской и финской народностей в условиях феодализма, изменениях в эпосе, вызванных появлением капиталистических отношений в среде карельского и финского населения.

Против прямого сопоставления рун и исторической действительности выступали такие крупнейшие фольклористы, как Е. М. Мелетинский и Б. Н. Путилов. В карело-финском эпосе, писал Мелетинский, «речь может идти, конечно, только об отражении самых существенных черт исторической жизни народа», а «...исторический метод не сводится к поискам исторических реалий... Дело в том, что исторические реалии должны рассматриваться как материал эпических обобщений, а не как самодовлеющий элемент.» Конечно, некоторые мотивы и

реалии эпоса являются отголосками действительных отношений, трудовых процессов и навыков, поскольку фольклор в конечном счете восходит к эмпирической действительности, но попытка рационалистически объяснить типичные гиперболы вызывает серьезные возражения. Стремление прочесть отдельные места в эпосе как реальные, попытка

свести фольклорные описания к житейским делам и поступкам обычно приводят к упрощенным и искаженным интерпретациям. Фольклорные образы, по Путилову, выражают идеальные представления, художественно изображенные. Они в конечном счете соотносятся с реальным миром, но не совпадают с ним и не повторяют его. Фольклористы предупреждают: события, о которых повествуется в народном эпосе, нельзя представлять буквально, искать в них исторические или бытовые факты. Историзм фольклора проявляется не в прямолинейном отражении реалий, а в преломлении исторической действительности через законы поэтического мышления, художественную систему фольклора.¹⁰

По классификации, принятой в советской науке, эпос карельского и финского народов является одним из самых архаичных в мировом фольклоре. Очевидно, в силу этого и единого калевальского поэтического стиля не произошло четкого жанрового разграничения — космогонические мифы, заговоры, героические песни, баллады не выделились из эпоса. В эпические песни введены слова заклинаний, элементы лирики.

Самыми древними по происхождению являются руны космогонические, рассказывающие о сотворении мира, об открытии огня, о происхождении медведя, лося и т. д. Главным героем древнего цикла является Вяйнямёйнен. Илмаринен — другой персонаж карельского эпоса — выступает как герой эпохи железа. Образ Лемминкяйнена скорее сказочный, чем эпический, и еще более поздний.

Исследователи считают, что хотя отдельные элементы эпоса и относятся к очень древним временам, он сформировался в целом в I тысячелетии н. э. В эпосе есть не только ранние наслоения. В последующие века он продолжал развиваться, поэтому в нем нашли отражения и более поздние исторические события. Например, в Карелии известны песни об осаде Выборга и о Северной войне, которые народная память связывает с именами Ивана Грозного и Петра Первого.

Итак, «Калевала» — замечательный памятник устного народного творчества, в котором нашли выражение богатейшая фантазия и огромное художественное дарование карельского народа, жизнеутверждающие идеалы свободных по духу людей, их независимость и гордость, наконец, элементы исторического бытия.

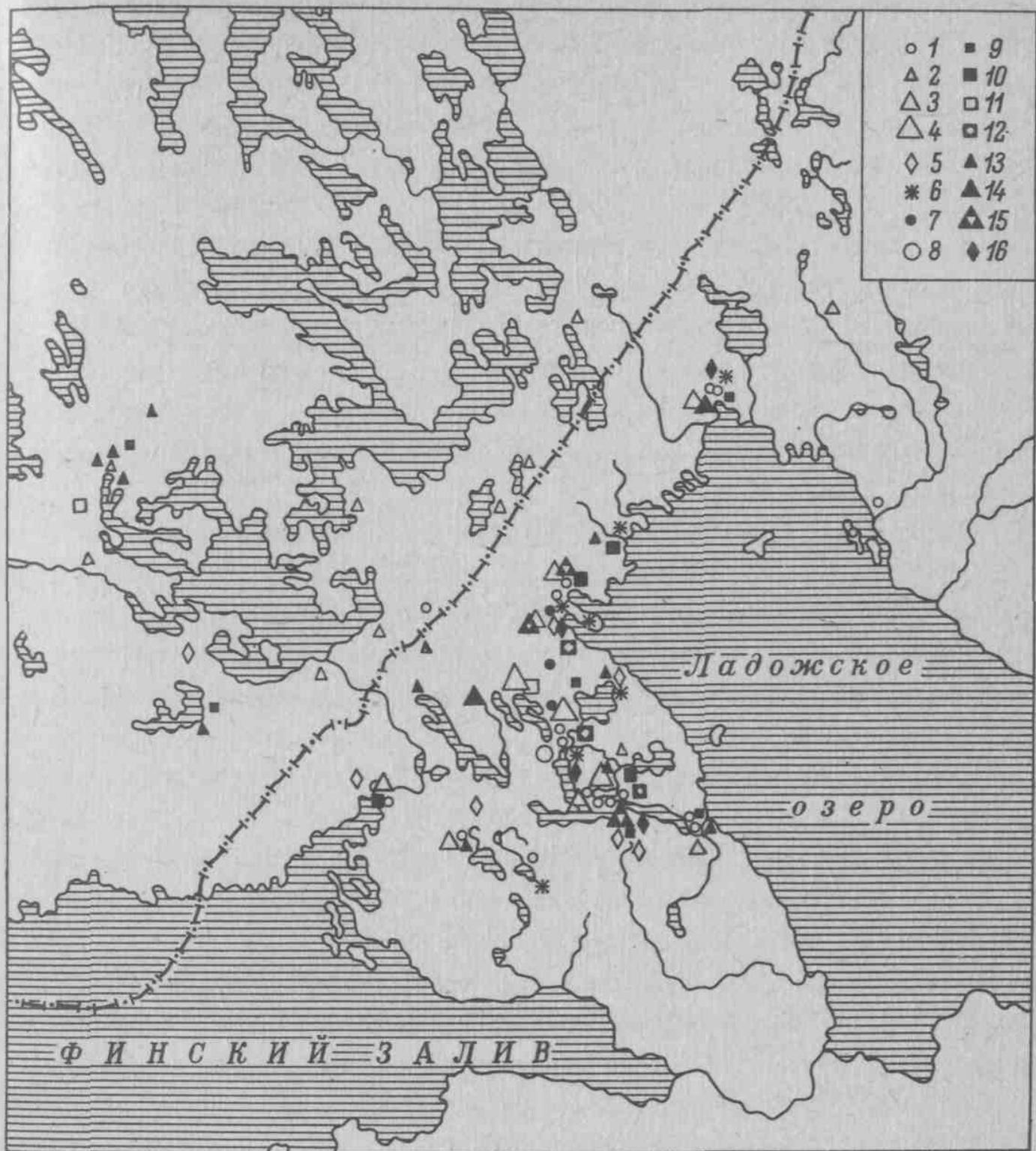

Рис. 1. Археологические памятники карелы.

1—5 — памятники V—XI вв.: 1 — могилы и могильники; 2 (единичные), 3 (два-три), 4 (четыре и больше) — местонахождения случайных находок; 5 — клады монет. 6—16 — памятники XII—XV вв.: 6 — поселения; 7 (единичные), 8 (четыре) — хозяйственные комплексы; 9 (единичные), 10 (два-три), 11 (четыре-пять), 12 (семь) — могилы и могильники; 13 (один-два), 14 (четыре-пять), 15 (семь-девять) — местонахождения случайных вещей; 16 — клады.

Рис. 1. Археологические памятники карелы.

1 — 5 — памятники V—XI вв.: 1 — могилы и могильники; 2 (единичные), 3 (два-три), 4

(четыре и больше) — местонахождения случайных находок; 5 — клады монет, 6—16 — памятники XII—XV вв.: 6 — поселения; 7 (единичные), 8 (четыре) — хозяйственные комплексы; 9 (единичные), 10 (два-три),

II (четыре-пять), 12 (семь) — могилы и могильники; 13 (один-два), 14 (четыре-пять), 15 (семь-девять) — местонахождения случайных вещей; 16 — клады.

Физический облик древних карел обрисован антропологами. Согласно самой общей их характеристике, карелы относятся к европеоидным народам, монголоидная примесь у которых составляет ничтожный процент. По результатам антропологического изучения, осуществленного советско-финляндской экспедицией в 1967–1969 гг., удалось восстановить не только антропологический тип, но и пути заселения Финляндии. Оказалось, что в начале предки населения Восточной Финляндии (Саво и Карьяла) пришли с юго-востока вдоль Карельского перешейка, а затем уже пришельцами из Восточного Саво было заселено северное побережье Ботнического залива.¹⁴ В последнее время объектом изучения стали зубы. По материалам карельских могильников, расположенных на территории современной Карельской АССР, выяснилось, что формирование карел, как следует из одонтологического анализа, происходило на основе не одного, а двух одонтологических типов: северного грацильного и более древнего — североевропейского реликтового, который этнически связывается с саамами.¹⁵

И все же для восстановления приблизительной модели общества эпохи средневековья (мы не можем утверждать, что все, о чем здесь пишем, происходило в действительности точно так, а не иначе) археологические материалы по объективности и содержательности информации являются наиболее ценными. Помимо чисто археологических приемов исследования памятников археологи вооружены методами естественно-научных дисциплин. По результатам металлографического анализа в Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР (Москва) составлена характеристика кузнечных изделий. Качественный состав медных сплавов, из которых делались предметы украшения, определен в Лаборатории спектрального анализа Института геологии Карельского филиала АН СССР (Петрозаводск). Собранные при раскопках кости изучены в Зоологическом институте АН СССР (Ленинград). Все это и позволяет нам, современным людям, заглянуть в далекое прошлое и воспроизвести реальные исторические картины жизни древних карел.

*Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу, —
Быть готовым к песнопенью
И начать скорее слово,
Чтоб пропеть мне предков песню,
Рода нашего напевы.
(1:1–6)'*

Поиски и изучение древнекарельских памятников — это проблемы, важность и необходимость которых давно понятны археологам. Почти 100 лет идет их разведка. За начало отсчета можно принять годы целенаправленной деятельности финляндского ученого Т. Швиндта (1851–1917). В 1893 г. Швиндт стал куратором Археологической комиссии. Вначале руководил археологической, а затем этнографической секцией, направляя собирательскую работу Выборгских студенческого союза и этнографического музея. Во время путешествий им собран богатый материал по карельским крестьянским костюмам и вышивке. Швиндтом проведены обширные раскопки древнекарельских могильников и осуществлена подробная, тщательная публикация материалов с описанием погребальных обрядов, одежды, хозяйства и культуры. До сих пор его работа является первоисточником по изучению древнекарельской культуры.²

Работу Швиндта по изучению могильных древностей продолжил А. О. Хейкель (1851–1924). Под руководством И. Р. Аспелина им частично раскопан и опубликован древнекарельский могильник Тууккала (Финляндия, г. Миккели).³ Хейкеля, кроме того, интересовали этнографические и археологические памятники Финляндии и России. По его инициативе с 1882 по 1899 г. Общество древностей, явившееся основой будущего Национального музея, посылало стипендиатов в Карелию для сбора археологических материалов и историко-искусствоведческих исследований карельской архитектуры.

Важные исследования в Северо-Западном Приладожье проведены Я. Аппельгреном (1853–1937 гг.; с 1906 г. к своей шведской фамилии добавил финскую — Кивало). Вся его жизнь посвящена археологии и музейной работе: в 1884 г. — ассистент археологического и этнографического музея университета Гельсингфорса (Хельсинки), затем — член Археологической комиссии, с 1915 по 1926 г. — государственный археолог. Круг его интересов достаточно широк. Он принимал участие в экспедициях в Прибалтику и на Енисей. Будучи незаурядным художником, при воспроизведении археологических вещей Аппельгреном выполнил рисунки финно-угорских древностей, опубликованных его старшим коллегой Аспелином. В 1877–1879 гг. Аппельгреном провел самостоятельные исследования в восточной части бассейна р. Кеми (Финляндия, губ. Лаппи), а в 1891 г. выходит его книга о древних крепостях Финляндии, куда вошли аналогичные памятники Северо-Западного Приладожья. Несмотря на то, что большинство указанных Аппельгреном пунктов не являются древними памятниками, как показали новейшие исследования, его труд проделан не зря. Во-первых, на некоторых объектах обнаружены следы человеческой деятельности, во-вторых, собран богатейший топонимический материал (несобранная и незафиксированная топонимическая номенклатура имеет свойство со временем исчезать).⁴

Эпизодом в высокоорганизованной и добросовестной научной деятельности А. Хакмана (1864–1942), крупнейшего специалиста по древностям железного века, можно считать участие в

раскопках древнекарельского Тивер-ского поселения. Но далеко не эпизодичны заботы и внимание исследователя к сбору информации о случайных находках и раскопках в Северо-Западном Приладожье, которая благодаря ему зафиксирована в каталоге Исторического и Национального музеев Финляндии.

А. Европеус (родился в 1887 г., после 1930 г. придал своей фамилии финское звучание — Юрепяя) известен главным образом работами по каменному веку Финляндии. Какое-то время его интересовали каменные крепости, что выразилось в появлении нескольких статей; кроме того, сохранились отчеты в архиве Национального музея.

В чрезвычайно широком диапазоне научных интересов А. М. Тальгрена (1885–1945), включавшем археологию Восточной Европы и Сибири, нашлось место и карельской тематике — ей посвящены три обзорные статьи. Кроме того, он произвел небольшие раскопки около Выборга и Соснова.

В плодотворной и разносторонней научной деятельности К. А. Нордмана (1892–1972) видное место отведено изучению железного века Карелии. В этой области он продемонстрировал знание огромного археологического материала, смелось в суждениях и творческий подход. Судите сами. Мысли о происхождении карел, о их взаимоотношениях с Новгородом, влиянии Новгорода на карельскую культуру, высказанные Нордманом в 20-е гг., когда еще не были предприняты раскопки Новгорода и памятников Северо-Западной Руси и, естественно, отсутствовала соответствующая научная литература, и сегодня воспринимаются как прозорливые и прогрессивные.

После Нордмана наступает затишье в практической исследовательской работе. И лишь в конце 30-х начале 40-х гг. был внесен существенный вклад в изучение и публикацию древностей Северо-Западного Приладожья. Связано это с именем крупнейшего специалиста по археологии Скандинавских стран и Финляндии, профессора университета в Хельсинки Э. Кивикоски (родилась в 1901 г.). Ею не только раскопаны на высоком профессиональном уровне отдельные памятники северо-западных берегов Ладоги, но и проведена грандиозная трудоемкая работа по каталогизации древностей Финляндии и Северо-Западного Приладожья. Два тома ее публикаций вещей (на финском и немецком языках, позднее соединенные в один томб) обладают несомненными достоинствами, поскольку знакомят широкий круг читателей с коллекциями Национального музея.

Планомерные систематические поиски и раскопки в Северо-Западном Приладожье начались в 70-е гг.

Приозерской археологической экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством А. Н. Кирпичникова осуществлены раскопки крепости Корела и разведочные работы в Тиверском городке, ведутся поиски могильников, селищ и «жертвенных камней» на Карельском перешейке. Интересные архитектурно-археологические исследования проводятся на территории Выборгского замка.

С 1970 г. археологические изыскания осуществляются также экспедициями Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР под руководством автора. За это время изучены объекты с топонимами «линнавуори» и «линнамяки» («крепость на возвышенности, на горе»), городища Тиверск, Паасо, Куркийоки, могилы островов Риеккала и Мантсинсаари.

Совместными усилиями исследователей создана источниковедческая база, на основе которой можно решать серьезные задачи, связанные с этнической и социально-экономической историей древних карел.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ КОРЕЛЫ

*Старый, верный Вяйнямёйнен
Проводил покойно время
В чащах Вяйнёлы зеленых,
На полянах Калевалы,
Распевал свои он песни,
Песни мудрости великой
(З: 1–6)
Пел дела времен минувших,
Пел вещей происхожденье,
Что теперь ни малым детям,
Ни героям непонятно.
(З: 9-12)*

Главным вопросом при изучении истории того или иного народа является выяснение его родословной. Как летописец Нестор начинал свой труд с раздела «Откуда есть пошла Русская земля», так и нас интересует происхождение карел, их этногенез. Но это далеко не простой вопрос. Особенно туманны для нас события I тысячелетия н. э., ранняя стадия формирования и развития корелы, поскольку от того времени осталось очень мало памятников. На протяжении длительного исторического периода корела, как и всякая другая народность, прошла сложный путь развития, вступая в контакты с весью, лопарями, емью, эстами, славянами, что нашло отражение в ее материальной и духовной культуре. В начале нашего века, пытаясь выяснить происхождение карел, представители гуманитарных наук высказывали порой фантастические или малообоснованные гипотезы.

Современные исследователи, неудовлетворенные такими выводами, главное внимание стали уделять археологическим материалам. Со временем пришло понимание, что археологические свидетельства, несмотря на их важность и незаменимость, не могут быть единственными при выяснении происхождения этноса. Стала понятной необходимость привлечения достижений других наук. Между тем и сегодня мы не в состоянии дать единственно правильный ответ на вопрос о происхождении карел. Это — дело будущего, когда археологические памятники в равной степени представят все этапы истории древнека-рельского населения и когда удастся проследить непрерывную линию развития и преемственность материальной культуры каменного, бронзового, железного веков и I тысячелетия н. э. в Северо-Западном Приладожье. А пока приходится довольствоваться предположениями.

Формирование общности — сложный и длительный процесс. О племенах, объединенных этническим именем «корела» и проживавших в Северо-Западном Приладожье, можно говорить лишь применительно к I тысячелетию н. э., когда стало складываться Новгородское государство. Именно тогда сформировался карельский эпос, который является самым древним в мировом фольклоре. До этого времени речь может идти только о безымянных, хотя и издревле обитавших на данной территории, прибалтийско-финских племенах. Но, без сомнения, история карел связана именно с Северо-Западным Приладожьем. Видимо, в формировании древних карел приняли участие и западно-финские, чудские племена, древние вепсы. Недаром в Северо-Западном Приладожье довольно часты этнонимы «карьяла», «саво», «суомен», «хяме», «вепся», «чудь», «виру», «эсти», «инкери». Наиболее древние из них возникли в те далекие времена, когда добыча пушнины влекла людей различной этнической принадлежности в отдаленные

лесные северные районы. Топонимы, начинающиеся с «суомен» и «виро», встречаются в основном в южной части Северо-Западного Приладожья, а топонимы — с «лапин» редки на Карельском перешейке, но севернее они попадаются часто.

Уже в XII в. корела выступает как самостоятельная этническая общность в истории Северной Руси. У нее оригинальная, ярко выраженная материальная культура, свой эпос, самостоятельный язык, сложившийся физический облик.¹

*Вот на первый день нагнулся
Тот кователь Илмаринен;
Он нагнулся, чтоб увидеть
На пылавшем дне горнила,
Что из пламени там вышло,
Из огня что поднялось.*

Лук из пламени явился.

(10: 319–325)

*На другой день вновь нагнулся
Тот кователь Илмаринен
Посмотреть, что получилось
На пылавшем дне горнила;
Из огня челнок там вышел,
Вышла лодка — красный парус.*

(10: 339–344)

*Вот на третий день нагнулся
Тот кователь Илмаринен
Посмотреть, что получилось
На пылавшем дне горнила;
Из огня корова вышла.*

(10: 357–361)

*На четвертый день нагнулся
Тот кователь Илмаринен
Посмотреть, что получилось
На пылавшем дне горнила;
Из огня там плуг выходит.*

(10: 375–379)

*И кузнец тот, Илмаринен,
Вековечный тот кователь,
Стал тогда ковать скорее,
Молотком стучать сильнее
И выковывает Сампо.*

(10: 409–413)

*И с рассвета мелет меру,
Мелет меру на потребу,
А другую — для продажи,
Третью меру — для пирушки.*

(10: 419–422)

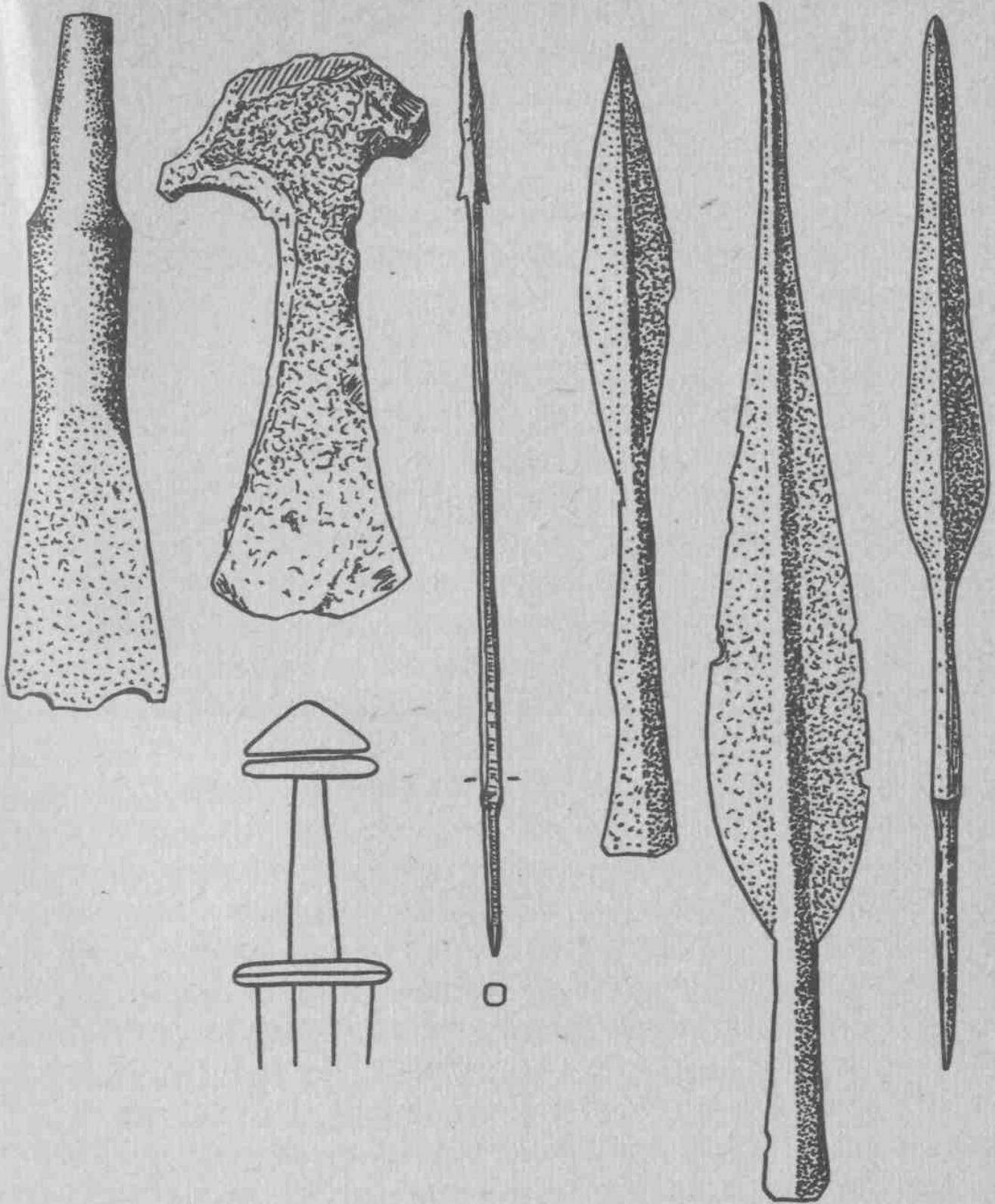

Рис. 2. Предметы вооружения из памятников I тысячелетия н. э.

Рис. 2. Предметы вооружения из памятников I тысячелетия н. э.

В I тысячелетии н. э. происходило формирование древнекарельской народности — начинали выработываться характерные особенности, которые потом будут отличать карел от вепсов, хотя они жили (и живут) в одинаковых географических условиях и на протяжении многих веков вступали в контакты с другими народами. На долю карел выпали тяжкие испытания, но они сохранили свой язык, обряды, предания, сказки, загадки, богатейшую фольклорно-эпическую традицию, т. е. все те проявления культуры, которые являются национальными особенностями.

В процессе формирования и развития древние карелы сохраняли в материальной культуре ряд черт, которые были свойственны также древнему населению Финляндии и Эстонии. Общность с эстонцами, финнами, водью прослеживается и в фольклоре — в единой (калевальской) поэтической форме. Это — обычное явление в жизни соседних народов, принадлежавших одной языковой семье, обитавших поблизости друг от друга в схожих экологических и исторических условиях. Некоторые традиции обрядности сохранились у древних карел и позднее — в XII–XV вв.: использование одних и тех же мест для кладбищ, применение каменных кладок над могилами, наличие в захоронении бытовых вещей и т. д.

Материальную культуру карел указанного периода отличает особая восприимчивость к влияниям извне наряду с некоторыми специфическими чертами, свойственными только населению Приладожья. Например, общие типы предметов вооружения — мечи, копья, топоры, наконечники стрел — характерны не только для карел, но и для жителей ряда областей Северной Европы. Связи со Швецией, Финляндией и Прибалтикой, а также с древнерусскими территориями прослеживаются по предметам украшения, обнаруженным в древнекарельских археологических памятниках. Некоторые изделия ювелирного производства (серебряные пластинчатые фибулы, спиральные перстни, отдельные типы подвесок и застежек, спиральки) и, кроме того, топоры с широким лезвием, косы, серпы, которыми пользовалась корела в I тысячелетии н. э., с небольшими изменениями дожили до XV в. И все-таки в XII–XV вв. у древних карел отмечено возникновение таких явлений, которые на ранних этапах не прослеживаются. Причем интересно, что подобный скачок в материальной культуре наблюдается не только у соседей карел — эстов и ливов, но и у населения обширных регионов Северной Европы. Различие между двумя хронологическими периодами (I тысячелетие и XII–XV вв.) объясняется не только этническим развитием общества, но и в первую очередь разным социально-экономическим уровнем. Процесс медленного количественного накопления изменений во всех сферах общественно-экономической жизни привел в начале II тысячелетия к глубокому качественному различию уровней развития общества.

В эпитафье к настоящему разделу в поэтической форме говорится о динамике изобретений корелы, завершившейся появлением чудесной мельницы Сампо — воплощения мечты о счастливой жизни. Трудно сказать, когда корела приобщилась к производящему виду хозяйства — земледелию. Корни его уходят в глубокое прошлое, а раскопки не всегда в состоянии выявить их. Большинство исследователей склоняются к мысли, что земледелие на севере европейской части СССР существовало до прихода славян. По лингвистическим данным, некоторые термины балт-ского происхождения в карельской лексике, связанные с примитивным земледелием и скотоводством, относятся к I тысячелетию до н. э. О более продуктивном и прогрессивном пашенном земледелии, а также о животноводстве свидетельствуют перенятые от древнегерманских племен слова, вошедшие в карельский язык позднее. Но археологическими материалами столь ранние даты пока не подтвердились.

У населения Северо-Западного Приладожья, как и у его соседей — эстов, в первой половине I тысячелетия н. э. подсечное земледелие, вероятно, становится традиционным занятием. Переход от ручного подсечного земледелия к пашенному с применением тягловой силы животных произошел в центральных районах Карельского перешейка, по-видимому, во второй половине I тысячелетия н. э.

С производством железа в примитивных горнах население познакомилось во второй половине I тысячелетия до н. э. Но еще долгое время для изготовления орудий труда использовались камень и кость. Варианты карельских эпических песен сохранили упоминания о каменных орудиях труда как о вполне обычных, а железные на первых порах воспринимались создателями устного народного творчества в качестве привлекательного новшества. Пример

этого в «Калевале» — старый, мудрый Вяйнямй-нен не знал заклинания против железного топора, поранившего его. С конца I тысячелетия н. э. сельскохозяйственный инвентарь, рабочие и бытовые инструменты, оружие изготавливались уже из железа. Как можно судить по рунам, кузнец в зависимости от времени года выполнял различные виды работ: занимался земледелием, ловил рыбу, делал сани, лодки и т. д. В железоделательном производстве, продукция которого изготавливалась на заказ, а не на рынок, не было специализации. Герой карельского эпоса Илмаринен мог выковать все: оружие и орудия труда, предметы украшения и даже жену. Постепенно производство железа и кузнечное дело, спрос на продукцию которого был велик, стали отделяться от земледелия.

Значительную долю в хозяйстве занимали охота и рыболовство. Коллективное рыболовство и охота — наиболее ранние сюжеты в карельских эпических песнях. В общественном пользовании были не только орудия труда и средства передвижения, но и полученная в результате совместных усилий продукция. Руны отразили и первобытнообщинный характер скотоводства, в частности коневодства.

Разложению первобытно-общинного строя и зарождению феодальных отношений способствовали рост производительных сил, усиление, особенно к концу I тысячелетия н. э., торговых связей, но конкретные проявления феодальных отношений на археологическом материале проследить очень трудно. Элементы патриархального рабства, которые возникли на стадии родового строя, отмечены в устном народном творчестве. Судя по карельским эпическим песням, повествующим об ограниченности рабского труда, его непроизводительности, рабство у карел не получило широкого распространения.

Военная знать появляется в конце X — начале XI в. Руны «Калевалы», характеризующие этот период, в отличие от более ранних рун, что воспевали мир, труд, простые человеческие радости, прославляют оружие и военные подвиги, добытое в сражениях богатство.

*Я паду на поле битвы,
Я погибну в битве храбрых.
Хорошо погибнуть в битве,
Умереть под звон оружья!
На войне скончаться славно.
(36:29—S3)*

Имущественная и социальная дифференциация карел нашла отражение в появлении кладов серебряных монет и вещей. Источником личного обогащения была земля, постепенно переходящая в частную собственность, что послужило одной из главных причин разложения первобытно-общинных отношений. Создаются условия для постепенного перехода от родовой общины к соседской. Выделившиеся племенные старейшины и просто влиятельные люди племени (в карельских рунах это кунингасы) исподволь сосредоточивают в своих руках политическую и экономическую власть над рядовым населением. Однако формированию классового общества предшествовал длительный переходный этап.

В период разложения первобытно-общинного строя и возникновения феодальных отношений сама корела как определенная этническая общность прошла сложный и длительный путь развития. Поначалу примитивный уровень подсечного земледелия, охоты и рыболовства, слаборазвитые внутренние и внешние экономические связи затрудняли сближение разделенных большими пространствами племенных групп. Зафиксированные во второй половине I тысячелетия н. э. контакты с финно-угорскими племенами Прибалтики, Финляндии и севера европейской части СССР не отличались постоянством.

Начало II тысячелетия на берегах Ладожского озера было временем формирования древнекарельской народности, когда вырабатывались единые этнокультурные черты, а

привнесенные извне элементы, трансформируясь в соответствии с мировоззрением населения, органически входили в обиход. С другой стороны, и соседи испытали на себе влияние корелы. Обнаруженный на Карельском перешейке клад монет в районе пос. Вещево свидетельствует о торговле фризского купца с новгородской Карелией, хотя говорить о прямых торговых контактах нет оснований. Вероятно, жители Карельского перешейка постепенно проникали на территорию Финляндии или выступали в роли торговых посредников. Четыре арабские монеты и серебряные браслеты, датирующиеся X в. и найденные в Южном Саво, завезены из Северо-Западной Руси или с Ижорского плато.

Указанный период был интересен не только консолидацией древнекарельских групп. В контактирующих зонах намечается сближение корелы и населения Олонецкого перешейка, выразившееся в формировании гибридной культуры, в которой присутствуют черты двух этнических групп: древних карел и веси, что можно расценить как одну из ступеней в сложном и многоэтапном формировании современной карельской народности. В памятниках XI–XII вв. появляются вещи, свидетельствующие о прочных и крепнущих связях с Новгородом, соседними финно-угорскими племенами, и особенно с древними эстами.

Издrevле корелой был проложен путь к Ботническому заливу и в Лапландию, где торговцы покупали драгоценные меха. Некоторые западно-европейские вещи попали в Северо-Западное Приладожье, вероятно, кружным путем — из Новгорода, Ладogi и Прибалтики.² И, конечно же, в начале II тысячелетия н. э. связи корелы с древнерусскими городами были значительнее, важнее и весомее по степени воздействия, по конечным положительным результатам в политической, экономической и духовной сфере, чем западно-европейские.

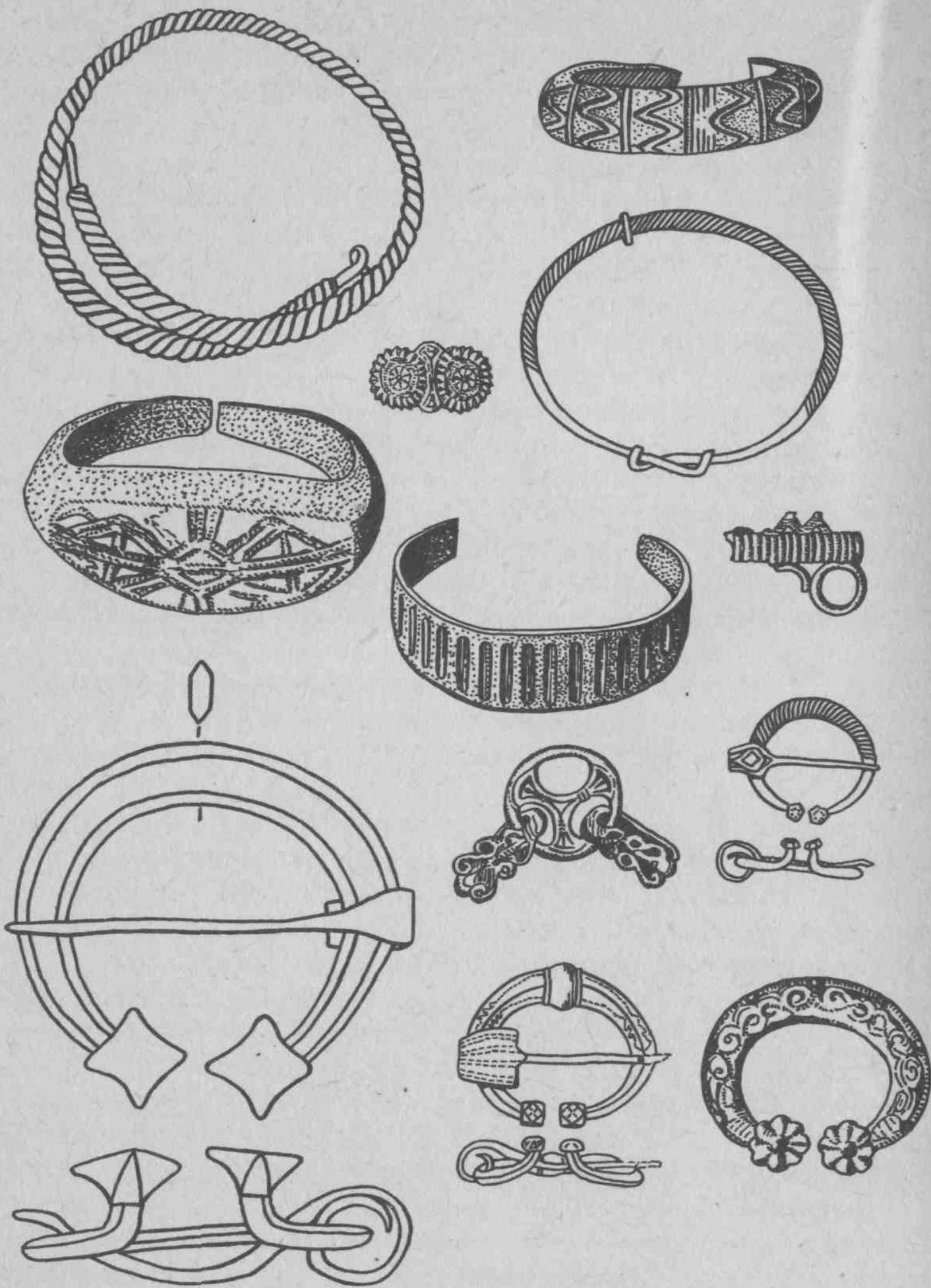

Рис. 3. Предметы украшения X—XII вв. из цветного металла.

Рис. 3. Предметы украшения X^{II}XII вв. из цветного металла.

В XII–XV вв. с переходом к феодальной формации племенное объединение корела трансформируется в древнекарельскую народность с едиными территорией, охватывающей северо-западные берега Ладоги с Карельским перешейком и юго-восточную часть Финляндии (район Мик-кельских озер и г. Лаппеэнранта), языком и общей материальной культурой. Это время расцвета древнекарельской культуры, характеризующейся яркими самобытными чертами.

*Вот красotka-деревенька,
Вот клочок земли прекрасной:
Луг — внизу, а выше — поле,
Посредине их — деревня,
Под деревней — милый берег.
(25: 375–379)*

Дом воздвиг он на болоте Из лесов его доставил, Он принес стволов еловых, Он принес высоких сосен, Их поставил в лучшем месте, Сколотил их так искусно, Что семье большой дом вышел, Превосходное строенье; Стены из лесу доставил, Балки снес с горы высокой, Из густых кустов стропила, Доски с ягодной поляны, Снял бересту он с березок, Мох из зыбкого болота.

*Осторожно дом построен
И стоит на месте прочно.
(25: 473–488)*

К настоящему времени на территории, занимаемой летописной корелой, известно шесть поселений. Одно из них — Хямеэнлахти — находилось на берегу одноименного залива Ладожского озера вблизи пос. Куркийоки, другое — Сур-Микли — около небольшого озера в районе г. Лахденпохья. На островах р. Вуоксы обнаружены два древнекарельских поселения: Тиверск и Корела. Корела (соврем. Приозерск) являлась в те времена административным и культурным центром на Карельском перешейке. Городища (укрепленные поселения) Паасо и Куркийоки заложены на берегах рек, в 1–2 км от их впадения в Ладожское озеро. Непосредственно на побережье Ладожского озера поселений нет (точнее говоря, до сих пор неизвестны), видимо, потому, что оно для мирных жителей было далеко не безопасным. Выбранные для поселений места являлись удобными и с географической, и с топографической точки зрения и использовались населением длительное время. Остров, на котором впоследствии возник пос. Тиверск, заселялся еще в X–XI вв., а на возвышенностях в Куркийоки и Паасо располагались древние могильники.

Напряженная внешнеполитическая обстановка, созданная непрекращающимися шведскими походами на землю корелы, обострившаяся к XIII в. вторжениями рыцарей прибалтийских орденов, прикрывавших свои территориальные претензии знаменем борьбы против язычества, осложнялась внутривосточной борьбой, провоцируемой монголо-татарами, в которую был втянут Новгород. Не всегда хватало сил, и согласованности, чтобы дать отпор врагам. Это диктовало и топографию поселений, и конструктивные особенности застройки, которые непременно были связаны с защитными свойствами рельефа. Для поселений выбирались участки, которые по своим природным данным уже давали какую-то защиту. Кроме того, жителями создавались внешние оборонительные линии в виде каменных стен и валов. Для усиления обороноспособности деревянные дома и постройки ставились так, что они образовывали вспомогательную защитную линию. Например, городище Паасо XII–XIII вв. располагалось между г. Сортавала и пос. Хелюля, примерно в 1 км от места слияния рек Тохмайоки и Хелюляйоки, на высокой (79.2 м) горе с крутыми скальными обрывами, и только южный склон был относительно пологим, хотя, как всегда это бывает, более длинным. Им-то и пользовались средневековые жители, чтобы попасть к себе домой, и мы, когда исследовали памятник. Площадь его около 1000 м². Понимая уязвимость южного склона, древние карелы укрепили его, построив два небольших вала с деревянными воротами между ними. Длина одного

из них свыше 38 м при ширине 3 м, высоте 1–1.6 м. Второй, несколько меньший (длина 23.5 м, ширина 2.5 м), располагался почти под углом к первому. Они сложены прямо на скале из расколотых камней без применения какого-либо связующего раствора, а сверху засыпаны культурным слоем — землей, снятой с территории древнего поселка. Поверх вала, увеличивая его высоту и, следовательно, защитные свойства, шли, видимо, какие-то деревянные конструкции. Небольшой стеной перекрывалась ложбинка, ведущая на возвышенность. По ней можно было внезапно прокрасться на городище; чтобы этого не случилось, жители соорудили замкнутую оборонительную линию из каменных стен и валов, используя также естественные скальные выступы.

Рис. 4. Ювелирные изделия с городища Паасо (цепедержатели, фибула, подвески, перстень, игольник, копоушка, янтарный крестик, бусины)

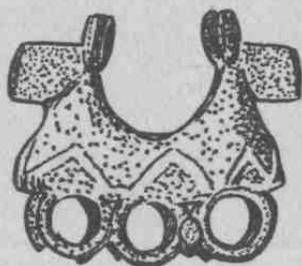
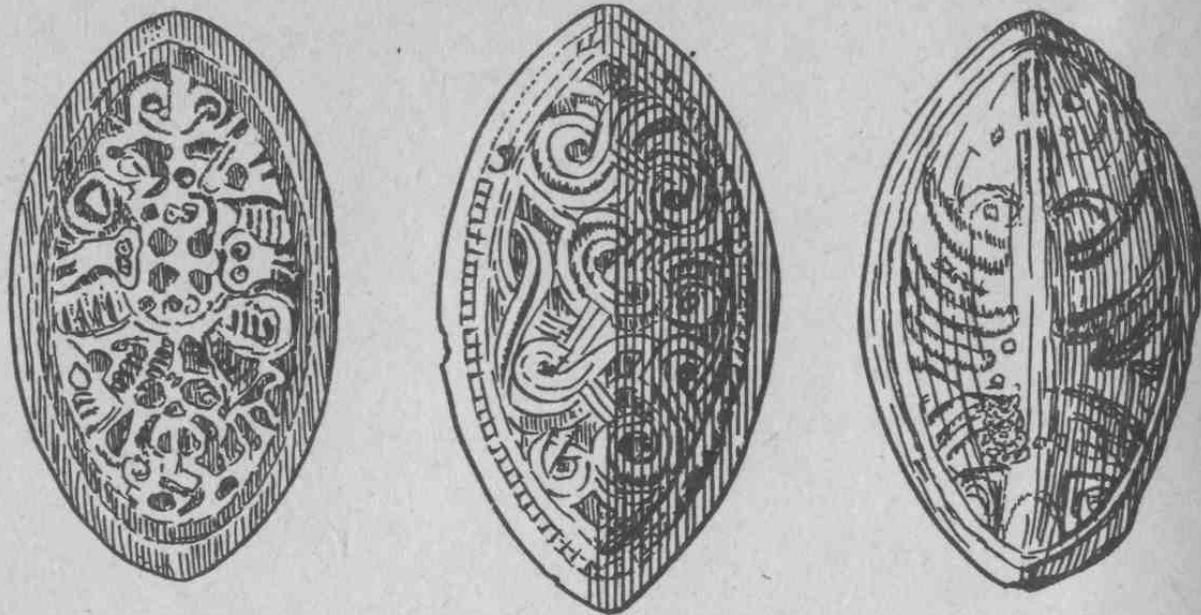

Рис. 5. Предметы украшения с городища Паасо (овально-выпуклые фибулы, шумящие подвески, ножи с орнаментированными рукоятями).

Рис. 5. Предметы украшения с городища Паасо (овально-выпуклые фибулы, шумящие подвески, ножи с орнаментированными рукоятями)

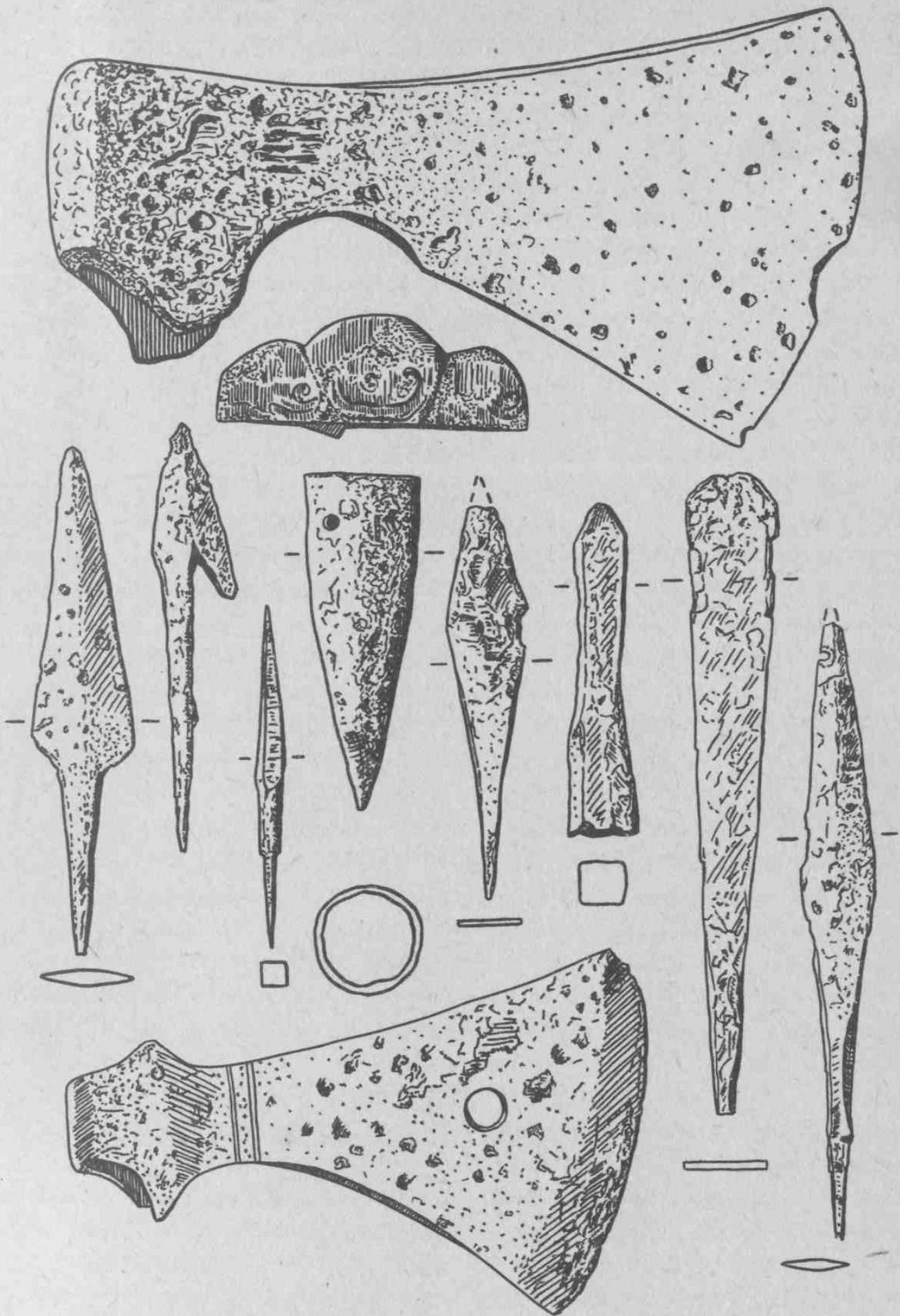

Рис. 6. Оружие с городища Паасо.

Рис. 6. Оружие с городища Паасо

Для строительства на горе оставалась очень узкая площадка. Дома должны были не только служить жильем, но — и защищать поселок. Примененный метод застройки близок к оптимальному: жилища, ориентированные в большинстве в направлении с севера на юг, расставленные в шахматном порядке, представляли собой оборонительный заслон. Построек площадью 40–48 м² было семь. Отопительные сооружения — печи и очаги — находились в центре дома, но иногда ближе к северным или южным стенам.

Скученная застройка имела и отрицательные последствия. Еще в самом начале строительства случился пожар, но жители Паасо не отказались от намерения вновь отстроить поселок: слишком удобна была гора — у ее подножия располагались пригодные для занятий земледелием участки, реки связывали с Ладожским озером и с отдаленными внутренними районами; и наконец, с горы открывался прекрасный обзор окружающего водного пространства, а это чрезвычайно важное обстоятельство давало преимущество жителям над врагом, исключало внезапность его появления.

За пределами жилищ, на более высокой террасе (в этом можно видеть соблюдение некоторых санитарных норм), где был источник воды, располагался кузнечный горн.

На городище собраны типичные для древнекарельской культуры вещи: застезжки-фибулы, цепедержатели, серебряные бусы, медные спирали, ножи с медными орнаментированными рукоятями, — а также предметы вооружения: обломок меча, боевые топоры, наконечники стрел и копий. Однако последних удивительно мало, хотя Паасо — памятник оборонительного значения. Находки свидетельствуют о занятии жителей земледелием, охотой, рыболовством и, кроме того, о производстве ими железа, волочении медной проволоки. Много обнаружено железных спиц, которыми прикреплялась льняная кудель к прялке.

Население поддерживало оживленные торговые связи с соседями, о чем говорят не только разнообразные «чужеземные» ювелирные изделия. При раскопках найдены редкие вещи: гиришка и медная чашечка весов для малых взвешиваний. Уплощенная сферическая гиришка обтянута бронзовым листом. Кратность ее обозначена пятью кружками на обеих плоскостях, Вес гиришки 94.5 г, что равняется приблизительно половине гривны серебра новгородской денежной системы того времени.

Большое число серебряных и медных ювелирных изделий хорошо сохранившийся разнотипный инвентарь, отчетливо выраженные следы пожара — свидетельства внезапной гибели городища. Как сложились обстоятельства в XIII в., нам теперь не выяснить, известно лишь, что враги почему-то не разграбили поселок, а владельцы вещей не вернулись на пепелище.

Городище получило свое имя по горе Паасонвуори (гора Паасо). Как же это название объясняется лингвистами? Единого мнения на данный счет нет: одни предполагают его заимствование от русского слова «погост», другие считают, что оно отражает тесную связь с реальными особенностями местности (паасо — «небольшой камень, плоский камень, гольш», «широкий плоский камень, плита») либо происходит от личного имени.

В конце XIII — начале XIV в. в Корельской земле при непосредственном участии новгородских властей было начато строительство крепостей для защиты пограничных рубежей от шведских посягательств и укрепления власти феодальной знати над рядовым населением. Немаловажная роль в осуществлении этих замыслов отводилась Тивер-скому городку — военно-оборонительному комплексу с отчетливо выраженным ремесленным уклоном. На Карельском перешейке, в 14 км от пос. Мельниково и в 3.5 км от д. Васильеве Приозерского района Ленинградской области, давно известно окруженное валом и каменными стенами городище площадью около 1 га. Оно располагалось у порогов Тиури на острове, омываемом двумя

рукавами р. Вуоксы.

Археологический памятник назван по городку, упомянутому в летописи. Основанием для сопоставления летописного Тиверского городка и конкретного археологического памятника послужило не только сходство названий — Тиверск, Тиверский, но и их территориальная близость. В списке залесских городов Тиверский помещен между Ладогой и Финским заливом, на территории от Орешка до Корелы. Он не мог находиться далеко от новгородско-шведской границы 1323 г., иначе не имело смысла строить данное оборонительное сооружение, и в то же время должен был быть удален от Новгорода. Летопись сообщает: когда шведы неожиданно напали на Тиверский городок в 1411 г., новгородцы узнали об этом только через три дня и, чтобы перехватить врага, пошли не к Тиверскому городку, а к Выборгу. Шведы были наказаны, а древнерусские воины возвратились в Новгород «со множеством полона».

Первое упоминание о Тиверском городке содержится в Никоновской летописи под 1404 г. в связи со следующими событиями. Смоленский князь Юрий Святославич отправился в Москву просить у великого князя Василия Дмитриевича (сына Дмитрия Донского) защиты от литовского князя Витовта, а тем временем изменники, пользуясь его отсутствием, сдали Смоленск Витовту. Расправа была жестокой: великая княгиня, приближенные Юрия Святославича взяты в плен и вывезены в Литву, а других «смертною казнию казниша». Узнав об этом, Юрий Святославич отправился в Новгород; там его приняли и дали в кормление 13 городов, среди которых назван Тиверский.

Конечно же, летописные даты 1404 и 1411 гг. не означают, что Тиверский городок существовал такой короткий промежуток времени. Археологические раскопки выявили жилые и хозяйственные комплексы, оборонительные сооружения и захоронения погибших защитников крепости. Вскрыто 14 фундаментов жилищ. Они сложены из мелких, вплотную пригнанных камней, обмазанных глиной. Верхние части домов были деревянными. Дно и стенки отопительных сооружений тоже делались из мелких камней и находились обычно в северо-западном углу, ближе к входу. Площадь жилищ колебалась от 18–20 до 54 м². В больших помещениях размещались хозяйственные комплексы. Постройки составляли двухрядную цепочку соответственно конфигурации острова, располагаясь в шахматном порядке, и представляли собой оборонительную линию, т. е. и на этом древнекарельском поселении мы видим те же особенности застройки, что и на городище Паасо, только там они зависели от микрорельефа горы, а в Тиверске — от конфигурации острова.

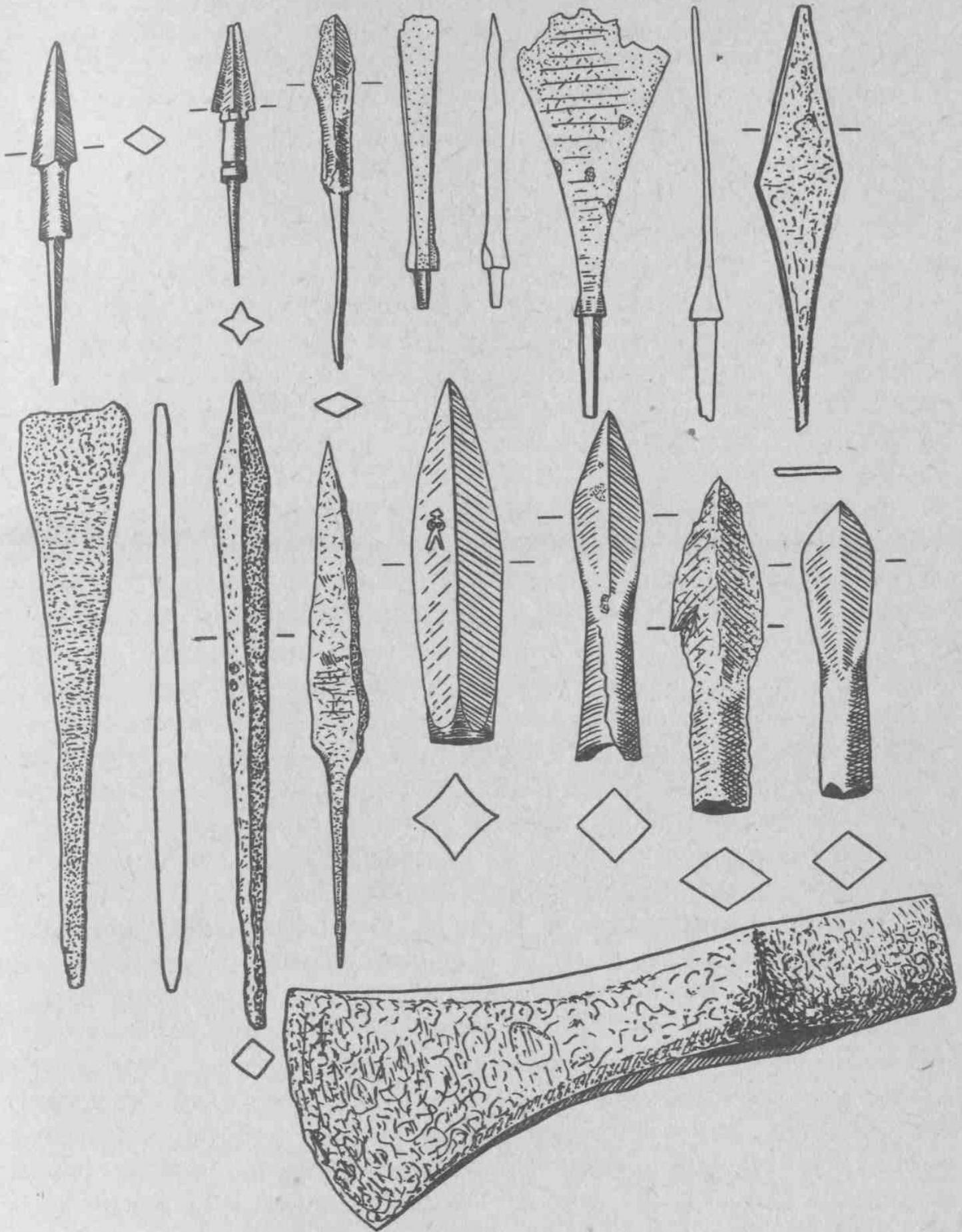

Рис. 7. Предметы вооружения из Тиверского городка.

Рис. 7. Предметы вооружения из Тиверского городка

Южная часть городища была защищена мощным валом с каменным основанием,

засыпанным землей. Обороне этого участка придавали серьезное значение: неприятель мог появиться только перед южными укреплениями. Не зря именно в данной части городища находилось почти все собранное при раскопках оружие. А с северной оконечности открывался свободный путь к отступлению под защиту надежных укреплений г. Корелы. Протяженность уцелевших оборонительных укреплений около 300 м, ширина от 1 до 11 м, высота с внутренней стороны 0.3–0.7 м. Поверх вала, хотя его вершина и достаточно высока над уровнем реки (около 7.5 м), шла еще, по всей вероятности, деревянная дополнительная конструкция. У внутренней кромки вала очень много валунов, оставшихся, по-видимому, от какой-то постройки.

Для усиления обороноспособности вала строители в качестве оберега поместили в его основании (чем продемонстрировали нам свои религиозные представления) жертвенник, похожий на небольшой очаг, с семью железными заклепками, фрагментами гончарной керамики, берцовой костью (видовая принадлежность не определена), кусочками коры и сожженными мелкими костями. Любопытно, что именно около вала в 1890 г. обнаружен клад серебряных вещей (головная застежка, ювелирная цепь, 11 филигранных бусин, две восточные монеты с ушками, два слитка серебра и три отпиленных от них кусочка, подвеска и медальон). Кто-то впопыхах, спасаясь от надвигающейся опасности, спрятал сокровище и не вернулся за ним; погиб, наверное.

В северной части Тиверского городка, как в более безопасной, была сосредоточена хозяйственная жизнь. Каменная стена, сложенная из валунов, во многих местах сохранила здесь почти первоначальную высоту. В восточной части с внутренней стороны оборонительной стены пристроены три прямоугольные камеры тоже из крупных валунов. Они безусловно выполняли оборонительную функцию, но этим не ограничивалось их назначение. По характеру собранных в них нахрдов допустимо говорить о производственной функции камер. Может быть, в них располагалась кузница? К сожалению, ответить утвердительно из-за плохой сохранности объекта нельзя.

Требуется пояснения и другое обстоятельство: почему использованы разнотипные оборонительные сооружения? Возможно, причина — время: вал возник, по-видимому, раньше, а камеры, пристроенные к оборонительной стене, — позднее, но выявить это на археологическом материале не удалось. К нарушению общей оборонительной системы приводило повреждение ее отдельных участков, так как вода, подступавшая в древности к самым стенам Тиверска, в период высокого стояния, очевидно, размывала оборонительные сооружения.

О распространении христианства свидетельствуют 28 захоронений, но они же говорят и о пережитках языческой обрядности. Погибшие защитники положены в могильные ямы (зафиксированы не во всех) головой на северо-восток (1 случай), северо-запад (3), юго-запад (6), запад (11 случаев); ориентировка остальных не выявлена. Дерево в культурном слое Тиверска сохранилось очень плохо, вот почему следы могильных деревянных сооружений (пронизка, перстни, шумящая подвеска, копоушки) отмечены только в одном погребении, хотя такие конструкции должны были бы быть.

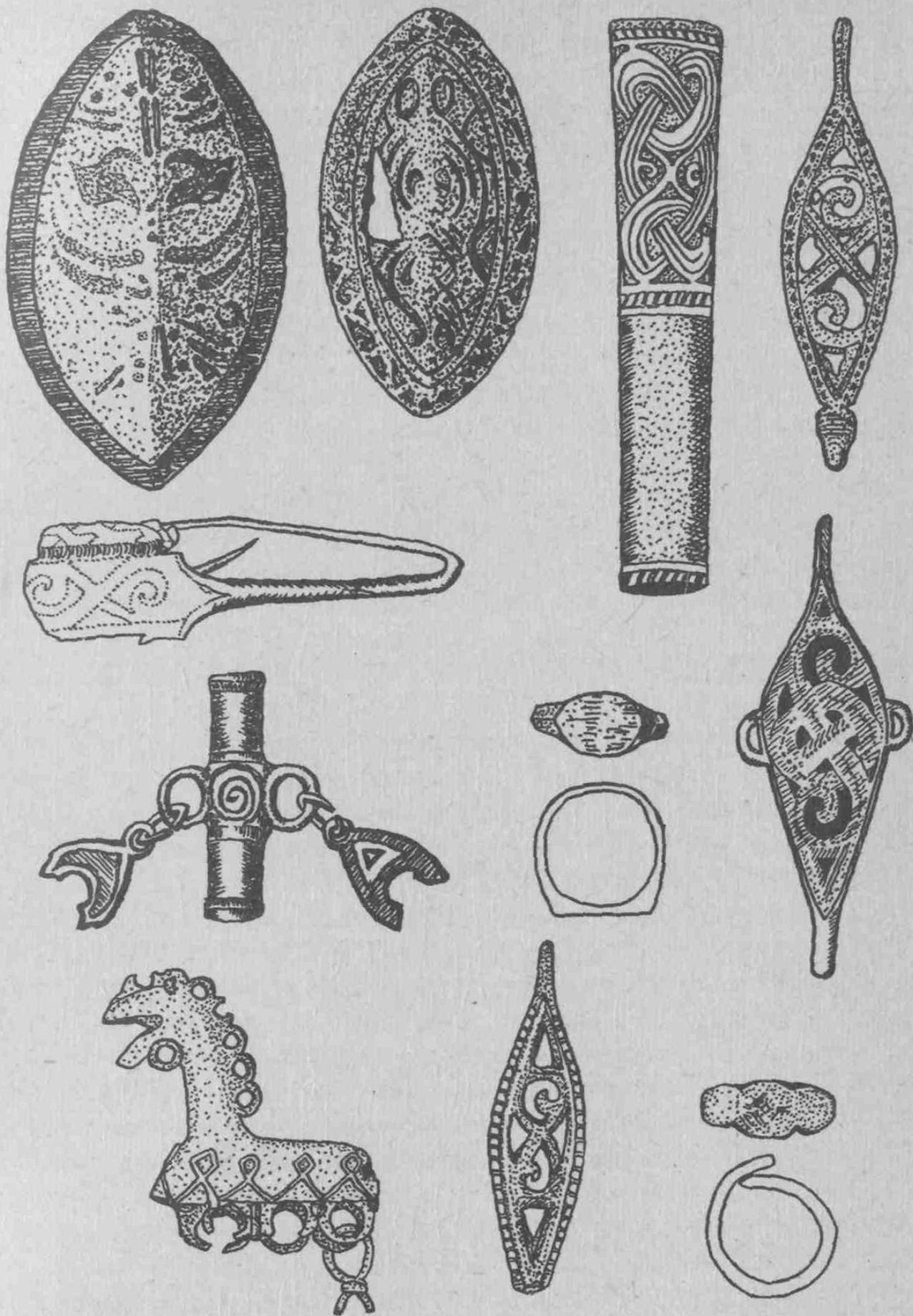

Рис. 8. Ювелирные изделия из Тивверского городка (овально-выпуклые фибулы, рукоять ножа, игла от подковообразной фибулы, Ф-образная пронизка, перстни, шумящая подвеска, копоушки).

Собранный при раскопках инвентарь обширен и показывает, что жители Тиверска не только несли сторожевую службу, но и занимались ремеслом, сельским хозяйством, животноводством, охотой, рыбной ловлей. Тиверцы поддерживали и оживленные торговые связи. При таком развитии производстве у них было чем торговать.

Хочу остановиться на одной индивидуальной находке — вислой свинцовой печати. На одной ее стороне изображен сидящий Дмитрий Солунский с мечом в руках, а на другой — надпись в пять строк: «Александр Матвеевич». Безусловно, наличие именной печати подразумевает присутствие важного документа, который ею был скреплен. Документ до нас не дошел, и мы не знаем, каким он был. Относительно же имени Александр Матвеевич известно, что его носил купеческий староста, упоминавшийся в договоре Новгорода с ганзейскими городами 1436 г. и в договорной грамоте Великого Новгорода с немецким купечеством 1439 г. В них сообщается, что купеческие старосты располагали именными печатями, которыми скреплялись упомянутые документы.¹ Но нам известно также, что Тиверск погиб в 1411 г. и уже не восстанавливался. Мог ли этот Александр Матвеевич послать в Тиверск документ до 1411 г.? Теоретически возможно, хотя мог существовать и другой Александр Матвеевич.

Итак, время гибели Тиверска выяснено — конец 1411 — начало 1412 г. Доказано, что в Новгородской первой летописи использовано летосчисление, при котором новый год начинался с марта. По летописному сообщению, новгородцы после разгрома шведов вернулись домой 26 марта. Продолжительность данного похода неизвестна, поэтому гибель Тиверска можно отнести к рубежу 1411 — 1412 гг. О времени его появления следует поговорить особо. Мы уже упоминали о существовании в X — начале XI в. на месте будущего Тиверска небольшого поселения. Тиверск же, по археологическим материалам, функционировал недолго. Дату его постройки можно вывести только приблизительно. Один из пунктов Ореховецкого мирного договора 1323 г. запрещал шведам и новгородцам строительство крепостей по обе стороны границы. Следовательно, Тиверский городок возник до 1323 г. С другой — стороны, вполне возможно предположить, что сооружение вблизи новгородско-шведской границы крепости как дополнительной преграды на пути к административному центру Кореле было, вероятно, ответной акцией на возросшую активность шведов, которые в 1293 г. построили Выборг. Таким образом, возникновение тиверских укреплений относится к периоду между 1293 и 1323 гг.

И наконец, о названии. Из письменных источников известно, что на Карельском перешейке жили пять родоплеменных групп, или «пять родов корельских детей»: Рокульцы, Вальдольцы, Виймольцы, Куурольцы и Тиврульцы. Похоже, что по имени последних назван и сам городок. Что же касается значения слова «тиури», то большинство лингвистов полагают, что оно саамского происхождения (в переводе — «снежная блоха», «насекомое»).

На острове, среди р. Вуоксы, в 2 км от ее впадения в Ладожское озеро располагается самое крупное поселение — крепость Корела. Возможно, где-нибудь ниже по реке у нее был предшественник. Где именно, сейчас уже не восстановить из-за застроенности берегов. Из летописей известно, что шведы основали городок в 1295 г.; по шведским же источникам, шведы лишь обновили построенные новгородцами укрепления. Объединенная древнекарельская территория, называемая Корельской землей и упомянутая в русских летописях под 1278 и 1293 гг., должна была иметь административный центр. Перенос поселения на остров, по археологическим материалам, произошел либо в 1300, либо в 1310 г. Эта дата подтверждается дендро-хронологическим анализом (анализ по годовым кольцам спиленных деревьев).

С XIV в. в Кореле высилась каменная боевая башня — «костер», поставленная новгородским посадником Яковом. В плане она представляла собой трапецию со скругленной фронтальной стороной. Площадь нижнего яруса 28 м². Фундамент сложен из валунов без

связующего раствора, стены — из тесаных камней, скрепленных известковым раствором, с валунной забутовкой.⁴ Поскольку Корела была административным центром округа, городом карельских и русских поселенцев, основную часть которых составляли новгородцы, то ее планировка, жилые постройки срубного типа, обилие вещей русского городского ремесла свидетельствуют о доминирующей роли русского населения. Тем не менее корела тоже там жила... Ее следы выявлены по писцовым книгам конца XV в.: «Да на посаде ж дворы своеземцев корельских», «на Спаском острове двор Григория Иванова сына Рокульского» 4 и т. д.

В глубине древнекарельской территории военные поселения сооружались и в XV–XVI вв., ибо шведы не отказались от планов захвата земель Русского государства. Так, было построено городище в Куркийоки на невысокой возвышенности Лопотти. Название возвышенности является заимствованием от славянского «слобода». С севера она омывалась р. Рахоланйоки, впадающей в залив Ладожского озера. Площадь поселения небольшая — около 500 м². Помимо внешней линии оборонительных укреплений в виде сложенных насухо из камней стен, защищавших возвышенность с трех сторон, существовала внутренняя — из жилых построек. Деревянные дома на каменных фундаментах (раскопаны четыре) площадью от 13 до 25 м², с печами-каменками в северо-восточном углу ориентированы в направлении северо-запад — юго-восток. Наступление противника можно было ожидать с севера, со стороны реки, поэтому строители постарались максимально укрепить северный мыс. Поперек возвышенности они поставили заслон из жилищ, которые своей четвертой стороной примыкали к общей каменной стене. Все эти усилия были оправданы, следов насильственной гибели на городище не обнаружено, не в пример Тиверску и Паасо, которых постигла трагическая участь.

Все три вышеназванных городища объединены общими признаками, что естественно, так как возведены они карелой. Более того, постройки в них обнаруживают сходство с другими, значительно более поздними сооружениями. Например, жилища, раскопанные археологами, по ряду признаков близки топящимся по-черному баням, которые встречены у финско-карельского населения восточных районов Финляндии и у карел Карельской АССР. Такие бани были четырехстенными, без предбанников, с почти плоской односкатной крышей, с печами-каменками, направленными устьем к входу. Благодаря устойчивости этнографических традиций мы можем наблюдать эволюцию жилища.⁵

Таким образом, при крайней опасности население Северо-Западного Приладожья пряталось на естественных труднодоступных возвышенностях с обрывистыми склонами, дополнив и завершив созданное природой некоторыми вспомогательными укреплениями из камней. Конечно, существовала и такая форма поселения, как открытые селища, но пока они слабо изучены.

Рис. 9. Вещи из кладов Корельской земли (гривна, подвески, подковообразные фибулы, сюкерё).

Рис. 9. Вещи из кладов Корельской земли (гривна, подвески, подковообразные фибулы, сюкерё).

Напряженная обстановка в Северо-Западном Приладожье в XII–XIV вв. привела к сокрытию ценностей: их безопаснее было доверить земле, чем держать при себе. А открытие кладов происходило случайно в процессе хозяйственных работ. Кладов с серебряными вещами и их обломками на этой территории найдено четыре. Монет в них нет.

У древних карел по краям полей встречались культовые камни. Появление таких «жертвенных камней» связывают с культом плодородия, с обрядом поклонения усопшему.⁶ Обряды и верования корелы, ее религиозные представления, обычаи и некоторые другие стороны духовной жизни раскрываются на материалах могильников.

*Никогда, сыны земные,
Никогда в течение жизни
Не обидьте невиновных,
Зла не делайте невинным,
Чтоб не видеть вам возмездья,
В сумрачных жилищах Туони!
Там одним виновным место,
Там одним порочным ложе:
Под горячими камнями,
Под пылающим утесом
И под сотканным покровом
Из червей и змей подземных.
(16: 401–412)*

Погребальные памятники корелы располагаются на южных склонах песчаных пригорков, на участках, пригодных для земледелия, обычно у воды. Закономерности в расположении могил не обнаружено. Может быть, в древности они как-то отмечались, но сейчас уже нельзя восстановить их первоначальный внешний вид.

Хоронили умерших по обряду трупоположения, в основном укладывали на спину, головой на север с отклонением к западу или востоку, хотя встречается и другая ориентировка. Могилы были глубокими (около 1 м). Умершего одевали в праздничную одежду и, как правило, помещали в деревянный сруб с дощатым настилом, покрытым шкурами животных. Сверху его накрывали либо берестой, либо дощатой крышкой. Для путешествия в потусторонний мир покойника снабжали теми вещами, которыми он пользовался при жизни. Если это была женщина, то помимо разнообразных украшений в могилу клали бытовой и сельскохозяйственный инвентарь (горшки, серпы, пряслица и т. д.), если мужчина, то при нем непременно находились предметы вооружения: в могилах побогаче — меч, наконечники копий и стрел, топор; победнее — топор. У древних карел существовал культ предков. Поминальные обряды совершались у могилы. В жертву приносились

лошадь или собака, овца или корова (в зависимости от благосостояния умершего). Остатки таких пиршеств, кости от съеденных животных и птиц, складывались в посуду и ставились у могилы.

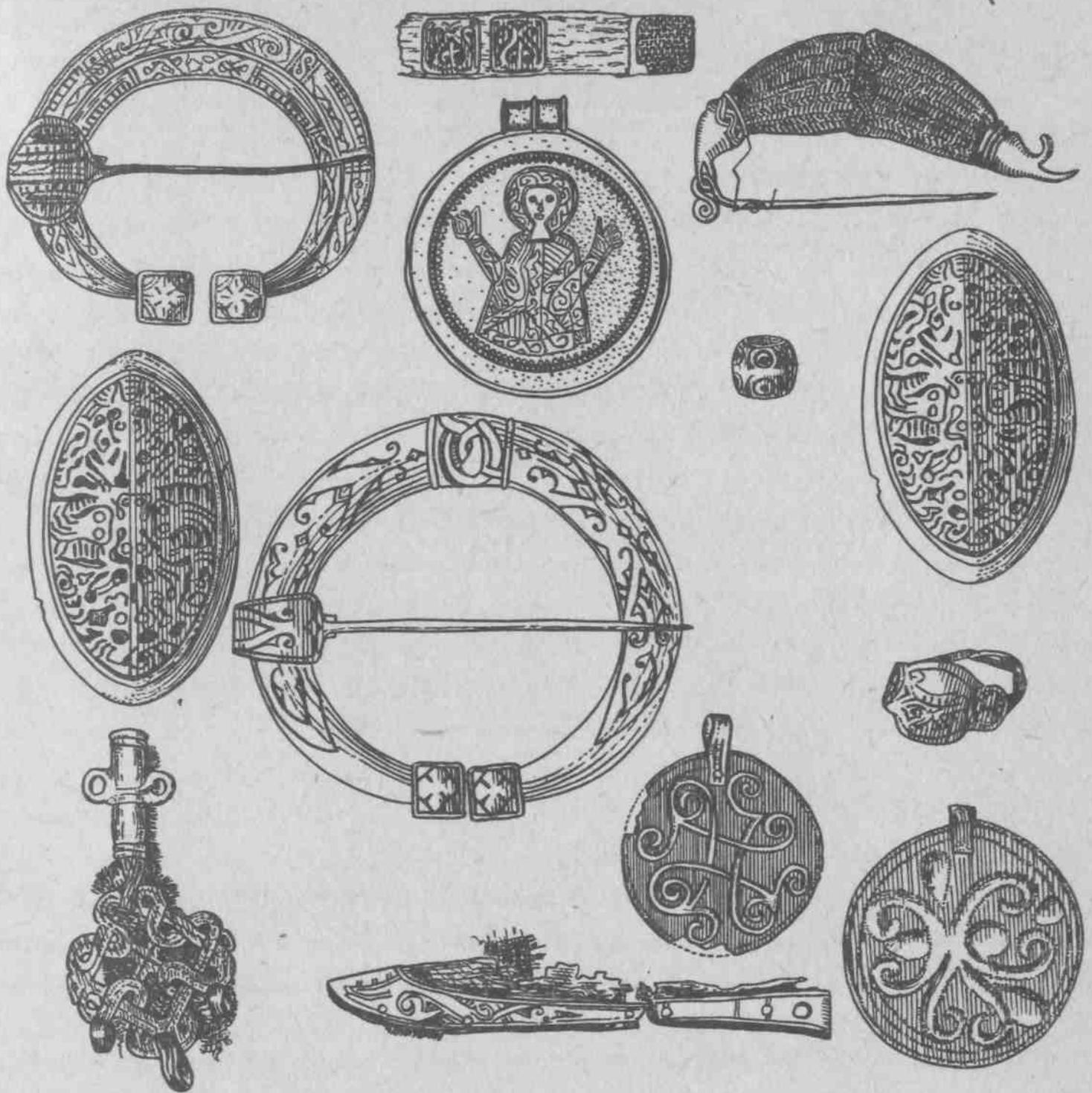

Рис. 10. Вещи из женского погребения Кекомьяки-6 (в центре — медальон с изображением Марии Оранты).

Рис. 10. Вещи из женского погребения Кекомьяки-6 (в центре — медальон с изображением Марии Оранты).

По представлениям карелы, умерший, отправляясь в последний путь, менял только свое жилище. Ближайшие параллели древнекарельским могильникам обнаруживаются на северокарельских кладбищах. Еще в недавнее время это были срубы, внешним видом напоминающие постройки карел, с двускатной крышей и окошечком в головах, чтобы покойный мог наблюдать за делами живых. Часто под одним срубом находились могилы нескольких близких родственников. Как видим, между карельскими кладбищами, разделенными

несколькими веками, сохранились некоторые общие черты.

В массе своей карелы оставались язычниками, хотя влияние христианства в XIV в., особенно в районах, близких к культурным и административным центрам того времени, было значительным. Известную роль в консервации дохристианских верований сыграло то обстоятельство, что для карелы восприятие богослужения и чтение церковных книг затруднялись незнанием языка, к тому же, как хорошо было подмечено,¹ язычество являлось известной гарантией независимости. Недовольство церковью в последующие века вызывалось феодальным гнетом монастырей, которым принадлежала большая часть земель.

Религиозные вопросы осложнялись политическими. Швецию очень беспокоило усиление новгородского влияния на Карельском перешейке, а Новгород во что бы то ни стало стремился нейтрализовать шведский экспансионизм, приостановить распространение католицизма (известно, что в средневековье любое насилие подавалось под религиозными лозунгами). В 1227 г. князь Ярослав Всеволодович провел принудительное крещение карелы. Вот как об этом сообщает летопись: «Послав крести множество карел, мало не все люди». Однако западных претендентов на чужие земли это не остудило. В 50-е гг. XIII в. папа Александр IV писал архиепископу Упсалы о необходимости крестового похода на карелу. В 1255 г. архиепископ Риги получил разрешение от папы направить епископа к язычникам — води, ижоре и кареле, которые якобы только и ждут принятия новой веры.

Инициатива внедрения христианства в широкие народные массы принадлежала господствующему классу. С одной стороны, введение христианства сыграло прогрессивную роль в бурном поступательном развитии феодализма, в приобщении карелы к высокоразвитой русской культуре, а с другой — способствовало формированию феодально-зависимого населения. Религиозные догмы жестко регламентировали все стороны жизни общества в целом и человека в отдельности, закрепляли в сознании людей извечность классового общества и эксплуатации, требовали беспрекословного подчинения, формировали рабскую психологию у рядового населения.

Влияние православной веры испытали западные соседи карелы: в финском языке известны славянские, связанные с христианством слова: *risti* — «крест», *skiitta* — «скит», *pappi*. — «поп». Опорой Новгорода в укреплении христианской веры были возникшие в XIV в. Валаамский и Конне-вецкий монастыри.

Рис. 11. Вещи из мужского погребения Суотниэми-1.

Рис. 11. Вещи из мужского погребения Суотниэми-1.

Естественно, что за короткий срок язычество искоренить невозможно и после похода Ярослава Всеволодовича рядовая часть населения оставалась языческой. Доказательства? Пожалуйста. В Новгороде в слое середины XIII в. найдена редкая берестяная грамота. Написана она небрежным и своеобразным почерком на карельском языке. Грамота на 600 лет старше всех известных карельских текстов. Использован при этом русский алфавит, что неудивительно: тесные контакты с русским населением привели к знакомству с его письменностью. А содержит грамота языческое заклинание:

Божья стрела (молния) десять имен твоих. Стрела та она принадлежит богу. Бог судный направляет.³

И в XVI в. архиепископ Макарий был озабочен живучестью язычества у чуди. А финляндский епископ М. Агрикола обличал корелу (главная причина безудержной критики заключалась в ориентации корелы на Новгород, а вовсе не в язычестве, как может показаться на первый взгляд), приписывая ей главные «языческие мерзости».⁴ В борьбе христианства и

язычества возникали совместные формы существования и приспособляемости. Особенно данная ситуация характерна для нашего Севера. В фольк-лорно-эпических произведениях под влиянием христианства появляются самостоятельные жанры с новыми, в какой-то степени атеистическими народными героями. Например, Вяйнямёйнен под влиянием христианско-языческого мировоззрения превращается из героя в свою противоположность. В конце концов к XIX в., по образному выражению финляндского исследователя, борьба попа и знахаря закончилась взаимным поражением

ЛОКАЛЬНЫЕ ГРУППЫ КОРЕЛЫ

*Ведь обширен берег Суоми,
Широки пределы Саво.
(35:351–352)*

До сих пор вызывает споры включение средневековых памятников района Саво Юго-Восточной Финляндии в ареал древнекарельских племен. По традиционно установившемуся мнению, могильники, расположенные по берегам Миккельских озер, представляют собой ответвление ладожско-карельской культуры. Эта точка зрения видоизменилась в связи с раскопками в 30-е гг. могильников Кююхкюля и Мойсио, которые по ряду признаков близки западно-финским. Отсюда следовал вывод, что район Миккели вначале был освоен выходцами из Западной Финляндии, а заселение его корелой произошло несколько позднее. У некоторых исследователей появилась тенденция близость памятников Карельского перешейка и Юго-Восточной Финляндии объяснять не этническим родством, а культурным заимствованием. Если раньше в основном искали сходство между памятниками, то в настоящее время акцентируется внимание на их различиях. Теперь уже делается вывод, что жителями Саво были не древние карелы, а хяме, попавшие под влияние карельской культуры.

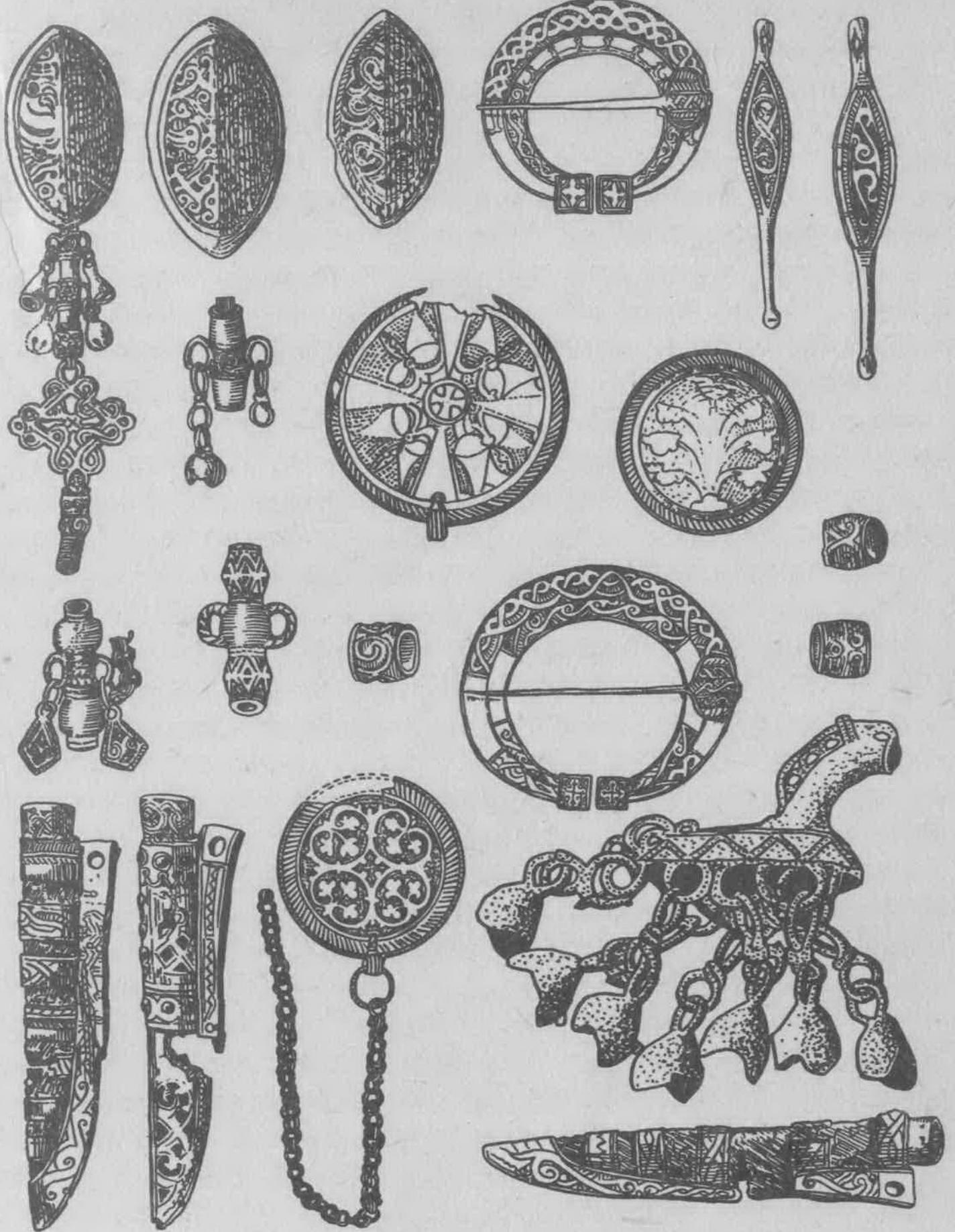

Рис. 12. Предметы украшения из могильника Тууккала (Саво).

Рис. 12. Предметы украшения из могильника Тууккала (Саво).

Вопрос о происхождении и взаимоотношениях двух культур носит принципиальный

характер. Решение его имеет существенное значение для истории древних карел, и в частности для выяснения их ареала. Вот почему мы сочли нужным остановиться на этом вопросе подробно.

Из сравнительной характеристики археологических материалов могильников Саво и Карельского перешейка логично вытекает вывод, что их близость нельзя объяснить лишь культурным заимствованием. Речь может идти только о едином этническом регионе. Однако территориальная удаленность (хотя это обстоятельство и не самое главное), иное этническое окружение (у жителей Саво ближайшими соседями были хяме и саамы; у корелы — славяне), политические акции привели в первой половине XIV в. к изоляции населения Саво, попавшего под власть Швеции, от основного ядра народности корела. Освоение Саво древними карелами произошло не в XII–XIV вв., а значительно раньше. Вот почему в погребальных обрядах и отчасти в некоторых вещах появились отклонения.

Вывод о том, что население Саво в основном составляли карелы, находит поддержку в лингвистических материалах. Такому выводу не противоречат некоторые заимствования из языка хяме, которые встречаются в приграничных районах. Этому есть естественные объяснения.¹

О заселении Саво выходцами с Карельского перешейка говорят антропологические (см. с. 10) и топонимические данные. Названия ряда населенных пунктов Саво схожи с названиями деревень у г. Сортавалы и в приграничных (с Саво) районах Карельского перешейка.² Недвусмысленные сведения по этому поводу дает текст Ореховецкого мирного договора. В нем прямо сообщается о передаче шведам трех погостов корелы: Яскис, Эвряпя и Саволакс. Не случайно поэтому в земельной книге Саво 1561 г. упоминается «карельское место погребений».

Вопросам взаимоотношений древних жителей Саво и Карельского перешейка посвятил свою работу финляндский этнограф Н. Валонен. Сопоставив этнографические и лингвистические материалы, он пришел к убедительным выводам, что населению Саво и приладожской Карелии были свойственны общие черты материальной культуры.³ До 1323 г., заключает исследователь, в районе р. Кюмийоки прослеживается граница между западными (хямескими) и восточными (карельскими) реалиями (например: соха из Хяме — соха восточного типа; серпы западного типа — восточные серпы; западные рабочие сани с низким передком — восточные сани с высоким передком; изба «tura» — изба «pirtti», и т. д.). Такое же различие прослеживается в пище. На западе употребляли колбасу из домашней птицы, на востоке она неизвестна; на западе — толокно на простокваше, на востоке — толокно на воде, и т. д.

Все эти примеры можно расценить так: по ряду признаков районы Саво и Северо-Западного Приладожья вошли в одну область, характеризующуюся общими чертами материальной культуры. Конечно, трудно сказать, к какому периоду — эпохе железа или средневековью — относились древние карельские или саво-карельские явления, такие как карельский амбар, высокий очаг и матицы на столбах, наиболее старые блюда, приготовлявшиеся в печи, восточный жернов, вышивка на рубашках и т. д., но о смене западно-финского серпа восточным в начале II тысячелетия н. э. на основе археологических материалов можно говорить довольно точно.

Занимая промежуточное положение между землей корелы с востока и землями хяме с запада, саво-карельская группа испытывала влияния с обеих сторон. Перед ней стояла проблема выбора: какие же из культурных явлений предпочесть. Так получилось, что хямеские элементы сохранились в охотничьей терминологии, кроме того, в технике плетения лаптей и в наречии. В то же время виды транспорта (восточные рабочие сани) и новое в обработке пожоги заимствованы с востока, как и завязывание веника на зиму. Но при всех заимствованиях в Саво

разрабатывалась и своя терминология, пополнялась культурная лексика (например, завтрак у всех трех групп звучал по-разному: *turkina* — кар., *suurus* — хяме, *aamiainen* — саво).

Народная культура Саво длительное время сохраняла первоначальные черты и традиции, но постепенно стала отличаться от культуры Карельского перешейка, а впоследствии — и русской Карелии. В южную часть Карельского перешейка в конце XIII в. усилился поток переселенцев из Западной Финляндии, что способствовало распространению западных традиций, восточная граница которых в большей своей части соответствовала государственной границе по Ореховецкому договору и, стало быть, разделяла земли Саво и новгородской Карелии.

В свою очередь группы жителей Саво в несколько более позднее время начали расселяться на север, северо-запад и северо-восток, что подтверждается и данными антропологии. Все это позволяет думать, что район Саво был занят главным образом выходцами из Северо-Западного Приладожья, наверное, в конце I тысячелетия н. э., примерно 1000 лет тому назад, и в незначительной части — из Хяме. Длительное развитие материальной и духовной культуры в контактирующих зонах запада и востока привело к формированию самостоятельной культуры Саво.

Кроме этой древнекарельской группы были и другие. О «пяти родах корельских детей», упомянутых в письменных источниках, уже говорилось. С ними уместно сопоставить лингвистические выкладки крупнейшего финно-угро-веда Д. В. Бубриха. По его мнению, к середине XII в. сформировались следующие группы корелы: привыборг-ская, присайминская, приботнийская, корела в центральной части Карельского перешейка и ижора.⁴ Все они испытали этнические влияния: одни — в большей мере, другие — в меньшей; у одних преобладали западные элементы, у других — восточные. Именно эти обстоятельства приводили к различиям в материальной культуре.

О разных группах корелы сообщают летописи. В районе Выборга называется «немецкая городецкая» корела. Определенные затруднения вызывает локализация семидесят-ской корелы. Единственное упоминание о ней помещено в Новгородской четвертой летописи (1375/76 г.): «Того же лета постави корела семидесятскаа Новый городок». Одни считают, что речь идет о саволакской кореле и г. Нишлоте, другие — о приботнийской кореле и г. Оулу. Исторической действительности не противоречит ни то, ни другое мнение. А как было на самом деле, пока неизвестно.

Сложно определить место проживания кобылицкой корелы, упомянутой в летописях под 1338 г. в связи с урегулированием новгородско-шведских отношений. Соглашение между обеими сторонами было достигнуто, но о кобылицкой кореле разговор со шведским королем был особым («а про кобыличкую корелу послати к свеискому королю»). В чем дело? Почему этот пункт потребовал доработки? Видимо, потому, что кобылицкая корела была предметом спора между двумя государствами и, надо думать, проживала в приграничной зоне. В противном случае, с какой стати шведский король решал бы внутри-новгородские дела. Скорее всего, кобылицкая корела обитала на территории нынешнего Токсовского района Ленинградской области. Любопытно, что в границах данного района переписная книга Водской пятины довольно часто упоминает деревни «на Кобылицах». Однако это не окончательный ответ.

В районе Саво тоже известны топонимы на *ogi* — «жеребец». В берестяной грамоте № 249 местом столкновения корелы и «севилакшан» назван пункт Коневы Воды у Жабия Носа (Коневы Воды — наименование одного из плесов оз. Сайма). Эти же Коневы Воды упоминаются архиепископом Макарием в 1534 г. при перечислении территорий с юга на север, заселенных язычниками (они помещены Макарием на севере Корельской земли).⁵

Стало быть, кобылицкая корела обитала либо на юге Карельского перешейка, либо в юго-восточной части Финляндии, на территории Саво.

ЖЕЛЕЗООБРАБАТЫВАЮЩЕЕ РЕМЕСЛО

*Из болот железо взяли,
Там на дне его отрыли,
Принесли его к горнилу.
Положил кузнец железо,
Поместил в огонь горнила
И мехи привел в движенье,
Трижды дуть их заставляет.
Расплавляется железо,
Размякает под мехами,
Точно тесто из пшеницы
Иль для черных хлебов тесто,
Там, в огне кузнечном сильном,
В ярком пламени горнила.
(9: 154–166)*

Северо-Западное Приладожье, традиционно связанное с судьбами Новгородского государства, испытало существенное воздействие древнерусских искусства и ремесел, способствовавшее экономическому и социально-политическому развитию края.

Территория корелы отличалась от чисто земледельческих и промысловых районов Новгородской земли развитым железоделательным производством, базирующимся на местных запасах сырья. Оно имело значительные масштабы: изготовлялось такое количество вещей, которое удовлетворяло спрос не только местного рынка. В писцовых книгах наряду с продуктами сельского хозяйства перечислены предметы железоделательного ремесла, которые должны были поставлять древние карелы. На городище Тиверск в хозяйственных помещениях, жилищах и вокруг них собрано свыше 5000 кусков шлаков с большим содержанием железа. Возможно, они были сохранены для вторичной переплавки. Добыча руды происходила за пределами поселка, выплавка железа — в горнах и домашних печах.

Железный инвентарь был подвергнут металлографическому анализу, в результате которого установлено несколько технологических схем изготовления кузнечных изделий, причем в общих чертах все они характерны для древнерусского ремесла IX–XIV вв.¹ Сварка из трех полос металла (или трехслойный пакет, по терминологии специалистов): двух железных по бокам и стальной, выходящей на лезвие (в результате получалось самозатачивающееся лезвие, клиновидное в сечении), — наиболее часто применялась древнекарельскими кузнецами, впрочем, как и мастерами других северных районов Руси в X–XI вв. Таким способом изготавливали ножи, серпы, бритвы. В Новгороде кроме трехслойного использовали пятислойный пакет, который представлен на небольшом количестве ножей. На середину клинка приходилась термически обработанная высокоуглеродистая полоса стали, на бока — железные, а к железным примыкали еще две стальные. Иногда ремесленники допускали брак — путали местами железные и стальные полосы, получался псевдопакет. Бракованные изделия встречены и в Тиверске, и на городище Паасо, но в целом сварка производилась при необходимом температурном режиме и с использованием флюсов, поэтому сварочные швы получались тонкими и чистыми. После того как многослойная полоса была подготовлена, ее обтачивали на точильных кругах. Технология трехслойного пакета обеспечивала высокий уровень изделий, которые по качеству не уступают современным.

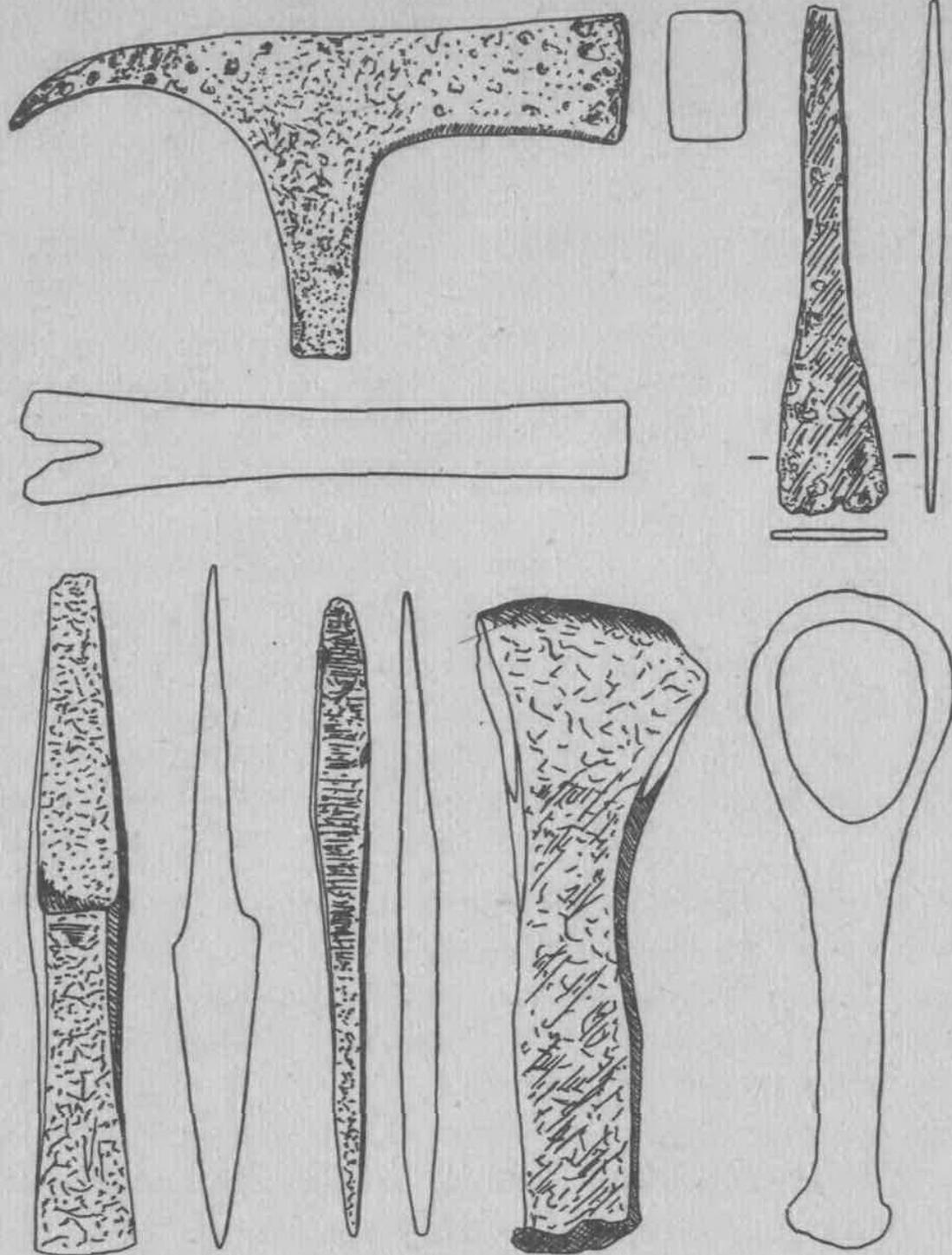

Рис. 13. Предметы железоделательного производства (молоток-гвоздодер, стамеска, зубила, долото, молоток, сверла, пробойники, резец).

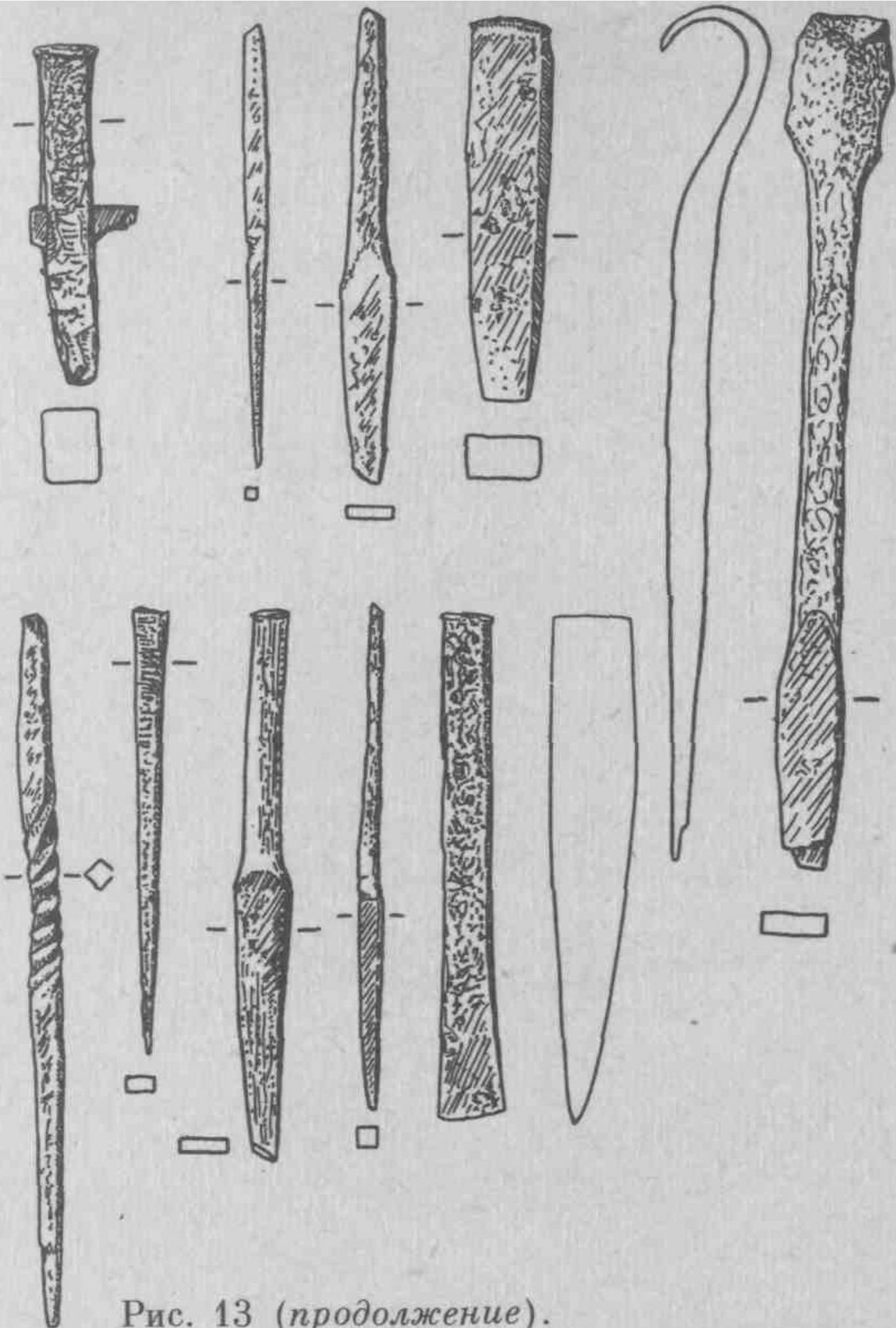

Рис. 13 (продолжение).

Рис. 13. Предметы железодельного производства (молоток-гвоздодер, стамеска, зубила,

долото, молоток, сверла, пробойники, резец).

Между тем указанная трудоемкая технология не могла удовлетворить возросший спрос на продукцию, поэтому в начале XII в. она была заменена более экономичной, при которой стальную полосу вваривали в рабочую часть клинка. Последняя по степени употребления занимала второе место у древнекарельских кузнецов, но уже к концу XII в. уступила место более упрощенной технологии — наварке стального лезвия на железный клинок. Стремление к экономии будило творческую мысль. Если в XII и начале XIII в. стальной была примерно половина площади клинка, то позднее осталась узкая полоска стали на самом острие лезвия. Изготовить оружие по такой технологии проще, но срок его службы значительно укорачивался. Торцовая наварка тоже довольно часто употреблялась ремесленниками, в то время как косая наварка, используемая в XIV–XV вв., еще более экономичная, чем торцовая, но при которой изделия быстро становились непригодными к употреблению, применялась карелами крайне редко. В древнерусском ремесле технология изготовления цельностального изделия занимала второе место, а у древних карел таких изделий мало, так же как мало предметов, сделанных по технологии цементации и сварных из железной и стальной (на лезвии) полос. Мастерство кузнецов проявляется в умении использовать термическую обработку: древнекарельские ремесленники широко освоили ее и грамотно применяли. При изготовлении замков они искусно владели паянием. Для того чтобы соединить две части изделия, между ними вводили легкоплавкий металл, который при нагревании проникал в соприкасающиеся детали. На тех же принципах основана технология обмеднения железных изделий. О высоком умении ремесленников свидетельствуют безукоризненные сварочные швы. Найденное на городище Паасо ботало — колокольчик, подвешиваемый на шею скоту, — имело стальную основу с медным покрытием внутри и снаружи, что придавало особую мелодичность звуку.

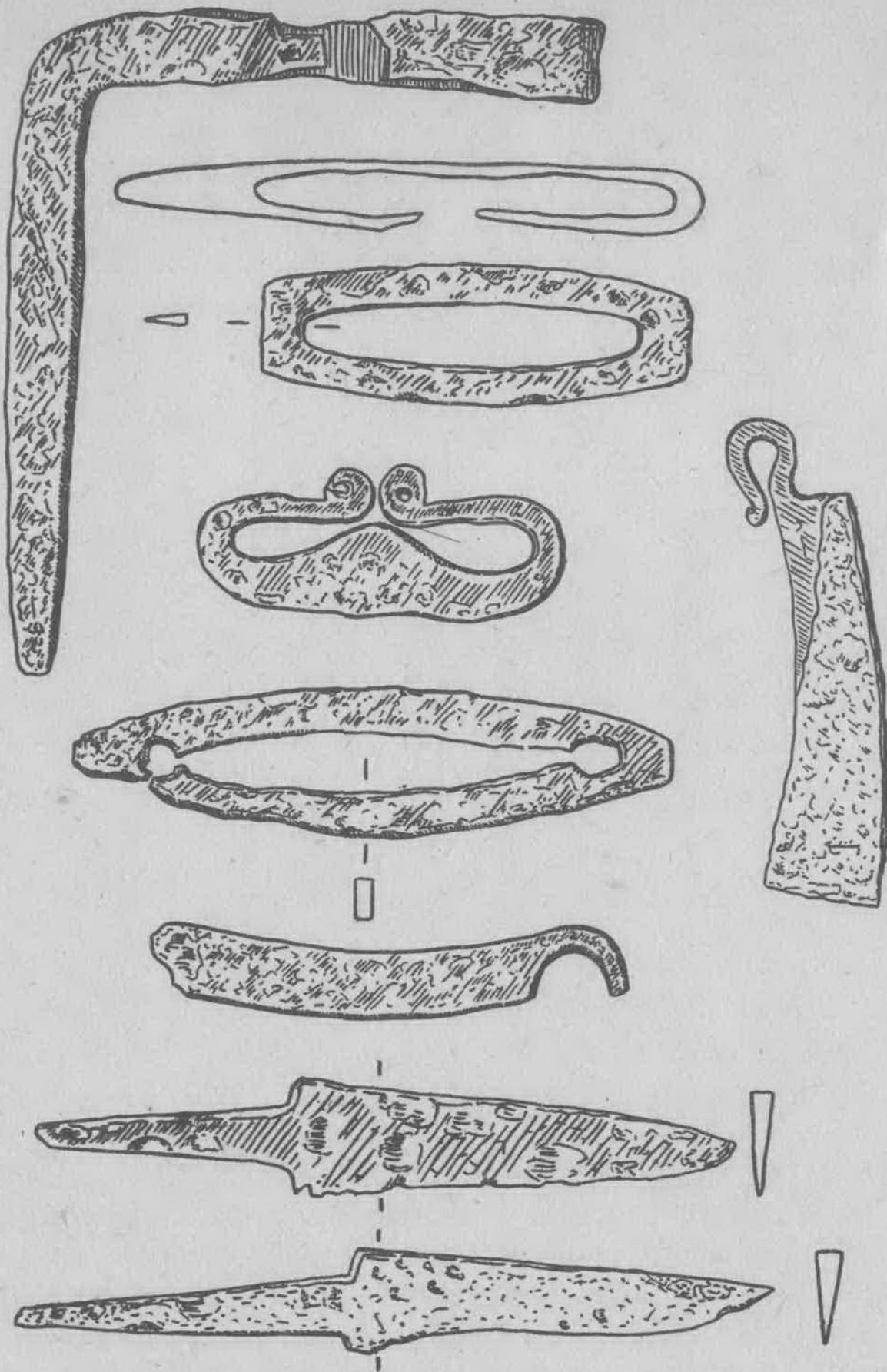

Рис. 14. Предметы железодельного производства (свечец, кресала, бритвы, ножи, замки, ключи, ледоходные шипы).

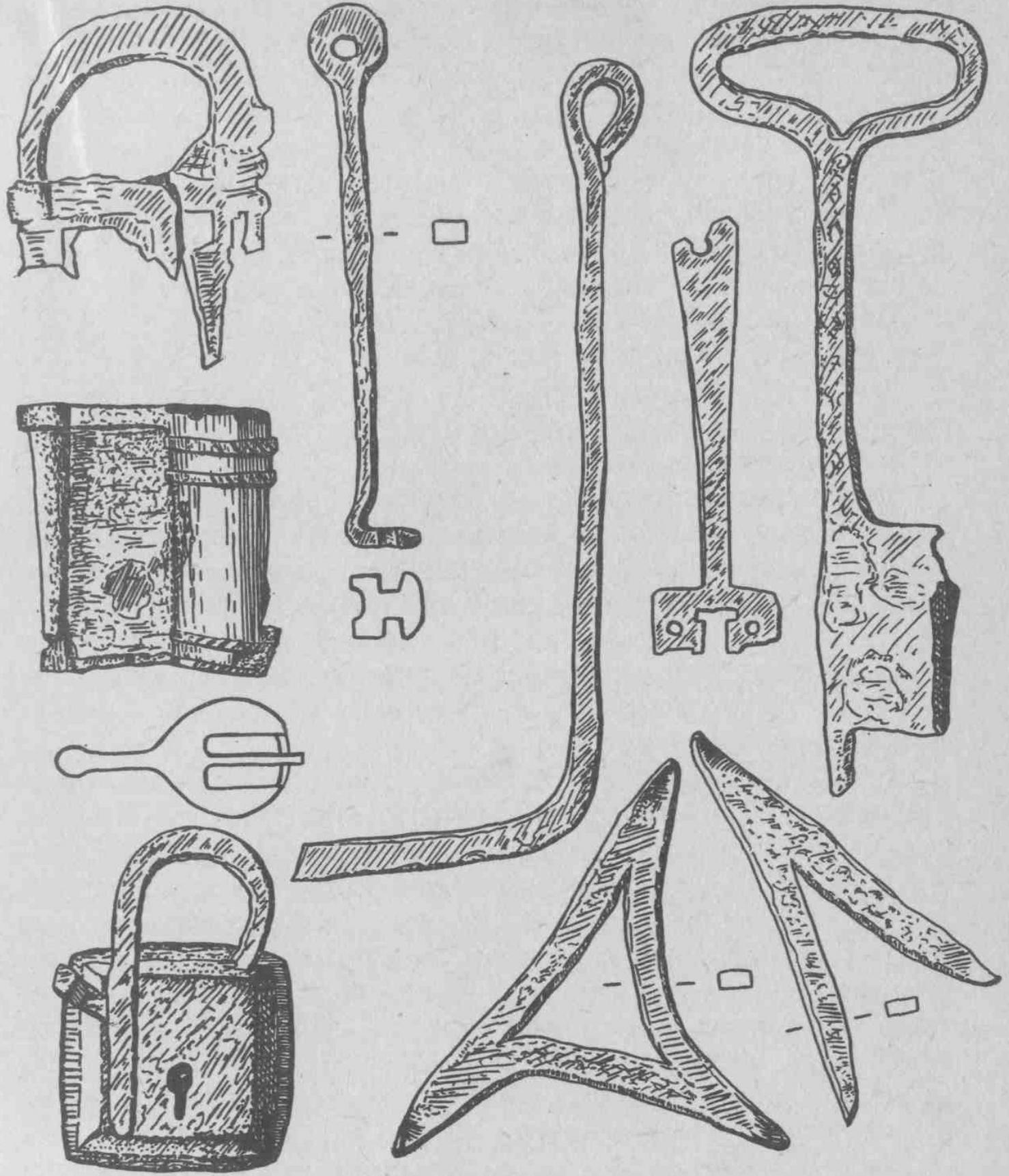

Рис. 14 (продолжение).

Рис. 14. Предметы железодельного производства (светец, кресала, бритвы, ножи, замки, ключи, ледоходные шипы).

При изготовлении самого разнообразного инвентаря применялись различные ковочные

работы: вытяжка, рубка, обрезка, пробивка отверстий, изгиб, скручивание. Все это можно было сделать только с горячим металлом. На некоторых предметах прослежена художественная кузнечная ковка. Инкрустация цветным металлом в виде двух параллельных полос отмечена на лицевых и боковых плоскостях боевых топоров.

В целом древнекарельское железообрабатывающее производство отличалось высокой степенью сложности, не уступая ремеслу древнерусских городов, прежде всего Новгорода, под прямым влиянием которого развивалось. Мастера не только владели передовой технологией, но и изготавливали разнообразные инструменты, употребляемые для обработки дерева и ювелирных предметов, в сапожном, шорном и ткацком ремеслах, в сельском хозяйстве и промыслах, оружейном деле. Много требовалось предметов для повседневных нужд. В основном они аналогичны и синхронны новгородским.

XII–XV вв. — это такое время, когда без замков и ключей было не обойтись. Их много и на городищах, и в могильниках. Они разнообразны по форме. Среди них есть висячие цилиндрические замки. Часто встречались лишь ключи к ним; видимо, как и в наше время, к одному замку делалось несколько ключей. Обнаружены деревянные задвижки, которые приводились в движение Г-образными ключами-отмычками (до сих пор так открываются некоторые ворота, калитки). Найдены и внутренние замки. В личном владении мужчин, а иногда и женщин находились кресала для высекания огня. В X–XI вв. применялись калачевидные, позднее — прямоугольные, удлинённо-овальные, просто овальные кресала. Индивидуальные по форме найдены в Тиверске: у одного рукоять в виде бегущей собаки, у другого — ажурная. Второе кресало интересно конструктивными особенностями: рукоять соединялась с рабочей частью методом горновой пайки. Бытовые ножи — тоже частая находка. Среди них есть миниатюрные с лезвием от 3.4 до 5.1 см. Длина остальных колебалась от 9.3 до 17.1 см. По функциональному назначению большинство ножей отнесено к хозяйственным, четыре — к столярным. Употреблялись сковородники, железные пружинные ножницы, светцы (приспособления для лучины, освещавшей помещение), бритвы. Сохранились цепи, пробойи, накладки, заклепки, обручи, фигурные оковки и многие другие железные предметы.

ЮВЕЛИРНОЕ РЕМЕСЛО И ПРЕДМЕТЫ УКРАШЕНИЯ

*Челночок тебе скую я,
Накую колец хороших,
И на грудь скую я крестик,
Головной убор прекрасный.
(18: 233–236)*

Высокий уровень художественного ремесла обеспечивал и качественное, и количественное разнообразие изделий. Помимо продукции местного производства распространялись предметы, изготовленные в Новгороде. Некоторые вещи поступали в результате многоплановых и разносторонних контактов. Остатки кузниц, в которых изготавливали медно-бронзовую нить для спиралей, украшавших женскую одежду, обнаружены на Карельском перешейке и у Куркийоки. Отдельные операции по обработке металла, не требующие применения горна, производились в жилых помещениях. Свидетельством работы с цветным металлом являются тигли, в которых плавил металл, и льячки, которыми его разливали в формы.

Металлообрабатывающие инструменты разнообразны, но немногочисленны. Ювелирная наковальня с удлиненным рогом и отверстием на противоположной стороне, найденная в хозяйственном комплексе Ховинсаари, аналогична новгородской. Считается, что такая наковальня наиболее удобна и универсальна в ювелирном производстве.¹ Она служила опорой при свободной ковке или чеканке. Железные инструменты для волочения, протяжки бронзовой проволоки, литейный ковш, молоточки, с помощью которых производилась выковка ювелирных предметов, зубила (ими обрабатывались кусочки металла, а маленькими даже наносился орнамент), бородки для пробивания отверстий, бронзовые пинцеты с плоскими губами для захвата мелких предметов при их обработке и изгибания проволоки при филигранных работах являлись принадлежностью мастера-ювелира. Сюда же относятся небольшие бронзовые весы для взвешивания отдельных компонентов при составлении сплавов из цветных металлов.

Медно-литейное дело в древнекарельских землях развивалось в русле лучших новгородских традиций. Для изготовления предметов украшения использовались сложные, аналогичные новгородским сплавы. Так, например, вещи X–XII вв. в основном сделаны из сплава меди с цинком. В XIII–XIV вв. растет доля продукции из «чистой» меди, свинцово-оловянистой и оловянистой бронзы.² Золотых предметов нет. Золото входило лишь как составная часть в некоторые сплавы. Ювелирные изделия несут большой объем информации, что нельзя сказать о кузнечных, повторяющих по форме и технологии вещи древнерусских центров, с которыми были связаны ремесленники-карелы. В ювелирных украшениях, в том, как их носили, проявлялись этнографические особенности. Кроме того, они сопутствовали определенному покрою одежды, что само по себе ставит и решает еще одну важную задачу — реконструкцию древнекарельского костюма.

Уникальными, свойственными только древнекарельской культуре, были серебряные и медные застёжки, использовавшиеся для прикрепления к волосам головного платка. Финляндские исследователи назвали их сюкерё — «узел (волос)». Действительно, они похожи на узел волос, выполненный из тонких нитей. Носили такие застёжки женщины, проживавшие в центральной части Карельского перешейка, где они, видимо, и изготавливались. Лишь одна застёжка обнаружена в эстонском кладе. Между тем та же техника плетения характерна для цепочек, которые в большом количестве встречались на памятниках Финляндии, Скандинавии,

Прибалтики.

Шейные гривны в древнекарельском наборе украшений заметного места не занимали. Несколько серебряных экземпляров обнаружено вкладах, в погребениях их нет. В качестве украшений шеи чаще использовались ленты. Их носили и мужчины, и женщины. Они делались из узких берестяных полос и обертывались тканью. Сверху нашивались серебряные, иногда — позолоченные бляшки. В некоторых случаях применялись брокатные ленты, т. е. изделия из шелковой, затканной серебром или золотом материи. У мужчин к шейной ленте подвешивались крестообразные подвески.

Найдена одна иконка, носившаяся женщиной на шнурке. В центре ее — изображение Иисуса Христа. Над его головой нимб, в левой руке книга, правая — поднята для благословения, над правым плечом буквы IC, над левым — XC. Изделие похоже на шиферную иконку первой половины XIV в. из собрания Троице-Сергиевой лавры.

Бусы не только не были характерны для корелы, но и носились иначе: как правило, они входили в сложные нагрудные украшения. Полые, круглые с ушком использовались мужчинами в качестве пуговиц. Встречены лишь два ожерелья из бус, которые носились так, как должно, — на шее. Стекланные бусы разнообразны: черные с белой спирально-волнистой инкрустацией, мозаичные, синие, коричневые, зеленоватые, золоченые бочонкообразные, — но количественно представлены мало. Чрезвычайно красивы серебряные филигранные бусы, орнаментированные узором в виде стилизованных листьев и различных фигур; бусы, украшенные зернью. Но чаще употреблялись скромные цилиндрические бусы из медных сплавов. У одних по внешней стороне — орнамент из спирально закрученного дрота, у других — из кружков, у третьих — посередине проходил металлический шнур.

Круглые, слегка выпуклые броши (они же фибулы, застёжки) носились женщинами на груди у ворота рубашки между овально-выпуклыми фибулами. Иногда броши соединялись цепочкой, свисавшей с нижнего кольца, с цепедержателем под овально-выпуклой фибулой, расположенной на правом плече. Видимо, броши не были связаны с определенным покроем одежды и их следует рассматривать как декоративный элемент, потому что в ряде случаев они заменялись различного вида застёжками.

Круглые фибулы изготовлялись из серебряного листа. К нижней части припаивалась (в редких случаях приклепывалась) петля, чаще всего в виде стилизованной головы животного с продетым в нее кольцом, с которого свисала металлическая цепочка, иногда — шерстяной шнур. На внутренней стороне была игла для застегивания. Центральная сферическая часть покрывалась разнообразными, очень редко повторяющимися орнаментами. Контур рисунка резко выделялся на фоне покрытой гравировкой и пуансонным (пуансон — инструмент чеканщика для нанесения различных узоров на металлические изделия) орнаментом поверхности, благодаря чему достигались контрастность и художественный эффект. Для усиления впечатления, для выделения центрального узора применялись чернь и позолота. Искусство чернения принадлежит к древнейшим русским орнаментальным приемам. Суть его заключалась в следующем. Предварительно поверхность для чернения подготавливалась чеканкой и тиснением так, чтобы фон был несколько углублен относительно рисунка. Для лучшего сцепления черни с серебром он еще дополнительно процарапывался резцом. Затем специальной черневой массой (серебро, свинец, медь, сера и т. д.) покрывалась углубленная поверхность и изделие подвергалось плавлению, чернь плотно соединялась с серебром. Мастер убирал излишки сплава, подправлял узор, и в результате появлялся светлый рисунок на темном фоне.

В качестве центрального узора на древнекарельских застёжках использовались крест с плавно закругленными линиями (в углах его помещались пальметты), асимметричные разводы

виноградной лозы, изображения львов, листьев, розеток, узоры, напоминающие «древо жизни». Среди фибул есть уникальные. На оборотной стороне одной из них (из могильника Тууккала) — руническая надпись XII в. Перевод ее дается в двух вариантах: Э. Кивикоски на немецком языке — «Я всей душой с Ботви», К. А. Нордманом — на шведском — «Ботви является моим владельцем». Исследователи считают, что Ботви это женское имя, довольно часто встречавшееся на Готланде.

Круглое серебряное изделие из тиверского клада состояло из двух припаянных друг к другу пластин. Поначалу его принимали за центральную часть крышки серебряного сосуда восточной работы. Действительно, крышка с шаровидной рукояткой и шестью чеканными сердцевидными клеймами от серебряного кувшинчика XIII в. из Киликии, древней области юго-востока Малой Азии, напоминает тиверскую вещь, но последняя имеет такой же ободок, что и у прочих брошей, поэтому версия о крышке отпадает. Однако близость к постсасанидским предметам Ирана и, более того, восточное происхождение тиверского украшения несомненны.

Что же касается происхождения остальных подобных изделий, то местом производства можно назвать либо Швецию, либо Готланд, хотя последний предпочтительнее — орнаментация брошей аналогична изображениям на монетах Кнута Эриксона, чеканенных в Висбю.³ Именно на Готланде известны предшественники древнекарельских фибул. Но, с другой стороны, на этих украшениях определенно видно восточное, в самом широком смысле, влияние, сказавшееся на особенностях декора, технике гравировки и чернения. Как могло произойти, что в изделиях, изготовленных на Готланде, совместились западные и восточные элементы, а потом эти вещи заняли видное место в наряде древнекарельских женщин? Это очень сложный вопрос, поскольку он касается почти неразработанной в настоящее время темы северного декоративно-прикладного искусства.

К названной категории украшений примыкают два схожих по форме предмета, которые первоначально носились как медальоны на шее, на шнурке, но, попав в древне-карельскую среду, были переделаны в фибулы. Один из них — серебряный с изображением Марии Оранты (Марии Молящейся) в центре. Нет сомнения, что он изготовлен как дешевое провинциальное подражание роскошным, уникальным изделиям, однако пришелся по вкусу и в более позднее время. Например, финляндские кустики делали подвески, в общих чертах идентичные древнекарельскому образцу, и для местного пользования, и для вывоза за границу.⁴

Тесным связям с Русью обязан своим появлением на Карельском перешейке и другой предмет — фибула с гравированным узором, получившим в литературе название «процветший крест». На наружном ободке расположено восемь выпуклостей, подражающих драгоценным камням, украшавшим изделия из богатых древнерусских кладов. Древнекарельский экземпляр, несмотря на внешнее сходство с ними, существенным образом отличается прежде всего отсутствием самих камней, функциональным назначением, особенностями декора, грубой техникой гравировки. Видимо, предмет создан новгородскими ремесленниками для внутреннего, провинциального рынка, в том числе и для жителей Корельской земли.

Крупные подковообразные, орнаментированные растительным узором фибулы давно названы в специальной литературе «карельскими», поскольку территория их распространения охватывала Северо-Западное Приладожье. Они употреблялись в женском костюме для прикрепления головного платка и наплечной накидки. Об истоках орнамента фибул высказывались разные точки зрения. Большинство финляндских исследователей полагали, что орнамент пришел с Готланда, где в художественных мастерских перемешались византийские и восточные стили. Наиболее плодотворные мысли в этом направлении высказаны Р. Страндбергом. Опираясь на сравнительный анализ готландского, шведского и новгородского орнаментов, он привел ряд серьезных доказательств в пользу своей точки зрения, согласно

которой новгородские орнаменты оказали ощутимое влияние и на готландский, и на шведский художественные стили. Эти подковообразные фибулы не могли изготавливаться на Готланде, поскольку там нет схожих вещей; следовательно, они сделаны в древнекарельских землях. Что же касается орнаментальных мотивов, то они, по убеждению Страндберга, были творчески восприняты у " новгородской художественной школы.⁵ Иначе и быть не могло — географические, социальные, политические и торговые условия способствовали ориентации древнекарельского искусства на Новгород. Но как бы ни обстояли дела в далеком прошлом, карельские подковообразные фибулы явились этнически определяющей чертой материальной культуры проживавшей в Юго-Восточной Финляндии и Северо-Западном Приладожье корелы.

Были в обиходе и другие фибулы, но они немногочисленны. В мужском костюме для застегивания верхней части одежды применялись отличные от женских подковообразные и кольцевидные застёжки. Среди последних есть необычная серебряная фибула с изображением сцепленных рук, фибула с надписью «Ave Maria G. T.»; по ободку третьей шел ряд готических букв (видимо, неправильно воспроизведена надпись «Ave Maria»). Еще одно изящное украшение — ажурная серебряная круглая фибула с орнаментом пальметта — имеет шведское происхождение.

Овально-выпуклые фибулы носились женщинами на предплечьях и скрепляли два полотнища платья. От них свисали сложные гарнитуры украшений, о которых речь пойдет ниже. Овально-выпуклые фибулы в силу частой встречаемости несут важную хронологическую и этническую информацию. Этим украшениям, за некоторым исключением, свойственны одинаковые форма и размеры, но орнаментация их различна: узор из кружков, звериный орнамент, растительный акантовый (акант — род травянистых растений), в виде плетенки. Самыми распространенными были застёжки с изображением клешней рака: 83 обнаружены в пределах этнической древнекарельской территории, а также в Финляндии, Новгороде, Изборске, Орешке иуд. Мишкино в бассейне р. Невы.

Одни фибулы начали входить в употребление в XII в., другие — прочно датируются XIII–XIV вв. Но вот что интересно: ареал фибул убедительно очерчивает район обитания древних карел. Присутствие типичных для корелы предметов за пределами этнической территории говорит как о пребывании некоторых ее представителей в отдаленных местах, так и о широких торговых связях.

В нагрудных украшениях между овально-выпуклыми фибулами и цепедержателями располагались пронизки, своей формой напоминающие букву «Ф». Через них пропускался шнур, один конец которого привязывался к верхнему украшению, другой — к нижнему. Иногда между «Ф»-образной пронизкой и цепедержателем помещались металлические цилиндрические бусины. К ушкам подвешивались миниатюрные украшения треугольной, ромбовидной, сердцевидной формы, в виде бубенчиков, лапок водоплавающих птиц. Пронизки характерны для древнекарельской культуры главным образом центральной части Карельского перешейка. На северном побережье Ладоги, и в частности на городище Паасо, они неизвестны. По этим предметам совершенно неожиданно (потому, что на других образцах материальной культуры это направление не выявлено) устанавливаются связи между древними карелами и пермью вычегодской. Такие же изделия встречены в Западной Финляндии, где они оставлены проникшей туда частью населения с северо-западных берегов Ладоги.

Неповторимое своеобразие материальной культуре корелы придают серебряные и медные цепедержатели: спиралевидные и ажурные крестообразной формы. Их назначение ясно из названия — держать цепи нагрудных украшений. Спиралевидные представлены изделиями простой формы и с более усложненной орнаментацией. Первые обнаруживают значительное сходство с бронзовыми спиральными держателями начала XI в., найденными в Финляндии, а те

в свою очередь восходят еще к более ранним типам. Изделия с усложненным декором, напротив, можно считать типичным древнекарельским изобретением. Отдельные экземпляры встречены на островах Готланд и Сааремаа, на Ижорском плато, у Костромы, в Орешке и Новгороде.

Ажурные цепедержатели за пределами территории древних карел почти неизвестны (собраны лишь в разрушенном погребении у д. Мишкино, уже упоминавшемся в связи с находками других этнических вещей корелы), что позволяет считать их истинно предметами украшения корелы.

Цепи из серебра, бронзы, железа — обычные ювелирные изделия, носимые женщинами на груди. Они соединяли нагрудные украшения, от которых спускались дополнительные цепочки с висевшими на одном конце копоуш-кой, на другом — ножом и т. д. Нагрудные цепи состояли из одинарных, двойных, тройных колечек различной толщины и диаметра. Фантазия мастеров-ювелиров привела к созданию цепей из бронзовых пластин, костыльков с ушками, крупных железных восьмеркообразных звеньев. У древних карел, проживавших на Карельском перешейке, использовались железные цепи (за одним исключением), в могильниках Саво — и те и другие.

Копоушки одновременно использовались в гигиенических целях — для чистки ушей — и служили украшением женского древнекарельского костюма. Такие изделия обычны для финно-угорских народов, заселявших обширные территории. Западнее Корельской земли они неизвестны. Отдельные находки в Финляндии свидетельствуют о проникновении туда какой-то части корелы. Копоушки крепились железной цепочкой к правой части нагрудного гарнитура (овально-выпуклая фибула — Ф-образная про-низка — цепедержатель) и спускались ниже пояса. Делались из серебра, медных сплавов и железа. Единственное изделие из кости имело два неидентичных изображения: на одной стороне — акантовый узор, на другой — человеческая фигура во весь рост.

Немногочисленные шумящие подвески носились на длинной цепочке, спускающейся от нагрудного украшения до пояса, в одних случаях с правой стороны, в других — с левой. Такое расположение характерно для финно-угорских народов, использовавших их в качестве оберегов. Создается впечатление, что шумящие подвески не производились древними карелами: качественно они разнообразны, а представлены одним-двумя образцами. Такое могло произойти, если изделия где-то покупались. Это подтверждает уже давно высказанную мысль, что некоторые украшения, и в частности шумящие, изготавливались в Новгороде, откуда расходились в разных направлениях и йседали на инородных территориях.

Ножи — наиболее распространенные и универсальные предметы. Среди них есть боевые, бытовые и ножи с медными орнаментированными рукоятями в ножнах. Последние, нарядные, искусно украшенные, принадлежали обычно женщинам. Их прикрепляли к нагрудным цепочкам, свисавшим чуть ниже пояса с правой или левой стороны. Мужчины же, как правило, пользовались обыкновенными, простыми ножами, имевшими чисто практическое назначение. У женщин, разумеется, ножи исполняли, кроме того, и декоративную функцию. Ей были подчинены и форма изделия, и материал, идущий на рукоятки и ножны, и сам орнамент. Лезвие таких ножей занимало меньше половины всей длины и для каких-то серьезных операций было малоприспособленным, зато сама рукоять в форме усеченного конуса, слабо расширяющегося кверху, украшалась орнаментом в виде плетенки.

На территории летописной корелы ножи с орнаментированными рукоятями встречены и в могильниках, и на поселениях. Отдельные предметы известны в Северной Швеции, на Ижорском плато, в городах Копорье, Орешек и Новгород. Несмотря на такую широкую распространенность, изделия являются индикатором древнекарельской этнической принадлежности, независимо от того где они производились и куда попали в результате

сложных торгово-культурно-экономических связей. К ним, как и к шумящим подвескам, в равной степени приложимо объяснение о производстве их в Новгороде по заказу корелы. Не исключается изготовление на месте, ведь все-таки рукояти отличались друг от друга некоторыми деталями.

Ножи хранились в кожаных ножнах, украшенных орнаментированными бронзовыми пластинками. Древне-карельские ножны, хорошо задуманные и прекрасно выполненные, производили парадное впечатление. Длина их достигала 13–20 см (средние размеры 14–16 см). Среди ножен есть ажурные, в виде сплошных оковок, украшенных растительным орнаментом и прочерченными линиями, выполненными гравировкой. И хотя используются одни и те же мотивы, одни и те же детали орнамента, композиционное строение декора различно. У ножен помимо боковых пластинок есть еще и перехваты; максимальное число их — семь, но чаще — четыре-пять, однако от длины ножен количество перехватов не зависело. Боковые пластинки и перехваты покрывались растительным узором, выпуклостями, прочерченными линиями. Устье ножен, кроме того, подчеркивалось металлическим «кружевом».

Перстни из серебра и медных сплавов носились и мужчинами, и женщинами. Интересны фигурно-срединные печатные медные перстни. На печатках помещались гравированные изображения крылатого коня, схематические фигуры людей. На одном серебряном изделии на фигурном щитке в овальной, а затем прямоугольной рамке изображена мужская фигура с прямым предметом в правой руке и треугольным — в левой. Без сомнения, по многим деталям этот рисунок схож с изображением популярного на Руси воина — св. Феодора — на печатях новгородских князей XII–XIII вв., где он показан во весь рост с копьем в правой руке и щитом — в левой.⁶ Видно мужчине было лестно носить перстень с таким же, что и на печатях новгородских князей, изображением.

Для украшения женской одежды широко применялись спиральки, скрученные из медной проволоки различного сечения и диаметра. Эта традиция характерна как для ранних, так и для поздних этапов развития древнекарельской культуры и распространялась на северо-западных берегах Ладожского озера, а также в Юго-Восточной Финляндии (в районе Саво).

Среди предметов из цветных металлов есть единичные изделия, но мы не останавливаемся на них, поскольку не они определяют суть древнекарельской культуры. Подробно рассмотрены лишь те украшения, которые составили специфические особенности древнекарельской одежды и способствовали ее реконструкции.

*Как платка ты не носила,
Ты не знала и печали;
Не имела покрывала,
Не имела и заботы;
И печали и заботы
Головной платок приносит.
(22 -305-310)*

*Набрала получше платьев,
Понарядней из нарядов,
Их надела друг за дружской,
Головной убор надела,
Медные взяла застезжки,
Золотой прекрасный пояс.
(10: 237–242)*

*Хорошо наш сват оделся:
Разодет в кафтан суконный;
На руках кафтан в обтяжку
И сидит везде прекрасно.
(25: 569–572)*

*Хороша рубашка свата:
Чуть выглядывает ворот,
Словно дочь Луны соткала,
Всюду оловом украсив.
Хорошо наш сват оделся:
Шерстяной на чреслах пояс,
Что сработала дочь Солнца,
Дивно кольцами расшила.
(25: 577-5Н4)*

В одежде, как и в погребальных обрядах, ярко отражаются национальные особенности. Материал, из которого сделана одежда, покрой костюма, его украшения придают этнический колорит тем или иным группам населения. Поэтому, несмотря на то что карелы и вепсы являются близкими родственниками, их костюмы отличались друг от друга. Металлические украшения в костюме — важный индикатор моды и, следовательно, относительно точный хронологический показатель. По ним можно судить и о степени развитости ювелирного ремесла и торговли, и о географии экономических связей. Но восстановить костюм по археологическим материалам — далеко не простое дело. В одних случаях не хватает данных, в других — они вообще отсутствуют, а в третьих (и такое бывает) — не поддаются объяснению. Все эти недостатки в полной мере присущи и древнекарельскому археологическому материалу.

Еще Т. Швиндт по материалам раскопанных им погребений предложил два варианта реконструкции мужской и женской одежды, но зарисовок не оставил. Это большой пробел, поскольку исследователь раскапывал самые лучшие по сохранности могильники. Один из вариантов представляется наиболее согласованным с археологическими сведениями. Женская

одежда типа длинной юбки состояла из двух полотнищ плотной шерстяной четырехниточной ткани. Верхние концы заднего полотнища перекидывались на передние, слегка касаясь друг друга, а на предплечьях скреплялись овально-выпуклыми фибулами. Края обрабатывались светлой или ярко окрашенной шерстяной тканью либо фасонной лентой. На передники шла чаще всего также четырехниточная шерстяная ткань, края которой украшались спиральками из медных сплавов и бахромой. Наплечная накидка из четырехниточной ткани тоже отделялась по краям бахромой. Она застегивалась под грудью брошью. Платок из той же ткани, что и юбка, свисал с головы и крепился застежкой.

В дальнейшем реконструкция, предложенная Т. Швиндтом, не удовлетворила исследователей. В Национальном музее Финляндии (в Хельсинки) кропотливая работа этнографов и специалистов по древним тканям завершилась демонстрацией в 1956 г. манекена («хозяйка Кауколы»), облаченного в реконструированный древнекарельский костюм: белую рубаху и наплечную накидку, синие головной платок и передник, коричневую юбку. Из украшений присутствовали парные овально-выпуклые фибулы, Ф-образные пронизки, ажурные цепедержатели, от которых спускались бронзовые цепочки с висевшими на них ко-поушкой и шумящей подвеской (справа), ножом с бронзовой рукоятью в орнаментированных ножнах (слева). У ворота рубахи — круглая выпуклая застежка. Головной платок был прикреплен сюкерё и чуть ниже — пластинчатой подковообразной фибулой карельского типа, наплечная накидка — выпуклой подковообразной. На шее — лента с нашитыми серебряными четырехугольными пластинками, в ушах — серьги. На подоле передника, заканчивающегося бахромой, располагалась широкая полоса из спиралек в виде крестов с загнутыми под прямым углом концами. На ногах манекена — кожаная обувь с ремешками, стягивающими икры.

И этот костюм был подвергнут критике финляндской исследовательницей П.-Л. Лехтосало-Хиландер. Ею справедливо отмечены ошибки реставраторов: для карел были абсолютно нехарактерны серьги (во всем Северо-Западном Приладожье найдена одна серьга, да и та могла принадлежать мужчине) и бронзовые цепочки (в могилах собраны, за вычетом одного случая, железные); противоречит истине и неправильная техника орнаментации древне-карельских украшений: чеканка вместо гравировки.

Рис. 15. Женские костюмы из Кекомьяки-16 и 6. Реконструкция С. И. Коч-куркиной и И. В. Хеглунд.

Рис. 15. Женские костюмы из Кекомьяки-16 и 6. Реконструкция С. И. Коч-куркиной и И. В. Хеглунд.

Со своей стороны отметим еще некоторые недочеты в реконструированном костюме: шумящие украшения не получили распространения в древнекарельской среде; более того, копоушки и шумящие коньковые подвески вместе в погребениях не встречались.

Лехтосало-Хиландер критикует реставраторов за то, что цветовые сочетания в костюме далеко не исчерпывают всего разнообразия красок, которыми пользовались в жизни. Представлены белый, синий и коричневый цвета, в то время как в различных погребениях встречены почти белая юбка, окаймленная красноузорчатой тесьмой; темно-коричневая или черная, украшенная сине-красно-желтой тесьмой; юбка с двухцветной каймой; светлосерая со жгутом. Передники — темно-серые или черные, синие с аппликацией из металлических крестиков. Головные платки — натурального темно-коричневого цвета, но попадались выкрашенные индиго (синие). В некоторых погребениях могильника Кекомьяки сохранились остатки льняных нательных рубаш.

Перечисленное свидетельствует о том, что метод создания типичного костюма по данным нескольких погребений неправомерен. Воспроизведенный костюм нереален. Еще этнографами была отмечена индивидуальность нарядов у жительниц не только разных деревень, но и одной (это характерно как для карел, так и для других народов). Одежда, выявленная в результате раскопок одного могильника, отличалась от одежды из других, даже территориально близко расположенных. Более того, женский наряд, воссозданный по материалам могил с богатым сопровождающим инвентарем, не отражал, да и не мог отражать моду рядовых масс, о чем всегда надо помнить. А в скромных могилах, где вообще мало металлических украшений (они-то и сохраняют текстиль), почти невозможно проследить детали убранства.

Как удалось выяснить в результате реконструкций нескольких женских костюмов XII–XIII вв. по материалам могильников Карельского перешейка, у представителей одного и того же этноса по разным причинам, в том числе и по возрастному признаку, наблюдаются различия и в наборе элементов одежды, и в цвете, и в составе металлических украшений. Приведем примеры. Почти белая юбка на одной из двух женщин из могилы Кекомьяки-1б окаймлена красно-черной узорчатой тесьмой, скреплена овально-выпуклыми фибулами со звериным орнаментом (типа С); к ним прикреплены Ф-образные пронизки с привесками, спиралевидные держатели цепей, от которых спускались железные цепи, заканчивающиеся с правой стороны копоушкой, с левой — ножом с орнаментированной рукоятью в ножнах. Тонкая льняная рубаша, отделанная тесьмой с серебряными нитями, застегивалась у ворота орнаментированной серебряной пластинчатой выпуклой фибулой. Темно-серый передник, украшенный широкой полосой из бронзовых спиралек, составляющих сложные композиции, представляет собой лучший образец не только среди изделий Северо-Западного Приладожья. Головной платок синего цвета прикреплялся к волосам серебряной сюкерё и подковообразной фибулой карельского типа. Пальцы рук были украшены перстнями. Имелась ли наплечная накидка у этой женщины, сказать трудно, так как сопровождающие вещи обеих умерших перемешались. Но одно светло-серое наплечное покрывало все-таки зафиксировано. Лехтосало-Хиландер предполагает, что оно принадлежало второй женщине, одетой в темно-коричневую, почти черную юбку и серый передник, довольно скромно украшенный по подолу спиральками. О головном платке не упоминается, но думаю, что он был, поскольку присутствовала головная застежка.

Для костюма из могилы Кекомьяки-5 характерна иная цветовая гамма: юбка, украшенная двухцветной каймой, наплечная накидка с бахромой и головной платок темно-коричневые. В детском же погребении отмечена длинная юбка, наплечная накидка, но не было головного платка и передника. Видимо, эти детали одежды не носились подростками. Прочтите еще раз приведенные в начале раздела строчки из «Калевалы», и станет ясно, что головной платок и

покрывало принадлежали замужним женщинам. Из предметов украшения в могиле найдены серебряная круглая нагрудная и две овально-выпуклые фибулы с плетеным узором (тип F), бронзовая подковообразная выпуклая застежка карельского типа, спиралевидные цепедержатели, пять различных бусин, двухголовая коньковая шумящая подвеска, маленький нож со следами кожаных ножен и т. д.

Костюм из Кекомьяки-6 включал серую юбку, окаймленную жгутом, скрепленную овально-выпуклыми фибулами со звериным орнаментом (тип Cг), от которых спускались Ф-образные пронизки, ажурные держатели цепей. Цепочкой с висевшим на ней ножом f ножнах заканчивалась лишь правая сторона гарнитура. (ерая наплечная накидка скреплялась подковообразной выпуклой фибулой карельского типа. Синий передник был отделан одинарной каймой из бронзовых спиралек. С правой стороны пояса свисали две орнаментированные круглые пластинчатые подвески. В качестве шейного украшения использовалась обшитая тканью берестяная лента, украшенная серебряными пластинками. У ворота — медальон с изображением-Марии Оранты. Синий головной платок скреплялся сюкерё и пластинчатой подковообразной фибулой карельского типа. На левой руке — серебряный перстень.

Костюм из длинной юбки, головного платка, наплечной накидки и орнаментированного спиральками передника и с такими же, как в предыдущем погребении, украшениями обнаружен в Леппясенмяки-4. И все же, несмотря на стандартность одежды, погребенная выделялась ожерельем на шее, украшением из спиралек на лбу и поясом на талии. Между прочим, в рунах «Калевалы» последняя деталь женской одежды довольно часто упоминается.

Рис. 16. Женские костюмы из Ховинсаари-1 и Леппясенмяки-4. Реконструкция С. И. Кочкуркиной и И. В. Хеглунд.

Рис. 16. Женские костюмы из Ховинсаари-1 и Леппясенмяки-4. Реконструкция С. И. Кочкуркиной и И. В. Хеглунд.

Женские костюмы из Ховинсаари еще более разнообразны, хотя общий стиль,

свойственный древнекарельской одежде, в них соблюден. В погребениях обнаружены головные платки, наплечные накидки и юбки, в ряде случаев отсутствовал фартук, а из нагрудных украшений — Ф-образные пронизки.

Лехтосало-Хиландер восстановлен женский костюм из могилы Тууккала-26, состоявший из темно-синей юбки, белой рубахи, светло-серых передника, украшенного спиральками, и покрывала с бахромой. Переднее полотнище юбки намеренно сделано с таким запасом, что его верхний край, отделанный тесьмой, перекинут на грудь, а края заднего и переднего скреплены фибулами с изображением клешней рака (тип Н) почти на линии плеча. Ф-образные пронизки, имеющие две пары петель с привесками и бронзовую бусину внизу, ажурные цепедержатели со свисающими сердцевидными украшениями составляли сложный гарнитур, обе части которого соединялись железной кольчужной цепочкой. С правой стороны гарнитура на бронзовой цепочке свисала шумящая коньковая привеска (для Юго-Восточной Финляндии — вещь редкая), с левой — нож в ножнах. У ворота рубашки — круглая выпуклая серебряная фибула, соединяющаяся цепочкой с правой частью гарнитура. Серебряная пластинчатая подковообразная фибула скрепляла покрывало на правом плече. Передник с бахромой был украшен рядом спиралек не только по подолу: спиральные узоры дугообразно располагались по самому переднику и в его верхней части (кажется, такой передник единственный на весь могильник).

Реконструированная одежда из Тууккалы, конечно же, не исчерпывает всего разнообразия костюмов жителей Юго-Восточной Финляндии средневековой поры, поэтому сравнивать ее с древнекарельской затруднительно. Но можно утверждать, что в общих чертах та и другая схожи, хотя прослеживаются некоторые различия. Женщины из Тууккалы застегивали покрывало на правом плече пластинчатой подковообразной фибулой карельского типа, в то время как жительницы Карельского перешейка крепили его или на середине груди, или в области левого плеча выпуклой подковообразной фибулой карельского типа. Не отмечено на Карельском перешейке своеобразного оформления верхнего края юбки и передника, расположения овально-выпуклых фибул на плечах, а в Туук-кале не носили сьюкерё. Перечисленные частные отклонения следует рассматривать как региональную специфику, и, следовательно, женская одежда обоих районов практически аналогична, что является важным и веским аргументом в пользу их единой этнической принадлежности.

В XIII–XIV вв. женский костюм, возможно, видоизменился, но соответствовал направлению моды XII–XIII вв. Этнографы установили древность существования длинной юбки (хурстут) у карел. И хотя ныне ее не носят, сохранение названия в языке говорит о принадлежности хурстут к древнему слою материальной культуры карел.² Вместе с тем прослежено, что конструкция костюма, если не принимать во внимание его детали, оказывается схожей для населения Западной и Восточной Финляндии, а также Северо-Западного Приладожья. Это не случайно, сходство сложилось под воздействием на население данной территории определенных исторических, географических и социально-экономических факторов.

Значительное место в украшении женской одежды занимали спиральки. Тщательному анализу их мы обязаны финляндским исследователям. Они не только изучили изделия из конкретных памятников, но и создали целостную картину для большого региона Северной Европы. На Карельском перешейке для прикрепления спиралек к переднику использовался способ аппликации: короткие спиральки (длиной 1–1.5 см) нанизывались на нить (в новгородской Карелии чаще всего применяли ссученные вместе конскую и шерстяную нити), пришивались к полосе ткани, которая затем прикреплялась к подолу передника. Такой орнамент был виден только с лицевой стороны. Известны сложные композиции в виде крестообразных фигур, являющиеся, по признанию финляндских специалистов, вершиной мастерства. В Тууккале для прикрепления спиралек употреблялась конопляная или льняная нить, а в месте перекрестья нитей помещалась короткая спиралька. В западно-финских передниках орнамент создавался уже в процессе изготовления ткани: в нити основы вдевались более толстые спиральки, и тогда орнамент был виден с обеих сторон. Кроме того, на передниках имелись поясная кайма и орнамент в углах, а в месте перекрестья выпрямленные нити спиралек образовывали крест. Отличие от изделий первых двух регионов прослеживается и в оформлении наплечных накидок: в Западной Финляндии они украшались орнаментом из спиралек в виде звездочек, квадратов, четырехлистников и т. д.; в Северо-Западном Приладожье, как и в Миккели — Тууккале, края накидок отделялись тесьмой или каймой с бахромой, сотканной вместе с материей.

Широкое применение спиралек явилось предпосылкой к выделению определенной отрасли ювелирного ремесла (напомним о находках волочил для протягивания проволоки в Паасо и Ховинсаари). В фольклоре сохранилась информация, выраженная в поэтической форме, об «одеяниях с медными краями», «медных платьях», «золотых накидках» и т. д.

По мнению Лехтосало-Хиландер, украшение женской одежды спиральками представляло собой общеевропейскую моду, распространению которой не препятствовали ни языковые, ни

племенные барьеры. Вместе с тем различные народности по-своему применяли ее, поскольку женский костюм развивался на основе этнических традиций.³

Для реконструкции мужской одежды мы располагаем небольшим набором находок. Мужчины носили шерстяные или льняные рубахи, похожие на женские, скрепленные у ворота маленькой застежкой. Кафтан шился из валяной шерсти и на груди украшался фибулой. Пояс был кожаным с железными или бронзовыми пряжками; к нему привешивались нож в чехле, огниво, брусочек. Некоторые носили берестяные шейные ленты, обернутые тонкой тканью, с нашитыми золочеными серебряными пластинками и крестообразной подвеской в центре. По свидетельству этнографов, пояс с прикрепленным к нему огнивом, кремнем, трупом и ножом в ножнах имелся у каждого карельского крестьянина еще в недавнем прошлом.

Об обуви, женской и мужской, по археологическим материалам вообще нельзя составить представление, слишком маленькие обрывки ее извлечены при раскопках.

Словом, специалистам предстоит еще большая работа по выяснению общих и особенных черт одежды в различных районах Корельской земли, тем более что сама корела была далеко не однородной по составу.

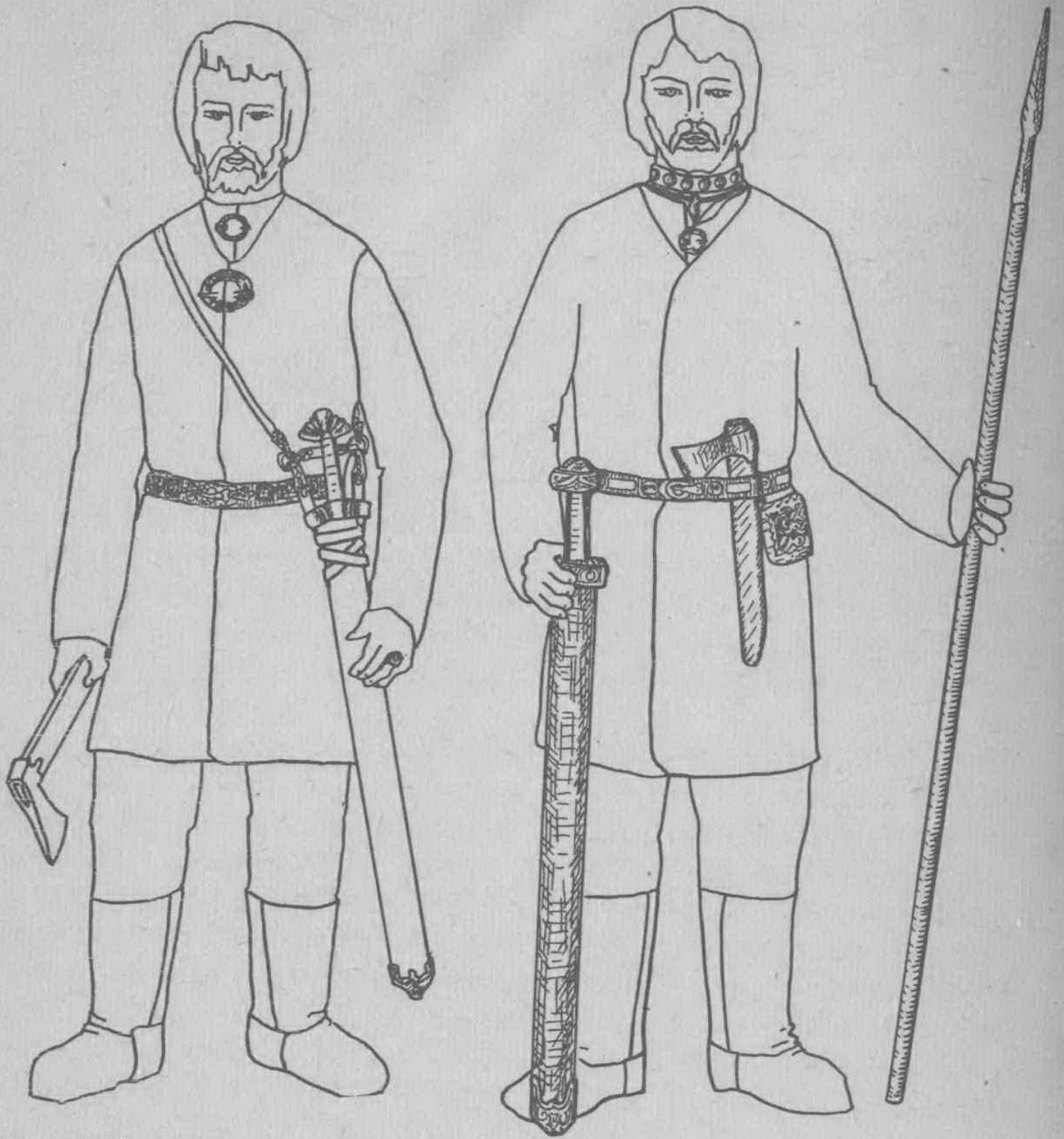

Рис. 18. Мужские костюмы из Кекомьяки-2 и Суотвиэми-1. Реконструкция С. И. Кочуркиной и И. В. Хеглунд.

Рис. 18. Мужские костюмы из Кекомьяки-2 и Суотвиэми-1. Реконструкция С. И. Кочуркиной и И. В. Хеглунд.

*Ткет одежду золотую,
 Серебром всю украшает,
 Золотой челнок проводит
 По серебряному берду.
 (8:7-10)
 Был (лен. — С. К.) очищен и разобран.
 Был обобран и оципан,
 Очень сильно был отрепан,
 Очень быстро был очесан.
 Вот снесли его для мочки;
 Был он вымочен поспешно
 И затем поспешно вынут,
 Очень быстро был просушен.
 Принесли его в жилище:
 Тут толкли его усердно,
 Со старанием помяли,
 Растрепали все волокна.
 Расчесали лен поспешно,
 Расчесали ранним утром,
 Разложили весь по связкам,
 После лен на веретена
 Намотали летней ночью.
 (48:37–53)*

Если ювелиры создавали соответствующие украшения для женской и мужской одежды, то ткачи — материал для нее. Остатки льняных и шерстяных тканей из погребальных памятников свидетельствуют о высокоразвитом ткачестве у корелы. Льняная ткань шла на изготовление мужских и женских нательных рубах и шейных украшений. Ткани из овечьей шерсти, из которых шилась верхняя одежда, разнообразнее по цветовой гамме и техническим признакам.

Шерстяные ткани полотняного переплетения изготавливались различными способами. Использование тонкой и одинаковой в основе и утке пряжи придавало ткани гладкую поверхность. Если же в основе пряжа была грубее, чем в утке, поверхность получалась рельефной. Своеобразный рисунок выходил при таком приеме тканья, когда нить утка пропускалась не через каждую нить основы, а сразу через две.

Ткани более сложного, саржевого переплетения, при котором чередование перекрытий нитей утка и основы идет по диагонали, употреблялись чаще других. Известны фрагменты толстой полосатой материи, сотканной из двух-трех ссученных разных по цвету тонких нитей.

Плетение и тканье шерстяных и льняных лент, тесьмы, бахромы, шнуров, употреблявшихся для отделки женской одежды и шейных украшений, — все это хорошо было знакомо древним карелам. Узорчатая и гладкая тесьма получалась при тканье на четырехугольных дощечках, снабженных по углам отверстиями. Если судить по языковым данным, то искусство тканья на дощечках было известно давным-давно, в период существования прибалтийско-финской языковой общности.

Найденные в древнекарельских могильниках фрагменты льняной тесьмы имели узоры в

виде елочки, ленточного переплетения (как у некоторых фибул и орнаментированных рукоятей ножей). Привозными были брокатные ленты.

Кроме шерстяных гладкоокрашенных плетеных шнуров использовались узорчатые диагонального переплетения и разноцветные. Например, на трех фрагментах в одной коллективной могиле (Кекомяки-1) узор был трехцветным (черный, коричневый, желтый), на четвертом — богатый рисунок сложного технического исполнения. Сырьем для шерстяных тканей служила овечья шерсть. О выращивании волокнистых культур для льняной одежды у нас нет прямых сведений. По данным этнографов, в Карелии, кроме северных районов, сеяли лен-долгунец (моче-нец). Процесс обработки льна подробно представлен в руне. Поспешность, с которой его обрабатывали — «лишь в течение ночи летней (48:63)», — была вызвана срочной потребностью в изготовлении сети, чтобы поймать рыбу, проглотившую огонь. В жизни процесс обработки льна занимал больше времени. В меньшем количестве культивировали коноплю. Конопля — капризная культура. Для нее требовались более удобренные земли, да и период созревания был длиннее.

О занятии ткачеством свидетельствуют находки большого количества пряслиц, железных игл-спиц, которыми прикреплялась льняная кудель к прялке. Поразительна их живучесть — они сохранились в карельских деревнях до XX в. А в Корельском городке обнаружены даже остатки ткацких станов. Пряслица, надевавшаяся на конец веретена для придания ему устойчивости, были костяными, шиферными, но чаще — глиняными. Как известно, пряслица из розового шифера изготавливались в окрестностях г. Овруча на Волыни, откуда распространились по огромной территории, но вряд ли эти предметы появились у корелы в результате транзитной торговли прямо из Овруча. Скорее всего, они были приобретены при посредничестве новгородского рынка.

Для шитья одежды пользовались железными и медными иглами, по конструкции совершенно идентичными современным.

ОБРАБОТКА ДЕРЕВА, КАМНЯ И КОСТИ

*Старый, верный Вяйнямёйнон,
Вековечный прорицатель,
Строит лодку заклинаньем.
(16:101–103)*

*Песню спел — и дно готово,
Спел еще — бока построил,
Третью песню спел — и сделал
Все уключины для весел,
Укрепил концы у ребер
И сплотил их сторонами.
(16:107–112)*

*Скоро лодочку окончил,
По краям связал каемки;
Он корму связал покрепче,
И борты сплотил сильнее.
(17:623–626)*

Обработка дерева, бересты — традиционное занятие древних карел, сохранившееся до наших дней. Из дерева строили дома, лодки, изготавливали посуду, рукоятки кос, серпов, мотыг, топоров и прочих инструментов. Из бересты выдвельвали сумки и кошель (приспособление для переноски тяжестей), может быть, посуду и основу для шейных лент. Береста часто применялась в хозяйстве, быту и при совершении погребальных обрядов.

Развитому деревообрабатывающему ремеслу соответствовал разнообразный плотницкий инвентарь: различные типы топоров, долота, сверла, скобели, резцы, стамески, ножи, гвоздодеры и т. д. В этот перечень попали гвоздодеры, которые трудно назвать деревообрабатывающим инструментом, но без них в плотницком деле было не обойтись.

Очень много точильных брусков собрано при исследовании археологических памятников. Они изготавливались из крупнозернистых пород камня — гранита, кварцита, песчаника — и были необходимы для заточки кос, серпов, топоров. Оселками из более мягкого материала (шифера) затачивали железные и медные швейные иглы, бритвы, ножи. Для работы по кости применялись резцы (обнаруженный в Тиверске резец сделан по технологии трехслойного пакета).

*Как пойдешь ты мыть посуду,
Мой не как-нибудь, а чисто, В
ымой ручки у горшочков,
Вымой краешки у чашек!
Моешь чашки — мой их сбоку,
Моешь ложки — мой их ручки!
Береги ты эти ложки,
Стереги горшочки эти.
(23:335–342)*

Основная часть бытовой посуды корелы представлена глиняными изделиями, хотя известны образцы из бронзы, меди и дерева. Бронзовые неорнаментированные блюда типа ганзейских чаш — явление в Северо-Западном Приладожье случайное. Они более характерны для памятников Западной Финляндии, Эстонии.

Медными и железными котлами древнекарельское население пользовалось длительный отрезок времени: и в I, и во II тысячелетии н. э. На памятниках сохранились остатки деревянных сосудов с медными оковками и заклепками, железные ручки от них, фрагменты посуды из капа и ели. Но эти остатки настолько невелики, что восстановить по ним форму сосудов не удалось.

В I — начале II тысячелетия н. э. население пользовалось глиняными сосудами, сделанными примитивным, ручным способом. Среди них есть ребристые, баночной формы, слабопрофилированные, т. е. такие же, что и в лепной керамике Старой Ладоги, Новгорода и некоторых других памятников Северо-Западной Руси.

Больше всего фрагментов гончарной керамики из желтой, красной и серой глины; встречаются обломки из беложгущейся глины. При обилии керамического материала, как ни странно, следов гончарного производства не обнаружено. Однако некоторые особенности примесей (ими служили, как показал анализ состава теста, материалы, встречающиеся в природе повсеместно) и конструирования сосудов, выбора определенных форм горшков предполагают его наличие, пусть в незначительном объеме, в местной среде. Очень хочется верить, что именно остатки гончарного горна зафиксированы нами на городище Паасо.

Это округлое в плане и полуовальное в профиле двухъярусное сооружение размерами 2.16X1-92 м, глубиной около 1 м. Нижняя его часть (видимо, топочная, где горели дрова) выложена мелкими камнями. Здесь сохранился слой углей толщиной до 40 см. Нижний ярус был перекрыт слоем глины. Верхний ярус (обжигательный) представлял кольцевидную кладку из крупных камней и небольших плоских плит. Вся эта конструкция похожа на гончарный горн, датирующийся 1240 г., найденный при раскопках Белгорода Киевского.¹ Но вещи, обнаруженные в древне-карельском предполагаемом горне, никак не отвечают характеру сооружения: топор с остатками деревянной рукояти во втулке и двумя гвоздями, железное кольцо, нож с орнаментированной рукоятью и ни одного кусочка обожженной глины.

Посуда представлена в основном горшками, употреблявшимися в быту, — недаром почти у всех наблюдается закопченность внутренней поверхности; некоторые из них имели крышки. Кроме того, собраны обломки девяти кувшинов. Горшки довольно часто орнаментировались волнистыми и параллельными линиями, но встречались оригинальные узоры в виде овальных, прямоугольных, округлых, подковообразных вдавлений, ромбовидных и треугольных ямок, квадратов, расставленных в шахматном порядке. Примесью к глиняному тесту служили кварц и

крупнозернистый песок, дресва и слюда, шамот; иногда отмечалось присутствие охры, древесной золы и асбеста. Использование древесной золы уменьшало усадку изделий во время их сушки и обжига, а применение дресвы, шамота, песка и т. д. увеличивало огнестойкость горшков.

На изделиях первого этапа гончарного производства наблюдаются следы ручной поправки — отпечатки пальцев на внутренних стенках, в придонной части и на доньшке, свидетельствующие о различной степени использования гончарного круга. Некоторые горшки обмазывались слоем отмученной глины. Грунтовка делалась на сырых или подсушенных сосудах, чтобы придать им определенную форму. Химико-термическая обработка поверхностей в виде чернения прослежена на небольшом количестве емкостей.

Сосуды, характеризующиеся слегка отогнутым наружу венчиком с горизонтальным краем, имеющим на внешней стороне одно-два утолщения в виде валиков, небольшие (диаметр их от 7.3 до 13 см) и носят следы ручного заглаживания. Такими же, — своеобразными были сосуды с отогнутыми наружу венчиками, переходящими в тулово через уступ, но без валиков (диаметр 14–20 см). Они, видимо, производились на месте. К местным следует отнести и сосуд из белой глины, обнаруженный в Паасо, — чувствуется неумелая рука горшечника, имеющего дело с незнакомым доселе материалом. Венчик получился коротким и отогнутым в противоположную сторону. Доньшко слегка вогнуто. У другого горшка из Паасо торец венчика деформирован в противоположную сторону, и в целом сосуд получился крайне непропорциональным. Может быть, сделаны эти горшки как раз в горне на городище?

Наблюдения над огромным количеством обломков, собранных на многочисленных памятниках, свидетельствуют о том, что древнекарельские горшки имели формы, аналогичные древнерусским или похожие на них. Это, однако, не исключает керамического производства на месте, что подтверждается особенностями форм, орнаментации, составом глины и различным качеством посуды.

*Крепче будет муж в кольчуге,
Лучше в панцире железном,
В пояске стальном сильнее
Против этих чародеев;
В них ему не страшен худший
И сильнейший не опасен.
(12:221–226)*

*Сделал меч, какой хотелось,
И клинок был самый лучший.
Меч он золотом украсил,
Серебром отделал славным.
(39; 89–92)*

I

Яркой особенностью погребальной обрядности древних карел является присутствие в мужских могилах оружия: мечей, наконечников копий и стрел, топоров. Политическая обстановка, сложившаяся на границе со шведами, внутри-новгородские бури держали население Северо-Западного Приладожья в состоянии непрерывной боевой готовности. При первом же сигнале тревоги карел должен был взять меч, копьё, топор и встать в ряды защитников своей земли.

Из 24 найденных железных мечей 14 датируются X–XI вв., остальные — XII–XIV вв. В погребении Кеко-мяки-5 встречен меч длиной около 1 м с остатками ножен, кожи и дерева. Бронзовые навершие, перекладина и рукоять украшены густым растительным узором. Ближайшие аналогии этому мечу известны в Финляндии и Эстонии. Хорошо исследовано изделие из погребения Кеко-мяки-3. Длина его 96 см; железные перекладина, рукоять и навершие украшены растительным узором из серебряного дрота. На конце меча сохранился ажурный бронзовый наконечник, орнаментированный ленточным плетением, по контуру — грубыми рельефными линиями, с остатками деревянных ножен. Для того чтобы проследить невидимые глазу детали, в Финляндии были сделаны рентгеновские снимки мечей. Выяснилось, что орнамент на рукояти, состоящий из прямых линий, штрихов, спиралей различного диаметра, образующих ленты аканта и пальметты, малый круг, лист и звезду, выполнен накладыванием серебряной нити, что создавало определенный эффект. Такой способ инкрустации зафиксирован в Центральной Европе с начала периода Меровингов (550–800), известен он и на памятниках Финляндии, Древней Руси.

Меч из могилы Суотниэми-1 имеет длину несколько более 1 м. Навершие и перекладина отделаны серебром, по которому нанесены растительный и спиралевидный орнаменты. Лезвие с поперечными серебряными знаками разломано. Меч довольно близок изделиям периода викингов, но датируется не ранее XIII в.

Обоюдоострый меч из Кивиниэми примечателен акантовым орнаментом на рукояти; круглая, граненая, восьмиугольная головка меча из Куркийоки имеет изображение «мальтийского креста», выполненное медной проволокой.

Наконечники копий представлены втульчатými изделиями, аналогичными древнерусским.

Имеются демаскированный наконечник, у которого по краям была узорная стальная наварка, и великолепный образец широкого и мощного наконечника с короткой граненой втулкой, украшенной растительным орнаментом из серебряного дрота.

Наконечников стрел много. Срезни в виде расширяющейся к острию лопаточки наносили широкую и резаную рану коню или незащищенному доспехами воину. Некоторые типы срезней занесены на Русь монголами. По всей вероятности, тесные политические и экономические связи древнекарельского населения с Новгородом обусловили появление южных типов стрел Новгородского государства.

Коллекцию наконечников стрел дополняют плоские черешковые и ромбические без упора. Граненые бронебойные черешковые наконечники появились тогда, когда распространились воинские доспехи: кольчуги, панцири и т. д., потому что обычными стрелами металлический доспех было невозможно пробить. Бронебойных наконечников на археологических памятниках карелы собрано много, а вот о доспехах почти ничего неизвестно. В 1880 г. на Карельском перешейке (Ряйсяля) найдено несколько десятков железных пластинок, по-видимому, от панциря. Совершенствование вооружения выразилось в появлении самострела и наконечников к нему, необходимых для пешего воина при штурме и обороне крепостей. Арбалетные наконечники были в основном втульчатые («болты самострельные»), черешковых очень мало. Втульчатые могли иметь ромбическое сечение. На одном таком хорошего качества экземпляре есть схематическое изображение человеческой фигуры. Пользовались воины также пирамидальными и наконечниками квадратного сечения. Длина их колебалась от 7 до 11 см, диаметр втулки — от 1 до 1.2 см. Один из втульчатых арбалетных наконечников, подвергнутый металлографическому анализу, оказался сделанным из стальной заготовки. При его формовке отковывались отдельно перо и втулка; последняя приваривалась с помощью кузнечной сварки.

Топор был оружием рядовых конных и пеших воинов. Боевые топоры, принадлежавшие знати, инкрустировались, являя собой пример художественного ремесла. Простые изделия использовались и в хозяйстве: земледелии, железообрабатывающем ремесле, строительстве и т. д. Топоры-секиры с широким, равномерно расширяющимся тонким лезвием и длинными щекавицами (боковыми выступами у обуха) имели на конце рабочей части наваренную полосу из другого, чем сам топор, металлического сплава. Такие топоры, можно сказать, интернациональны: они известны на памятниках и Северной Европы с X по XIV в., и новгородской Карелии.

Длительное время на большой территории были в употреблении и топоры с прямой верхней гранью, двумя нижними щекавицами, пологим нижним вырезом.

Топоры с оттянутым книзу лезвием и двумя парами щекавиц (верхние короче нижних) появились в Центральной и Северной Европе еще в VIII–IX вв., в Финляндии использовались на протяжении IX–XII вв. У древних карел они бытовали и в более позднее время. У колуновидных, узколезвийных топоров — две пары щекавиц: верхние довольно короткие, нижние длинные, языкообразной формы. На финляндских экземплярах (на 14 из 70) между втулкой и лезвием проходят поперечные инкрустированные линии. Такой топор с городища Паасо несомненно боевой; он небольшого размера, легкий и изящный, украшен двумя полосками цветного металла. На лезвии имеется круглое отверстие для привязывания к поясу. Позднее эти топоры превратились в колуновидные без щекавиц с трубообразным обухом. Их массовое распространение приходится на XII–XIII вв., но отдельные экземпляры доживали до XV в. На некоторых изделиях видны углубленные параллельные линии, но сама инкрустация не сохранилась. Боевым является топорик-молоток с узким треугольным лезвием. Он близок древнерусским изделиям XII–XIV вв.

К боевому снаряжению воина относятся пояса. Они были кожаными с концевыми

пряжками, кольцами и разделителями, украшались прямоугольными орнаментированными бляшками, которые крепились бронзовыми штифтами. Аналогично создавалась перевязь меча, включавшая длинный кожаный пояс с пряжками и прикреплявшимися сверху бляшками. Широко использовались в ременных наборах железные, медные, изредка — оловянные и серебряные кольца. К ним подвешивались в специальных футлярах из бересты, кожи и ткани кремни, кресала, ножи и некоторые другие предметы. Берестяные футляры-кошельки украшались плетенкой.

В археологических материалах часто встречаются так называемые ледоходные шипы. У них круглая или овальная в плане шайба, в центре которой заостренный четырехугольный шип, а по бокам — вертикально расположенные пластинчатые концы. В X–XVI вв. такие шипы были известны повсеместно. Существовали и другие ледоходные шипы: треугольные с тремя загнутыми под прямым углом остриями и двурогие. Они-то и крепились к обуви при хождении по льду и скалистым склонам. Простая и удобная форма изделий обеспечила им широкое распространение среди северных народов.

К конскому снаряжению кроме сбруи, от которой уцелели пряжки, бляшки и удила, относятся подковы, подковочные гвозди и скребницы. Чаще всего использовались такие удила, у которых средняя часть состояла либо из прямых, либо из перекрученных стержней. Скребница для чистки коней сделана по технологии, при которой стальное лезвие наваривалось на железную основу.

Все рассмотренное вооружение, как видим, ничуть не хуже древнерусского, значит, древнекарельское войско было экипировано на уровне тогдашней военной техники.

*Старый, верный Вяйнямёйнен
Тут топор устроил острый,
Вырубать леса принялся,
Побросал их на поляне.
Посрубил он все деревья;
Лишь березу он оставил,
Чтобы птицы отдыхали,
Чтоб кукушка куковала.
Обратил в золу он рощи,
В темный дым леса густые.
(2:285-286)*

В XII–XV вв. экономика общества и производственные отношения населения Северо-Западного Приладожья подверглись значительным изменениям. Этому благоприятствовал географический фактор — выход к морю и к Ладожскому озеру; разветвленная водная система р. Вуоксы и Нева как важные торговые артерии давали неоспоримые преимущества, выделившие древнекарель-скую территорию среди других подвластных Новгороду земель. С возникновением феодальных отношений природные факторы реализуются гораздо полнее.

Пашенное земледелие стало распространяться в лесной полосе европейской части СССР в начале II тысячелетия н. э. в результате повсеместного использования сохи (упряжное почвообрабатывающее сельскохозяйственное орудие). Ее внедрение способствовало уменьшению ручного труда в подсечном земледелии. Кроме того, соха лучше рыхлила почву и сохраняла ее естественные физические свойства, что приводило к получению более высокого урожая и к более долгому использованию участков. Когда плодородие почвы истощалось, старые участки забрасывались, а на расчистку новых требовалась колоссальная затрата труда. С внедрением сохи сократилось время «отдыха» подсеки, создавались возможности для превращения в пашню земель, ранее считавшихся малопригодными для этих целей. Освоение земель в лесной полосе диктовалось жесткими объективными условиями — притоком дополнительного населения. Вторжение на Русь монголо-татар привело к усилению новгородского движения на север.

Соха оказалась настолько удобной для каменистых и заросших лесом участков, что наряду с бороной-суковат-кой сохранилась на усадьбах карел до недавнего времени. Однако датировать ее появление трудно из-за отсутствия конкретных находок на археологических памятниках. Остальные сельскохозяйственные орудия хорошо известны: рабочие топоры, мотыги, наральники, серпы, жернова.

Из наконечников пахотных орудий можно назвать наральник от однозубого рала. Являясь продукцией домашнего (или мелкого) ремесленного производства, он далек от стандартных образцов, известных по древнерусским памятникам. Вообще рало как пахотное орудие малопригодно для северных участков Восточной Европы с подзолистыми, каменистыми и часто болотистыми почвами и поэтому не получило широкого распространения, уступив место сохе. Но сошников пока в Северо-Западном Приладожье не найдено.

Для вторичной обработки почвы: разбивания комков земли, рыхления, работы на огородах — применялись мотыги, деревянные и железные лопаты. Последние имели форму, близкую к современной, а железом окантовывались лишь края рабочей части. В Корельской земле и на

границающей с ней территории предков карел-ливвиков и карел-людиков употреблялся особый тип мотыги. Возможно, были и деревянные орудия для вторичной обработки почвы, но они в земле не сохранились.

Орудием уборки урожая зерновых культур являлись серпы. На ранних этапах древнекарельской культуры употреблялся серп западно-финского типа, в эпоху расцвета — древнерусского. Технический уровень древнерусских серпов был высоким, что и обеспечивало им проникновение в глухие северные земли и в экономически развитый район Западной Финляндии. Заимствование карелами новгородского серпа выразилось в усвоении его терминологии (sirppi — «серп») карельским и финским языками. По этнографическим материалам сравнительно недавнего времени, традиция использования новгородского серпа в Приботнии, Саво, Корельской земле и на обширных пространствах Севера существовала в течение многих веков.

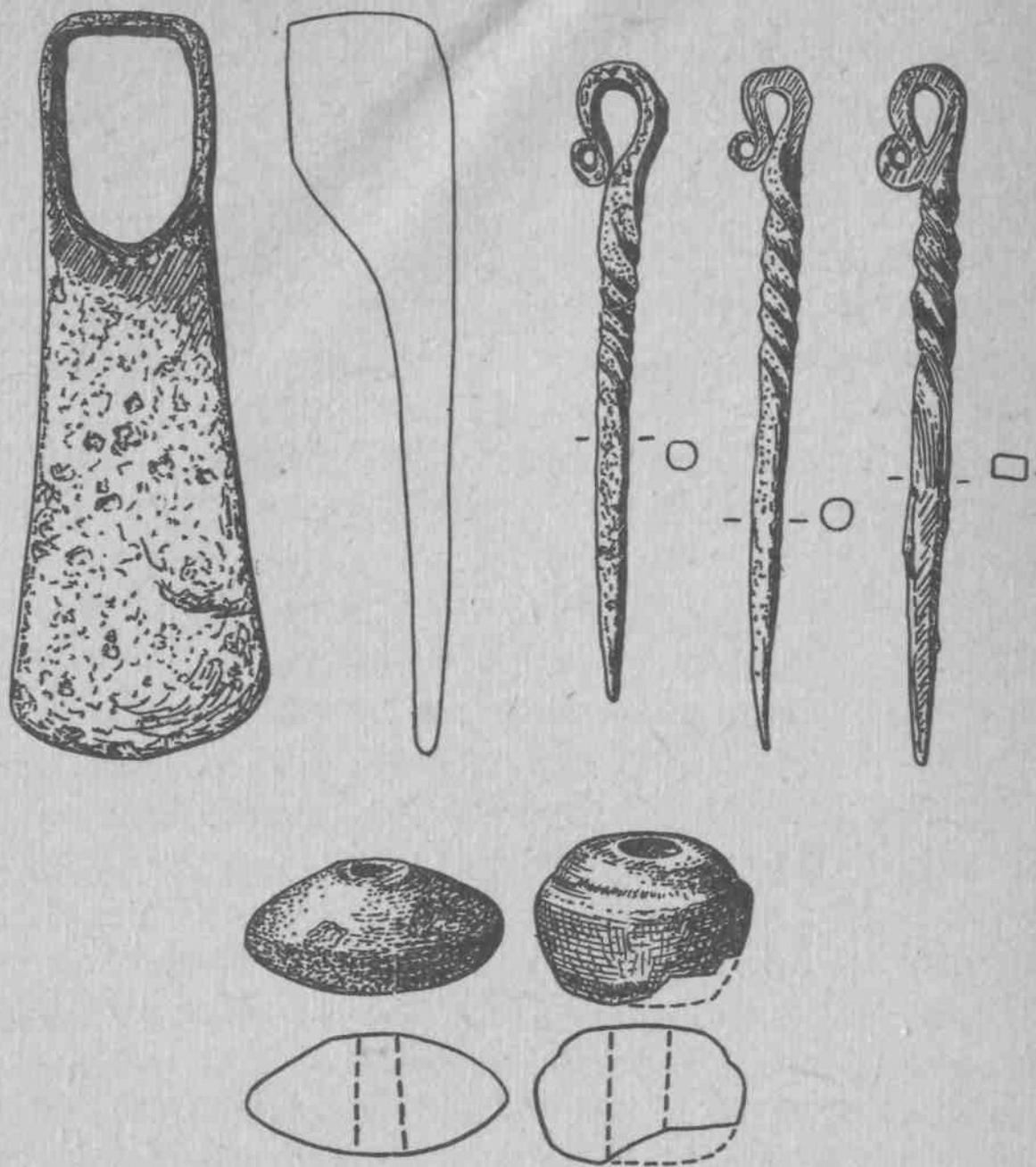

Рис. 19. Предметы сельского хозяйства и промыслов (мотыга, серпы, коса, иглы-спицы, пряслица, грузила и ботало).

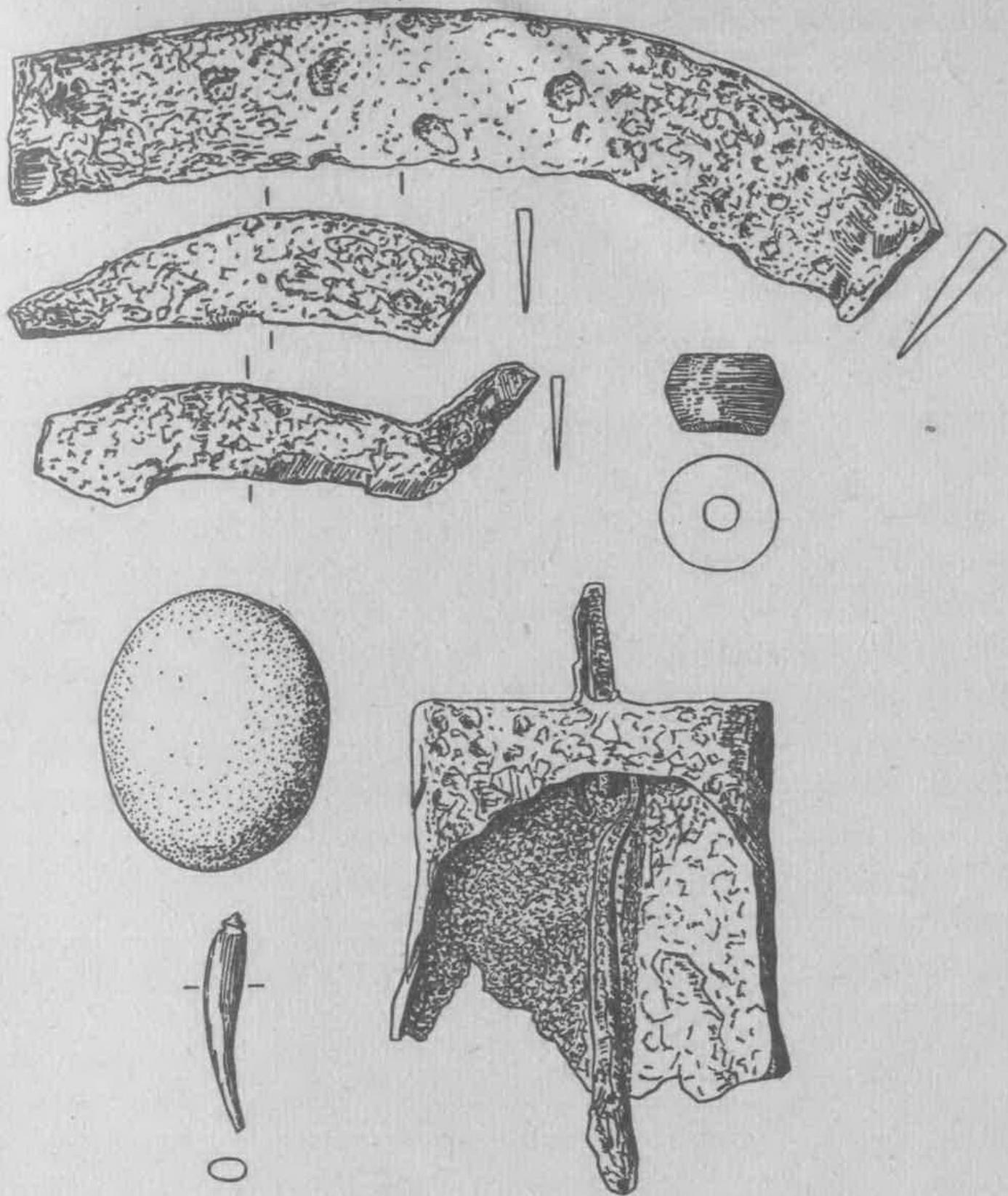

Рис. 19 (продолжение).

Рис. 19. Предметы сельского хозяйства и промыслов (мотыга, серпы, коса, ягды-спицы, пряслица, грузила и ботало).

Молотили зерно, вероятно, деревянными цепами. Еще в начале XX в. карелы пользовались ими постоянно. Мололи зерно жерновами, состоящими из двух каменных дисков. Верхний имел отверстие в центре, в которое входил выступ нижнего. Для приготовления крупы из зерна применялись металлические цилиндрики, надетые на деревянные рукояти. Такой способ в северных деревнях существовал до недавнего времени.

На археологических памятниках Северо-Западного Приладожья зерно почти не сохранилось: найдены три зернышка ржи, обуглившиеся зерна пшеницы и какой-то травы, остатки мякины. Прямо скажем, сведений маловато, для того чтобы рассуждать о возделываемых зерновых культурах. Но учитывая общие закономерности в развитии хозяйства населения, проживающего в сходных климатических условиях, и общие закономерности исторического процесса, можно привлечь данные с соседних территорий. С другой стороны, допустимо использовать материалы XVI в. В результате сложилась более или менее объективная картина выращивания зерновых культур, которая в последнее время получила еще одно доказательство. Научным сотрудником Института геологии Карельского филиала АН СССР И. М. Экманом впервые на территории Карелии обнаружена пыльца злаковых растений: ржи, пшеницы и ячменя. Датирована находка второй половиной IX–X в.

Наиболее древними культурами в Северной Европе были ячмень и пшеница. Рожь и овес появились позднее. В I–X вв. в Прибалтике преобладал ячмень, пшеница культивировалась чаще, чем рожь, и совсем редко — овес.

На памятниках лесной полосы европейской части СССР до XI в. пшеница тоже преобладает над рожью. В XI–XIV вв. доля их примерно одинакова. Но затем удельный вес пшеницы среди прочих культур снижается. Общая тенденция к вытеснению доли пшеницы и ячменя за счет культивирования ржи и овса подтверждается и писцовыми книгами. В конце XV — начале XVI в. пшеница исчезает из оброка в Корельском уезде Водской пятины и в Заонежских погостах Обонежской. Ячмень, напротив, как неприхотливая и быстро созревающая злаковая культура в Карелии не потерял своего значения.

К концу XV в., по свидетельству все тех же писцовых книг, уже повсеместно использовалась трехпольная система земледелия. Как показал количественный и качественный состав семян сорных растений из археологических памятников, в лесной полосе она применялась в XIV в. Навоз для удобрения стал использоваться несколько позднее, но именно это в сочетании с трехпольной системой земледелия позволило освоить худшие земли.

Наряду с определенным прогрессом в земледелии подсека оказалась необыкновенно жизнеспособной. На Севере она сохранилась чуть ли не до XIX в. С ней связаны поэтические строки «Калевалы»

*Не взойдет ячмень у Осмо,
Калевы овес не встанет,
Не расчищено там поле,
Там не срублен лес под пашню,
Хорошо огнем не выжжен.
(2: 252–256)*

Подсека требовала большого числа сильных рук, продолжительного и тяжелого физического труда в течение длительного времени. «На подсеке всем хватит работы», — говорит карельская пословица. Другая вторит ей: «Перед хлебом попляшешь, прежде чем на стол положишь». Однако своего хлеба не хватало, особенно при стихийных бедствиях и недородах. Летописные известия на протяжении XII–XV вв. довольно часто сообщают о неурожайных годах, и корела, надо думать, нередко испытывала нужду в хлебе. «В лето 6930» (по сведениям псковских летописей, в 1422 г.), когда «на всю Рускую землю бысть глад велик по 3 годы», вместе с новгородцами, чудью, водью, твери-чами, москвичами двинулась и корела к Пскову, где еще сохранялись хлебные запасы прошлых лет. «В лето 6932», т. е. в 1424/25 г., новгородский летописец зафиксировал печальное событие: «И мор бысть в Корельской земле». Хлеб пробовали покупать на стороне, например в Северной Эстонии, или через посредников-готландцев. Пользуясь безвыходной ситуацией, претенденты на древне-карельские земли

пытались оказывать экономическое давление. Известно распоряжение папы от 1229 г., запрещавшее готландцам продавать коней, суда и продовольствие язычникам с берегов Финского залива. Ясно, что речь в этом послании шла о кореле и ижоре.

Пашенное земледелие неразрывно связано с животноводством. Его роль особенно значительна на севере Восточной Европы, где выращиванию хлеба препятствовали неблагоприятные климатические условия и скудные почвы. В нашем распоряжении есть факты, говорящие о развитии, хотя, по всей вероятности, малопродуктивном животноводстве в Корельской земле. По остаткам костей в раскопах установлено, что древние карелы держали лошадей, овец, свиней и большое количество низкорослых коров. Такую низкорослую породу скота этнографы отмечали у карел в недавнем прошлом; при весе до 7 пудов коровы давали в сутки 2–4 л молока. При свободном выпасе, чтобы корова не потерялась, на шею ей подвешивали колокольчики (ботала). . — .

Без удобрения получать высокие урожаи невозможно, но для приобретения навоза необходимо было содержать скот в стойлах. Вместе с тем вопрос о появлении животноводческих построек оказался далеко не простым. В древнем Новгороде, — несмотря на обилие навоза на усадьбах, специальных построек для скота обнаружено очень мало. Их отсутствие исследователи объясняли тем, что использовались легкие навесы, которые в почве не сохранились. Постройки для скота в Северо-Западном Приладожье называются только в писцовых книгах XVI в.: в Кирьяж-ском погосте Водской пятины на 77 дворов было 66 изб, 30 клеток и 30 хлевов.¹ Но трудно поверить, что в суровых климатических условиях Севера до XVI в. кто-то мог обходиться без хлева. Известные на древнерусских поселениях и в городах Старая Ладога, Белоозеро, Корела 2 остатки животноводческих построек либо скопления навоза свидетельствуют о расположении хлевов или навесов для скота рядом с жильем.

Не о стойловом ли содержании говорят находки кос-горбуш на археологических памятниках? Коса-горбуша (орудие рубящего типа) имела косовище небольшой длины. Она надолго вошла в быт древних карел, населения Восточной Европы и Сибири. В Карелии, например, коса-горбуша находилась в пользовании до недавнего времени она как нельзя лучше подходила для кошения лесных трав (напомним, что коса-горбуша с городища Паасо сделана очень умело по технологии вважки высокоуглеродистой стальной полосы в железную основу).

Для заготовки сена нужны еще грабли и вилы. Они найдены в древних слоях Новгорода, а на памятниках карелы не сохранились. Виновата в этом нестойкость материала. На корм скоту шла солома злаковых растений. Ее использование в погребальных обрядах доказывается неоднократными находками в могилах.

Кроме крупного рогатого скота разводили овец и свиней. Свиней выкармливали преимущественно в городах, овец — в деревнях, где имелись для этого соответствующие условия. Согласно писцовым книгам, овцеводство было развито значительно сильнее, чем свиноводство, на всем Европейском Севере. В Заонежских погостах XVI в., где овцеводство не получило большого распространения, продукты свиноводства вообще не упоминаются. По наблюдениям этнографов, карелы (кроме олонецких) в XIX — начале XX в. не употребляли свинину в пищу, а если и выращивали свиней, то для получения щетины. Но так было, видимо, не всегда. В «Калевале» при описании пиршеств непременно упоминалась свинина как украшение праздничного стола.

Напекла хлебов нам пышных

И лепешек толокняных.

(25:523–524)

И взошли прекрасно хлебы;

Всех гостей она кормила

*В изобилии свининой
Пирогамы со сметаной;
Лезвия ножей погнулись,
У ножей скривились стержни
От работы над лососьей
И над щучьей головою.
[25:527–534)*

Продукты овцеводства занимали более важное место в жизни: это и пища, и шерсть для домотканой одежды.

Использование коней в качестве тягловой силы в хозяйстве и войске стимулировало развитие коневодства. Корела экспортировала лошадей за границу, прежде всего в Любек и Данциг. О постоянном вывозе лошадей свидетельствует указ 1347 г. шведского короля Магнуса, которым разрешалось жителям Выборга вывозить лошадей (жеребцов) не моложе 8 лет. Финляндский этнограф К. Вилкуна полагает, что кобылицкая корела оттого и называется в летописи кобылицкой, что разводила и продавала коней. Основа для этих занятий имелась. В доисторическое время и в раннем средневековье на Карельском перешейке, в бассейне р. Вуоксы, бродили стада полудиких лошадей финско-восточно-карельской маленькой местной породы, которая происходила от дикой лошади — тарпана. Древние карелы при необходимости приручали лошадей. Когда пришла пора Вяйнямёйнену и Илмаринену ехать в Похьёлу за Сампо, то они, прихватив сбрую, отправились искать лошадей в лесную чащу. Прирученные лошади пользовались спросом у тех, кто не имел таких естественных стад, т. е. у жителей определенных местностей Финляндии (кроме Саво). Для них-то Северо-Западное Прила-дожье и было районом кобылицкой корелы.

Значение новгородской Карелии в экспорте лошадей особенно возросло После 1229 г., когда папа Григорий IX, стремясь оказать нажим на язычников-финнов, запретил западным странам поставлять им оружие и породистых коней.

Нужно отметить еще одно обстоятельство: конский волос шел на изготовление рыболовных и охотничьих снастей, для прикрепления бронзовых спиралек к одежде и т. д.

Сохранились древние виды хозяйства — охота и рыболовство. Добывали медведя, северного оленя, куницу, лисицу, белку, бобра, тюленя, птицу. Помощником при этом была собака. Для охоты предназначались специальные железные и костяные наконечники стрел. Шкурками пушных зверей погашались феодальные долги. В берестяной грамоте № 403, датирующейся XIV в., содержится смешанный карельско-русский текст из 13 слов (из них семь карельских), являющийся записью долгов в «коробьях» (ржи?), белках и «белах» (деньги), которые надлежит получить у населения. Запись о мехах белой росомахи, куницы, белки сделана в грамоте № 2, тоже относящейся к XIV в. 4 Иными словами, вывод о развитой охоте подтверждается разными источниками.

Рыбу ловили с помощью острог, гарпунов, удочками, сетями. В археологических материалах сохранились глиняные и каменные грузила,[^] крючки, берестяные поплавки. Применялись слегка уплощенные гальки, которые завора-чивали в бересту и использовали в качестве грузил. J Картину развитого рыболовства раскрывает берестяная грамота № 249. В ней — жалобы корелы на разбой «севи- I лакшан», отнявших и лодку, и рыбу, и впридачу еще какой-то товар.

Немаловажные доходы давало бортничество. После пушнины воск был важнейшим экспортным товаром Руси. О карельском воске упоминается в договоре 1342 г. Новгорода с Ригой, Готским берегом и немецкими городами.

Широкие возможности для описания хозяйства древних карел и его комплексности дает топонимия. В финско-карельских названиях мест сохранились такие топонимы, в основу

которых положены понятия, связанные с земледелием и животноводством. Обильный материал для характеристики рыбного богатства на территории летописной корелы, орудий лова и промысла содержит топонимический пласт в Восточной Финляндии и Северо-Западном Приладожье.⁶

Когда все эти топонимы были нанесены на карту, то она наглядно продемонстрировала, во-первых, комплексность хозяйства древних карел, во-вторых, неравномерность развития его отдельных отраслей, что зависело от природно-климатических условий и плотности населения в различных уголках Корельской земли. Населению, обитавшему вокруг Антреа, Иоханнеса, Яаски, Ряйсяля, т. е. в центре Карельского перешейка, в самой развитой его части, в равной степени были свойственны земледелие, скотоводство, охота и рыболовство. Для других областей на первое место выдвигалась какая-то определенная отрасль хозяйства: скотоводство — в районе Сортавалы (и сейчас это один из лучших «молочных» районов); рыболовство и охота — в Вуокселе, Вуоксенранте, Кор-писельке, Суоярви, Яаккимаа; охота и земледелие — в Ряйсяля; рыболовство — в Китэ. Охота практиковалась преимущественно на отдаленных лесных участках — в Суйстамо, Импилахти, Укуниэми. Жители Яаски, по топонимическим данным, занимались в основном рыболовством, охотой и земледелием.

Как видим, уровень социально-экономического развития древних карел был достаточно высоким, и один из благоприятных факторов, а может быть, и основная причина, способствующая этому, — передовая роль Новгорода. Вхождение в состав Новгородского государства, его экономическое и культурное влияние стимулировали развитие прогрессивных и рентабельных форм экономики. Создавались возможности для выделения отдельных семей, владеющих землей, и для индивидуального хозяйственного производства. Объединение таких семей на экономической основе создавало соседскую (или территориальную) общину. В глухих районах этот процесс осуществлялся в замедленном темпе; в наиболее развитых, где имелись необходимые предпосылки, возникало имущественное неравенство, которое вело к социальному расслоению. Для древнекарельского общества того времени характерно сочетание патриархального быта и развивающихся феодальных отношений.

Видимо, в XII–XV вв. у населения начинают возникать товарно-денежные взаимосвязи. В первую очередь это стало проявляться в железоделательном ремесле, спрос на продукцию которого был велик, что содействовало его бурному развитию. Уже в первой половине XIII в. оно встало на путь мелкотоварного производства. На внешний рынок корелой поставлялись меха, воск, лошади, что тоже ускоряло развитие феодальных отношений и изменение социальной структуры земледельческого населения — наряду с относительно свободными общинниками появляются различные категории лиц, зависимых от феодалов.

С введением новгородского административного управления формирование частного землевладения и развитых феодальных отношений шло более ускоренными темпами по сравнению с предшествующим периодом. Из текста Ореховецкого договора известно, что новгородцы и после 1323 г. сохранили право на доленое владение промысловыми угодьями на отошедших к Швеции участках Корельской земли. О существовании крупного землевладения в конце XIII в. сообщают договорные грамоты Новгорода с тверским великим князем Михаилом Ярославичем. Новгородцы, удаляя Бориса Константиновича (о нем мы еще будем говорить) из Корельской земли, обязались вернуть деньги за купленные им села. Собственниками земли постепенно становятся представители древне-карельской феодализирующейся знати (таким феодалом мог быть воевода Валит Корелянин из городка Корела). Об этом можно судить по следующему факту. Единичный договор 1323 г. запрещал шведам и выборжанам покупать земли и воды у новгородской корелы: «А земле и воды у новгородской корелы не купити свеям и выборжаном».

Однако широкого распространения феодальное землевладение на территории корелы все-таки не получило. Основная часть земель находилась в руках мелких собственников — своеземцев. В большинстве случаев в их владении была одна волостка — не более пяти обжей⁷ — или доля в ней, обрабатываемая собственными силами. Но владения Григория Рокульского в Саккульском и Горо-денском погостах насчитывали свыше 50 обжей земли. Конечно же, без эксплуатации крестьян он не мог вести свое хозяйство.

К концу XV в. в Корельском уезде из 2806.5 обжей земли светским лицам принадлежало 27.7 %, на долю церковно-монастырского землевладения приходилось 19.2 %, архиепископу новгородскому достались огромные владения — 53.1 %. Но не все земли попали в частную собственность феодалов. По переписи конца 1470-х — начала 1490-х гг. (так называемое старое письмо), 1380 обжей принадлежало крестьянам (их называли «намест-'ничьи из старины»)⁸. Доход с них шел наместнику-князю, получившему Корельскую землю в кормление. Так вознаграждал Новгород находившихся у него на службе князей на протяжении XIV–XV вв. За это князья обязаны были заботиться об обороне северо-западных рубежей Новгородского государства.

Доходы феодалов от землевладения складывались из двух статей: прибыли с пашни и в основном (поскольку запашка была невелика) феодальной ренты, оброка, выплачиваемого по желанию феодала деньгами или натурой. Натуральная рента включала продукты сельского хозяйства и промыслов. К концу XV в. преобладала денежная рента. Существовали и другие виды поборов, смысл которых сводился к обогащению феодалов. В XIV–XV вв. феодальные отношения господствовали не только в экономически более развитом Западном Приладожье, но и в Северной Карелии, куда корела проникла довольно рано.

В немалой степени социально-экономическому развитию и социальной дифференциации способствовали разносторонние культурно-экономические контакты. На протяжении длительного времени они изменялись и по форме, и по содержанию, но всегда играли существенную роль в жизни населения.

*О кузнец, мой милый братец!
Брось в огонь ты эту деву
И накуй вещей различных
Иль вези ту куклу к немцам,
Как диковинку, к венецам,
Пусть ее богатый любит.
(37:222–227)
Сваты с Виру приходили,
И из Ингрии являлись.
(11: 43–44)*

Торговые пути карел пролегали на север, в глухие отдаленные районы, и на восток, на территорию родственного прибалтийско-финского населения. Торговля в международных рамках осуществлялась с западными странами. Не всегда отношения строились только на торговой основе. Существовали культурный обмен ценностями, этнические контакты, приводившие порой к совместным бракам.

Издrevле карелой был проложен путь в Финляндию, к Ботническому заливу и в Северную Лапландию, где торговцы покупали меха, расплачиваясь серебром и товарами. Свидетелями таких операций являются древне-карельские вещи, осевшие в местах жертвоприношений в Лапландии. Это некоторые типы овально-выпуклых и подковообразных фибул, обломок рукояти ножа с типично карельской орнаментацией, крестовидные подвески, проделавшие путь Новгород — Карелия — Лапландия. Отдельные предметы финно-угорского происхождения с территории Северо-Западной Руси: пластинчатые и шумящие подвески-уточки, «всадница на змее» и т. д. — тоже могли оказаться на Севере благодаря посредничеству древних карел. Уже в XIII в. у карел были отхожие промысловые угодья на Севере: в норвежско-новгородском договоре 1326 г. упомянуты жители погоста Вялозеро, расположенного на южном берегу Кольского полуострова, где они жили до конца XIX в.

Проникали туда и новгородские поселенцы, свидетельством чего служат некоторые предметы украшения. [Найдены монеты-подвески — подражания «Ярославлю сребру», большого веса, с ушками для подвешивания (три целых экземпляра и один фрагмент) Происхождение их пока окончательно не выяснено, но предположение об изготовлении в землях Новгорода, Приладожья и Карелии допустимо.

Для характеристики северной торговли важное значение имеет один документ. Хотя он появился позднее тех событий, о которых идет речь, но о нем полезно знать. В 1556 г. состоялась беседа фогта г. Турку с неким карелом Ноусиа Веняляйненем, т. е. Ноусиа Русским. Однако его так назвали потому, что прибыл он со стороны русской Карелии, а на самом деле русскому такое имя дать не могли (это теперь нет строгих правил при выборе имен). Содержание беседы касалось торговых путей из г. Кексгольма по материку к северным районам Ботнического залива, к г. Оулу. О том, что в XV–XVI вв. этот путь широко использовался русскими и карелами и в торговых, и в военных целях, общеизвестно. Но Ноусиа о нем говорил как о хорошо знакомом с такой убедительностью и уверенностью, что возникает предположение об известности названного пути с давних времен.

Исследователи сопоставили маршрут с археологическими находками, и предположение переросло в уверенность. Действительно, вблизи разветвленной торговой трассы (один путь шел

к Оулу, другой — на север — в Куусамо и дальше) встречены отдельные вещи VII–XVI вв., известны клады серебряных вещей и монет XI–XII вв. Состав вещей позволил предположить, что они принадлежали купцам, связанным торговыми делами с Приладожьем и Новгородом.

Саамские, карельские предания и эпос содержат сведения о продвижении корелы на север, северо-запад, наверное, еще в эпоху первобытно-общинного строя. Карелы были далеко не единственными искателями северных богатств. В исландской саге об Эгиле отразилась борьба за пушнину между корелой и объединившимися силами западных финнов и норвежцев — противниками вторжения корелы в Лапландию. Поначалу на север прокладывали путь вооруженные дружины, набеги которых носили откровенно грабительский характер. С развитием производительных сил и феодальных отношений, усилением феодальной эксплуатации там расселялись земледельцы, охотники, рыболовы, мирно уживавшиеся с саамами на огромных, слабозаселенных территориях. Некоторые земли между Белым морем и Ладожским озером, как известно из купчих грамот первой половины XV в., находились во владении «пяти родов карельских детей», продававших участки не только друг другу, но и новгородским светским и духовным феодалам.

Саамов и корелу сближали не только торговые контакты, но и родственные связи. Вариант приладожско-карельской руны, рассказывающей о пребывании Лемминкяйнена в северорусском городе Коле, и саамская эпическая песня «Пяйве-парне» («Парень из Пяйвелы») говорят о существовании саамско-карельских браков в период проникновения выходцев с Карельского перешейка на Кольский полуостров. Ныне стало очевидным, что непосредственное совместное проживание привело к участию саамов в образовании карельской народности. Саамско-карельские связи с еще большей полнотой раскрываются при анализе лингвистических материалов.

Расселение на север, северо-запад соответствовало принципам новгородской политики. Расширение сферы деятельности новгородцев зафиксировано в тех районах, куда устремлялось древнекарельское население. В 1042/43 г. князь Владимир Ярославич осуществил поход на емь и обложил ее данью. В первой половине XI в. ладо-жане и новгородцы проникли на берега Белого моря, а в XIII в. Кольский полуостров официально считался новгородской территорией. От тех времен сохранились археологические материалы, добытые при раскопках могильника и селищ.

Новгородские владения появляются наряду с поселениями «карельских детей» и на севере Норвегии (Финмарк). Договор 1326 г. разделил новгородские и норвежские земли, поставив тем самым заслон перед новгородцами, но обе стороны сохраняли за собой право на сбор дани с саамов. Один из пунктов договора обязывал новгородцев возвратить захваченные у норвежцев земли.

Проникновение древних карел на побережье Ботнического залива хотя и признавалось некоторыми финляндскими исследователями, но самым северным пунктом их влияния считалось устье р. Кеми. Использование современного метода ономастического (ономастика — наука, занимающаяся изучением собственных имен) анализа позволило Ё. Вахтоле выявить устойчивый пласт топонимов карельского происхождения. В названиях мест долин рек Кеми и Торнио часто встречается начальный элемент слов Karjala (Карелия) и Venaja (Русь). Значительное число названий природных объектов говорит о том, что карелы ловили рыбу в далеких районах Ботнического залива. В долине р. Кеми часты карельские наименования типа Sortavala, которые были занесены жителями северного берега Ладоги. По всему течению реки встречаются православные личные имена в названиях хуторов и объектов ландшафта и, кроме того, такие обозначения, как saas-sina — «часовня», manasteri — «монастырь». Следовательно, исторические и археологические данные о пребывании карел и новгородцев на севере Финляндии подтверждены ономастическими свидетельствами.

Разносторонняя активная торговая деятельность карел в северных районах производила сильное впечатление вначале на современников, а затем и на исследователей. По этой причине во многих работах Бьярмия ассоциировалась с карелами. Уже в литературе XIX в. вопрос о биармах (бьярмах) и Биармии (Бьярмии) был тесно связан с историей карельского племени. Особенно настойчиво пропагандировали идею тождества бьярмов и карел финляндские исследователи, хотя сама эта мысль оказалась далеко не бесспорной. И по сей день бьярмийская тема вызывает интерес, появляются все новые и новые статьи, монографии и беллетристические произведения. Литература поистине огромна, но достоверных фактов, на которых она зиждется, не так уж много.

О бьярмах рассказывают исландские саги, но, как отмечают ученые, сведения их не вполне достоверны. Реальные исторические факты переплетены с вымышленными в такой фантастической форме, что расчленить их — нелегкая задача, требующая разработки специальной методики. К тому же записывались саги позднее происходящих событий, что тоже не способствовало правдивости изложения.

Донесение норманнского путешественника Оттара о плавании от берегов Северной Норвегии в Белое море, в котором упоминается Бьярмия, записанное, видимо, с его слов, помещено в английском памятнике конца IX в. «Оро-зии короля Альфреда». Из донесения следует, что Оттар плыл прямо на север вдоль берега таким образом, что с правой стороны корабля в течение трех дней оставалась необитаемая земля, а с левой — открытое море. Затем он проплыл в этом же направлении еще три дня. Достигнув, как предполагают, мыса Святой Нос на Кольском полуострове, он повернул на юг и еще пять дней двигался вдоль берега. «И там большая река вела внутрь земли», в которую они вошли, но не осмелились плыть по ней. Один берег был заселен бьярмами. Многие рассказали бьярмы Оттару о своей земле и о соседних. Показалось ему, что финны и бьярмы говорят почти на одном и том же языке.

Подсчитано, что весь путь длиной в 1000 морских миль занял (без учета остановок) 15 дней.³ Но место, куда прибыл Оттар, вызывает споры. Одни считают, что он приплыл в р. Варзугу, впадающую в Кандалакшскую губу Белого моря (поскольку открытого моря он не пересекал), а у первого мыса свернул на юг. Другие полагают, что смелый путешественник и первопроходец достиг Северной Двины и там встретился с бьярмами. Существует и компромиссная точка зрения, по которой Бьярмия охватывала огромную территорию — от Северной Двины до Печоры и от Белого моря до Камы.⁴

Финляндский ученый А. М. Тальгрэн и норвежский исследователь А. В. Бруггер были первыми, кто попытался использовать археологические материалы для решения названного вопроса. Бруггер выделил среди северононорвежских материалов предметы восточного происхождения в качестве доказательства норвежских торговых поездок на восток. Тальгрэн попытался привлечь все арктические древности. Но эта прекрасная идея для 20-х гг. оказалась невыполнимой, поскольку археологические материалы практически отсутствовали. И все же, по мнению Тальгрэна, Бьярмия должна была находиться в Приладожье и, следовательно, населялась карелами.

Идею использования археологических материалов попытался воплотить финляндский археолог К. Ф. Мейнандер. Он обратил внимание на группу так называемых пермских предметов, найденных в Финляндии и Северной Скандинавии, которые, по его мнению, происходят из Среднего Поволжья. Это дало основание исследователю объявить центральным районом страны бьярмов территорию теперешнего Ярославля, откуда бьярмы совершали дальние путешествия к побережью Ледовитого океана и в Северную Фенноскандию.

Вместе с тем приведенные исследователем иллюстрации найденных в Фенноскандии вещей не подтверждают прямой связи Ярославля с побережьем Ледовитого океана. Аналогии

зооморфным и шумящим украшениям можно найти например, ближе — в Юго-Восточном Приладожье. пребывании карел на Севере еще в эпоху первобытно-общинного строя свидетельствуют различные источники, и об этом говорилось в самом начале данного раздела.

Словом, имея в распоряжении небольшое число фактов, ответить однозначно на вопрос о местоположении Бьярмии и тем более указать ее границы нельзя.

Спорна и этническая принадлежность бьярмов. Как уже говорилось, бьярмов раньше и теперь отождествляют с карелами. По другой точке зрения, бьярмы — это чудь заволочская, попавшая под власть Руси и исчезнувшая в результате сложных славяно-финских ассимилятивных процессов. Но в конце концов исследователи пришли к заключению об этнической неоднородности бьярмов, под которыми могли подразумеваться многие народы Севера.

Финляндский историк Х. Киркинен отстаивает традиционный взгляд на Бьярмию как на обширную территорию на севере европейской части СССР. Он полагает, что все известные источники позволяют заключить, что Бьярмия располагалась в нижнем течении и в устье Северной Двины и на южном побережье Кольского полуострова, 'главным образом в низовьях рек Умбы и Варзуги, а также на территории важнейших погостов Прионежья. Этот ареал удовлетворяет двум важным условиям, выявленным по письменным источникам: он издревле был заселен родственным финнам населением и имел все условия для занятий торговлей. Киркинен в качестве доказательства выдвинутого предположения ссылается на лингвистические данные. Название «бьярмы» выводят из термина *permi* — «перми, пёрмь». Относительно последнего финляндский лингвист К. Вилкуна сделал интересное наблюдение. По его мнению, «пермь» — название профессии, поэтому Бьярмию следует понимать как организацию купцов, а не государство, а бьярмов — как бродячих северных торговцев, которые поддерживали торговые связи на больших территориях. Говорил бьярм на своем родном языке: карельском, коми, саамском, русском, вепсском.⁶ Киркинен полагает, что вначале пермью, или бьярмами, возможно, считали жителей Верхней Волги финно-угорского происхождения, занимавшихся торговлей пушниной, но затем к бьярмам стали относить население карельского и вепсского происхождения.

Время бьярмийской активности падает на эпоху викингов. Но торговые традиции бьярмов сохранились надолго. Торговали они и в новгородских землях, и в Восточной и Северной Финляндии. Особенно прославились карельские коробейники, появлявшиеся на традиционных ярмарках в Финляндии. 4 августа 1979 г. в местечке — Кухмо, на древнем пути перми-бьярмов, был открыт памятник коробейникам. Торжественную речь произнес Х. Киркинен который подчеркнул, что культурный обмен и сотрудничество между СССР и Финляндией истоками уходят в далекое прошлое, в те времена, когда существовали традиции перми и коробейников.⁷

О продвижении корелы на запад сохранилось немало сведений, а археологические материалы подтверждают присутствие ее на территории еми. Традиционные древне-карельские предметы найдены в Настоле, Тюрвянтэ, могильнике Ристимяки (губерния Хяме), который считается карельским либо оставленным населением, попавшим под влияние корелы. Между прочим, само его название (*makí* — «возвышенность», *risti* — «крест») говорит об этом же. Известен клад серебряных вещей, в состав которого входили четыре круглые выпуклые фибулы, являвшиеся одним из украшений женского костюма. Фибулы с изображением клешней рака, копоушка и некоторые другие изделия собраны в погребальных памятниках Хяме. При раскопках г. Турку в слое XIII в. обнаружены остатки кожаных ножен, украшенных акантом в древнекарельском стиле. Финляндские ученые высказали также предположение, что названия ряда населенных пунктов Финляндии — Паасо, Настола и Турку — даны христианами-карелами. В районе Турку, кроме того, известен о-в Вепсянсаари («Остров вепсов»).

Жителям Хяме территория, заселенная корелой, была знакома с глубокой древности, свидетельством чего является топонимический материал. Тщательный анализ позволил проследить исторические пути расселения из Хяме. Охотники этого района исхаживали практически все Саво, достигая Северо-Западного Приладожья и берега. Оулуярви. В XI–XII вв. охотники-карелы стали проявлять активность и теснить людей из Хяме с их прежней охотничьей территории. Когда же в Саво возникли древние карельские поселения, то хяме вообще потеряли эти восточные охотничьи угодья. Им пришлось расширять сферу своей деятельности в северном направлении — в долины рек Кеми и Торнио.⁸

Участие корелы в торговле с западными странами надо рассматривать не как личную инициативу. Оно осуществлялось в рамках внешнеэкономических и политических связей Новгорода. Находясь между западным миром, с одной стороны, и славянским — с другой, на важнейших торговых магистралях, корела активно участвовала в международных торговых операциях, влияя таким образом на внутреннюю и внешнюю политику Новгорода. Роль новгородской Карелии в торговле была существенной в силу ее географического положения. Из Невы в Балтийское море маршрут торговых судов проходил вдоль южного берега Финского залива до Таллинской бухты, затем — на север до финляндского берега у мыса Порккала-Удд, вдоль юго-западного побережья Финляндии, минуя Аландские острова, через Балтийское море к шведскому берегу. В дальнейшем, когда Швеция и Дания потеряли гегемонию в торговле с Новгородом, на первое место выдвинулись немецкие города, что вызвало изменение маршрута, за исключением отрезка Нева — Таллин.⁹ Параллельно ему существовал путь «горою», по суше.

В договорных грамотах Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами (1262–1263 гг.), а также городов Балтийского моря и Новгорода (1269 г.) рассматривались вопросы торговли, мира и суда. В них оговаривалось особое положение территории корелы в международной торговле, снималась с новгородцев ответственность за сохранность немецких и готландских купцов при их продвижении по Корельской земле: «Оже кто гостить в Корелу, или немци или гтяне, а что ся учинить, а то Нову-городу тяжа не надобе».¹⁰ Торговым отношениям уделено особое внимание в Ореховецком мирном договоре 1323 г. Высокоразвитые внешнеэкономические связи, прямое или опосредованное участие корелы в торгово-культурных контактах с Западом засвидетельствованы вещами западноевропейского происхождения в материальной культуре Карельского перешейка, предметами, характерными как для Финляндии, так и для севера европейской части СССР. К ним относятся плетенные из нескольких проволочек серебряные и медные цепочки. И хотя медные изделия встречены на широкой территории: в Эстонии, Новгороде, Финляндии, — первоначальные серебряные экземпляры производились на Готланде. С Готландом связано появление в древнекарельских погребениях серебряных филигранных бусин, некоторых застежек, круглых выпуклых фибул. Карельские бронзовые спиральные цепедержатели восходят к типам, распространенным в I тысячелетии н. э., обнаруженным на памятниках Финляндии.

К западному импорту следует причислить мечи, некоторые типы топоров: секиры, топоры с оттянутым книзу лезвием и парой нижних щекавиц, с треугольным выступом на уступе бородки (их еще называют готландскими). С Готланда (до запрета папы, а может быть, и после него) поставлялись суда и продовольствие.

Разноплановые отношения, прослеженные по различного вида источникам, связывали древнее население Северо-Западного Приладожья и Эстонии. К эпохе сложения прибалтийско-финской языковой общности относятся наиболее архаичные формы эпоса. Ученые считают, что именно в это время начинает создаваться калевальская метрика рун, сохранившаяся в фольклоре карел и эстонцев, ливов, води, финнов, в то время как у вепсов и саамов она неизвестна.

Контакты населения Северо-Западного Приладожья с жителями Эстонии выявляются на

материалах I — начала II тысячелетия. Древности Карельского перешейка данного периода близки синхронным памятникам Финляндии и Эстонии и по форме, и по характерным чертам погребальной обрядности. Сказанное вовсе не означает, что в это время имело место массовое переселение на берега Ладоги, хотя частичное переселение могло быть. Близость трех крупных регионов: Северной Прибалтики, Финляндии и Северо-Западного Приладожья — выразилась в параллельных явлениях в жизни родственных народов, обитавших в сходных экологических и исторических условиях. К тому же население названных регионов находилось на одной ступени развития. Все это способствовало выработке общих черт в материальной культуре. Зафиксированы вещи, бытовавшие на памятниках Эстонии и Карельского перешейка. В начале нашей эры — это овалы, втульчатый топор, предметы вооружения. На рубеже I–II тысячелетий для обеих территорий были характерны одинаковые серебряные двускатно-пластинчатые подковообразные фибулы, спиральные браслеты и перстни, застежки с косорифленной средней частью и с выпуклостью на кольце, разделители ремней и т. д.

Прослеживаются и более поздние связи с Восточной Прибалтикой. Наблюдается некоторая общность погребальной традиции. Как и древнекарельские, могильники материковой части Эстонии расположены на возвышенных местах по краям пашен. Умершие погребались на глубине около 1 м, головой на север и северо-восток, позже — на запад. Древнеэстонские погребения, как и древнекарельские, содержат разнообразный инвентарь, в том числе орудия труда и предметы обихода. Именно с населением восточной части Эстонии, в начале II тысячелетия н. э. сформировавшимся в древнеэстонскую народность, у предков вепсов и карел сложились наиболее тесные связи.

Некоторые предметы материальной культуры древних карел, обнаруженные на территории эстов, фиксируют культурно-торговые и этнические контакты: головное украшение сюкерё, орнаментированные пластинчатые бляшки с приклепанной петлей для подвешивания, фибула с узором в виде плетенки. В детском захоронении XIII в. эстонского могильника Каберла обнаружена бронзовая накладная ножен, не имеющая аналогий на памятниках Эстонии, да и в Карелии идентичных экземпляров нет. Видимо, это местный вариант ножен, которые получили распространение в Карелии и Водской земле."

Женский костюм с сопутствующими ему предметами украшения и нашиваемыми гонозовыми спиральками знаком населению Западной Финляндии, Восточной Прибалтики и летописной кореле. Вместе с тем костюму каждого из них присущи специфические черты, что наглядным образом подтверждает существование параллельных явлений в жизни родственных народов. Отмеченные сходные черты в материальной культуре могли появиться независимо друг от друга. И эстонцы, и карелы шли в историческом развитии самостоятельным путем, выработав специфические формы материально-духовных ценностей. Одновременно некоторые предметы оседали на той или иной территории в результате торгово-культурных и экономических связей, которые в те времена отличались большой активностью и целенаправленностью. Непосредственные контакты между Эстонией и Карелией — торговля хлебом. При стихийных бедствиях и в неурожайные годы кореле приходилось вывозить хлеб из Эстонии. Видимо, определенное сходство в материальной и духовной культуре эстов и карел можно объяснить не только близким родством, но и взаимным перемещением небольших групп населения, совместными браками. Безусловно, выяснение таких ситуаций на археологическом материале сопряжено с известными допущениями и оговорками, но они нашли отражение в фольклорной традиции.

Анализу карело-эстонских связей в карельских рунах посвящена специальная статья В. Я. Евсеева. Эти же сюжеты разрабатывались исследователем и позднее. Общие мотивы и образы в карельской и эстонской рунах о рабе из Виро возникли, по его мнению, в результате

проникновения жителей средневековой Эстонии на территорию корелы, в том числе и в Саво. О рабе из Виро сообщается также и в ижорской руне.¹² Интересны наблюдения исследователя о рунах, упоминающих Укко Вироканнаса — «иноземного карела» из восточно-эстонской области Виро, с помощью которого и ему подобных осуществлялось официальное внедрение христианства в карельскую среду. В период сложения и развития карельской и эстонской народностей существовали благоприятные исторические условия, способствовавшие установлению и упрочению стабильных культурных отношений, приводивших к се-мейно-брачным связям трех крупных регионов. В эпитафие к разделу уже упоминались сваты из Виру и Ингрии. А герой одной ижорской песни находит родственников в более отдаленных землях: отца — в Ижоре, мать — в Эвремейске, в русском видит брата, а сестру имеет в Саво. Хорошая осведомленность карел о своих соседях прослеживается и по ряду других рун. Материалом для сюжетов, несмотря на трансформацию на протяжении многовекового периода развития фольклора, послужили реальные события.

И наконец, на Карельском перешейке в эпоху средневековья встречаются названия мест, образованные от этнонимов «*viro*», «*eesti*» (эстонцы) и фамилии более позднего образования — Виронен, Виролайнен.

С X в., а особенно в XIII в., часть древнекарельского населения перемещается на восток, юго-восток — в районы, заселенные весью. С другой стороны, выходцы из Юго-Восточного Приладожья, как признают большинство исследователей, принимали активное участие в сложении древнекарельской народности. О тесных этнокультурных связях между весью и летописной корелой свидетельствуют распространение в Северо-Западном Приладожье этнонимов «вепся» и археологические памятники. Курганы X в. у Сортавалы представляли собой каменные насыпи, а в Юго-Восточном Приладожье и на Олонецком перешейке — песчаные, полусферической формы. В то же время найденные вещи, в которых присутствуют финно-угорские украшения, роднят памятники Северного и Юго-Восточного Приладожья. Курганы XI–XII вв. Олонецкого перешейка (так называемый видлицкий тип) и могильники Карельского XII–XIV вв. имеют некоторые общие черты погребальной традиции, выразившиеся в употреблении деревянных срубов в качестве могильных сооружений. В срубах присутствовал, зольно-углистые прослойки, остатки шкур животных и слои бересты, какая-то часть схожих вещей. Однако разница между памятниками настолько серьезная, что можно говорить лишь о наличии контактов между корелой и весью, а не о переселении с Олонецкого перешейка на Карельский, как думали раньше.

Существование таких связующих и разъединяющих элементов — явление чюлне закономерное и объяснимое. В районе Сортавалы — Салми проходила граница между территориями, на которых, с одной стороны, проживали предки вепсов, карел-ливвиков и карел-людиков, а с другой — летописная корела. В контактирующих зонах вообще, а у родственного населения особенно ярко проявляются взаимовлияния, обогащающие культуру, накладывающие на нее специфический отпечаток, хорошо поставленный обмен в различных сферах человеческой деятельности. Вот почему! в каменных курганах у Сортавалы и в разрушенном могильнике на Паасонвуори присутствуют вещи, характерные для населения юго-восточных берегов Ладоги, а в погребальных памятниках видлицкого типа на Олонецком перешейке прослеживаются некоторые общие черты с древностями Северо-Западного Приладожья. А все вместе это способствовало формированию в пограничье гибридной культуры, в которой имеются черты двух этнических групп: корелы и веси, что является важным событием в сложном и многоэтапном процессе формирования современной карельской народности.

Начиная с XI–XII вв. в материальной культуре Северо-Западного Приладожья накапливаются свидетельства прочных и крепнущих связей с Новгородом. Это прежде всего

появление вещей, изготовленных в Новгороде. Некоторые типы украшений, глиняная посуда, вооружение, медно-литейное и железоделательное ремесла фиксируют прочные связи со славянским миром. Даже растительный орнамент, столь характерный для украшений населения Карельского перешейка, ставший его этническим критерием, по-видимому, возник в Новгороде на базе сплава различных художественных стилей. Не исключено, что какая-то часть ювелирных украшений изготовлялась там по заказу корелы. Со своей стороны корела поставляла в Новгород продукты сельского хозяйства, железоделательного производства, пушнину, являющуюся ходовым товаром на всех рынках. Без сомнения, в начале II тысячелетия н. э. связи корелы с древнерусскими городами были значительно западно-европейских и далеко выходили за рамки торговых отношений, о чем мы расскажем в следующем разделе.

*Не прошу чужой я пищи,
На чужбине самой лучшей;
Всего лучше людям дома,
Каждому там больше чести.
(7:277 — 2S0)
Лучше лаптем воду черпать
У себя, в родной сторонке,
Чем в стране чужой, далекой
Мед — сосудом драгоценным.
(7:285—2НН)*

Формирование и развитие племени и народности корела проходило под непосредственным влиянием Новгорода в сложной общеполитической обстановке, которая в какой-то степени ускорила процесс сближения и объединения древнекарельских групп. Уже в XII в. корела активно вмешивается в международные события.

О первом военном предприятии корелы 1143 г. мы уже упоминали. Скандинавские хроники рассказывают о двух ее походах. В 1178 г. отдельные отряды корелы проникли к еми, захватили шведского епископа Родульфа (по другой транскрипции — Рудольфа), увезли к себе и умертвили. Разумеется, не в этом заключалась главная цель похода. Только из-за важной персоны не стоило идти на риск. Шведы, насаждая католицизм, всеми силами пытались захватить древнекарельские земли. Карелы понимали, чем это могло кончиться, и давали врагу решительный отпор. В 1187 г. новгородцы опустошили берега оз. Мелар и сожгли Сигтуна — древний, некогда цветущий торговый город (на месте соврем. Стокгольма). Некоторые исследователи предполагают, что участвовала в этом походе и корела..

Сигтуна, расположенная на берегу внутреннего озера (Мелар), была хорошо защищена рельефом и искусственными укреплениями (стеной) со стороны суши. Кроме того, между Сигтуной и морем находилась укрепленная резиденция главы шведской церкви. Нападавшим для успеха предприятия надо было выполнить две задачи: появиться внезапно и провести по узким шхерам значительное войско, чтобы молниеносно развернуть его перед городом. С обеими задачами они блестяще справились.

Вызван был этот поход теми же причинами, что толкали Новгородское государство на протяжении нескольких веков на борьбу со Швецией. Допускают еще одну причину. Сигтуна — крупнейший торговый центр на Балтийском море — досаждала кореле, торговый оборот которой страдал от конкуренции сигтунцев. Если это так, то после похода у корелы одним конкурентом стало меньше. -

В Новгородской летописи под 1191 г. содержится сообщение о совместном походе новгородцев и корелы на емь: «Ходиша новгородьци с корелою на емь и воеваша землю их, и пожьгоша, и скот исекоша». Подробностей об этом походе нет. И. П. Шаскольский, перу которого принадлежит исследование «Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв.», считает, что задачей похода было восстановление новгородского влияния в Центральной Финляндии и, следовательно, поход носил характер карательной экспедиции.

Такие, казалось бы, кратковременные набеги имели глубокие, порожденные борьбой Новгородского государства со Швецией политические причины, и яркое тому свидетельство

поход 1198 г. на шведскую колонию Або. Как ни странно, но об этом событии известно не из русских летописей, а из финляндской епископской хроники. Предполагается, что в походе приняла участие и корела, ибо подобные мероприятия, совершаемые Новгородом, не обходились без нее. Удар был нанесен настолько решительный, что шведская колония не могла оправиться в течение 20 лет. Походом 1198 г. заканчивается первый период борьбы Новгородского государства со Швецией, чтобы вновь возобновиться через несколько десятилетий.

Подводя итоги первому периоду борьбы, И. П. Шаскольский заключает, что при значительных военных успехах Новгороду не удалось выполнить главной задачи — вытеснить шведов из Юго-Западной Финляндии, что имело в дальнейшем серьезные последствия — эту территорию шведы использовали как оперативную базу для развертывания военных действий против финляндского и древне-карельского населения.¹

Русские политические деятели отчетливо представляли опасность, но не смогли предотвратить ее. В 1227–1228 гг. произошли три важных события. Зимой 1227 г. Ярослав I Всеволодович двинул свои полки против еми, уже попавшей под влияние шведов, и, как сообщает, несколько преувеличивая, Лаврентьевская летопись, « всю землю их плени ». В том же году произошло массовое крещение карел. Но мероприятия не достигли своей цели. В 1228 г. около 2000 воинов еми появились на Ладожском озере. Посадник Ладоги Владислав, не дожидаясь новгородцев (и правильно сделал, поскольку новгородцы решали какие-то свои дела), вступил в бой. Часть еми отступила к Олонцу и Исадам. Емь запросила мира, но ладожане ответили отказом, тогда враги побежали — кто в лес, кто на лодках. Оставшихся добивали корела и ижора. Новгородцы же, простояв в устье Невы несколько дней, посоветовались и, не став ждать ладожан, возвратились в Новгород.

Летописные рассказы XII–XIV вв. пестрят известиями о столкновении корелы со своими постоянными врагами. И тем не менее историки убеждены, что в силу тех или иных причин не всегда подчеркивалось участие корелы в военных акциях Новгорода. Так, например, советский историк С. С. Гадзяцкий и финляндский Х. Киркинен отстаивают мнение об участии карел в легендарной битве на Неве в 1240 г., поскольку от ее результатов зависели их жизни.² Забегая несколько вперед, скажем, что не упомянуто в русских летописях участие корелы в походе новгородцев на емь в 1256 г., в то время как в папской грамоте — булле 1257 г. — карелы являются главными действующими лицами похода.

В 1240 г. на северо-западе Руси обстановка чрезвычайно накалилась. Новгороду и Пскову пришлось вести борьбу с тремя опаснейшими врагами одновременно: шведами, Литвой и прибалтийскими немцами. Решающая битва была выиграна Александром Яроелавичем, прозванным в народе Невским, Новгородцы любили князя Александра как полководца, но как правитель он обладал неуживчивым характером. В тот же победный год он выехал из Новгорода, а между тем на западные рубежи вновь вторглись прибалтийские немцы. Они захватили Изборск. Навстречу врагам вышли псковичи, но были разбиты, а немцы, воспользовавшись предательством псковского посадника, захватили Псков, стали разорять новгородские и псковские владения. Они же построили крепость в Копорье.

В такой обстановке спасение Руси виделось в Александре Невском. Он собрал отряды из новгородцев, ладожан, корелы, ижоры и освободил Копорье. Враги и изменники были наказаны в 1241 г., а Псков удалось очистить от врагов лишь в 1242 г. в результате знаменитого Ледового побоища. Но в 1253/54 г. немцы вновь напали на Псков, сожгли посад, убили многих жителей, но сразу же сняли осаду, как только прослышали о приближении новгородцев. По неизвестным нам причинам новгородцы сначала вернулись домой, а только потом пошли за Нарову и нанесли большой ущерб орденским владениям. Успех в борьбе с прибалтийскими немцами был закреплен победой в битве за Юрьев в 1262 г., а в 1268 г. в Раковорском сражении они были

наголову разгромлены.

Летописец отмечал важную роль корелы в походе за Нарову. Известно, что шведы и немецкие рыцери проявляли особый интерес к прибалтийско-финскому населению северо-запада Руси. В 50-е гг. XIII в. папа Александр IV писал архиепископу Упсалы о необходимости крестового похода на корелу. В 1255 г. архиепископ Риги получил разрешение от папы направить епископа к язычникам води, ижоре и кореле, которые якобы только и ждут принятия новой веры.

После некоторого перерыва шведы активизировали свою деятельность. В 1283 г. Невой они прошли в Ладожское озеро и избили обонежских купцов (или купцов, ведущих торговлю с Обонежьем), а на следующий год тем же путем под руководством воеводы Трунда вознамерились взять с корелы дань. Новгородцы с посадником Сменом (Семеном Михайловичем) и с ладожанами заняли устье Невы, где 9 сентября 1284 г. враги были разбиты. В 1292 г. новгородцы совершили удачный набег на емь и вернулись «вси здрави». В ответ шведы обрушились на корелу и ижору. По сведениям летописи, и кореле, и ижоре досталось одинаковое количество врагов, с которыми они успешно расправились. И все-таки это были, как надо понимать в свете последующих событий, успехи местного значения. Шведы методично теснили корелу с ее территории. Им удалось завершить свою агрессивную деятельность строительством в 1293 г. на Корельской земле крепости Выборг. Цели и задачи шведов ясны — распространить, как писал К. Маркс, «шведское владычество и христианскую заразу на соседний народ, карелов; для закрепления этого в Карелии основан тогда Выборг».3

Сообщение в русской летописи лаконичное: «При-шедши свея, поставиша город на Корельской земле». За, то древнейшая шведская рифмованная хроника Эрика не скупится на похвалы в адрес христиан-шведов, называет данное событие чрезвычайно благородным вкладом в установлении мира на Карельском перешейке. «Пошли они (шведы. — С. К.) в языческую землю и положили конец злу и великой беде; язычники слишком близко подходили к ним. Это было там главным их делом; и построили они крепость в том краю, где кончается христианская земля и начинается земля языческая. Теперь там добрый мир, больше тишины и покоя и больше людей, верующих в бога. . У русских стало, таким образом, меньше подвластной им земли».4

Уже в ближайшую зиму новгородцы попытались разрушить крепость, но у Новгорода, втянутого в межкняжескую распрю, провоцируемую монголо-татарами, не было ни сил, ни согласованности в действиях. Шведы стремились взять под контроль и водный путь в Ладожское озеро, укрепив в 1295 г. в устье р. Вуоксы крепость Корелу. Позже она была захвачена и уничтожена новгородцами. Несмотря на неумеренно хвастливый тон хроники Эрика, в ней признавалось поражение: «Все христиане (шведы. — С. К.) погибли там ради господина и святой веры. После того островом там владели русские и сильно укрепили его, и посадили там мудрых и храбрых мужей, чтобы христиане не приближались к этому месту». По сообщению летописи, в честь знаменательного события по распоряжению архиепископа Климента в Новгороде возведена каменная церковь Воскресения.

Сооружение Выборга позволило шведам создать базу для дальнейшего нападения на земли корелы, и они не замедлили этим воспользоваться — было подчинено 14 общин (из них четыре в Ижорской земле). Шведы поставили под контроль водный путь по Неве. Под руководством Торгильса Кнутсона с помощью иноземных мастеров в устье р. Охты построили с «несказанной твердостью» крепость с претенциозным названием Ландскрона — «Венец земли». На Руси оценили всю опасность создавшегося положения. В новгородской грамоте Любеку начала 1301 г. говорится, что «король шведский отнимет у вас и у нас путь по Неве».5 Князь Андрей, собрав суздальские и новгородские полки, двинулся к крепости. О грамотной военной тактике русских войск, о критическом положении с продуктами в гарнизоне подробно рассказывает

хроника Эрика. Русский же летописец с удовлетворением сообщает о наказании шведов «за высокоумье их». Кроме того, принимаются меры для усиления обороноспособности Карельского перешейка — на р. Вуоксе в 1310/11 г. Новгород укрепляет Корелу, а выше по течению строится Тиверский городок.

Порубежное жительство корелы определяло не только ее внешнюю политику. Нашло отражение в летописях активное участие корелы во внутренних делах Новгорода. Еще в 1149 г. в составе новгородского войска корела вместе с жителями Пскова и Смоленска выступила против суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукого за «обиду новгородскую». Походом руководил киевский князь Изяслав, сын которого, Ярослав, княжил в то время в Новгороде.

Жители подвластной Новгороду территории, в том числе и северо-западных берегов Ладоги, включились в борьбу за великое княжение тверского князя Михаила Ярославича с московским князем Юрием Даниловичем на стороне последнего. Право великого княжения принадлежало Михаилу, потому что он был внуком Ярослава Всеволодовича, а Юрий — правнуком, но наступили такие времена, когда вопрос о наследстве решался не по степени родства, а силой. Юрий, так же как и Михаил, отправляется в Орду за ярлыком на княжение, но не получает его. Новгород же предпочел Юрия, ибо отношения между Михаилом и Новгородом стали напряженными. В 1316 г. — наместники Михаила выехали (или были выгнаны) из Новгорода, и тверской князь пошел на Новгород. Новгородцы приняли все меры предосторожности: сделали острог по обе стороны города, призвали на помощь псковичей, ладожан, «рушан» (жителей Старой Руссы), корелу, ижору, «вожан». Михаил остановился в 50 верстах от Новгорода. Но все было против него: и собственная болезнь, и недобрые вести о кознях Юрия. Так и не предприняв ничего, Михаил отступил, и отступление это было драматичным: тверские воины терялись в лесах, тонули в озерах и болотах, умирали от голода, ели конину и кожу со щитов, а оставшиеся бесславно вернулись домой.

Активная роль карел во внешнеполитических и внутренних делах Новгорода становится понятной, если учесть, что некоторые из них, как известно из документов, занимали высокие должности в Новгородском государстве. Обычно упоминаются два влиятельных лица: воевода Валит Корелянин и новгородский боярин Иван Федорович Валит. Возможно, представителей древнекарельской феодализирующейся знати в составе администрации Новгорода было больше, но их православные имена, не отличающиеся от древнерусских, трудно выделить в письменных источниках.

Характер взаимоотношений Новгорода и подвластной ему территории корелы менялся в зависимости от внешней политической обстановки, от состояния дел внутри Новгородского государства, общей ситуации на Руси. В «Слове о погибели Русской земли», которое создавалось в период между 1238 и 1246 гг., после описания красот земли Русской указываются ее границы: «Отсюда до угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев, до немцев, от немцев до карелов, от карелов до Устюга. .».6 Отсюда становится ясным, что территория карел не входила в границы Русской земли.

В договорной грамоте Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле (1262–1263 гг.) и в проекте договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом о торговле и суде (1269 г.) Новгород оговаривал, что не несет ответственности за сохранность западных судов в восточной части Финского залива, а также немцев и готландцев во время их поездок по земле корелы с торговыми целями. На основании этих, сообщений финляндские историки делали вывод о полной самостоятельности древних карел. По мнению же советских исследователей, договорные грамоты лишь свидетельствуют о некоторой свободе корелы в торговых делах в рамках зависимости от Новгорода. Взаимоотношения Новгорода и корелы для XII–XIII вв. можно считать дружественными при относительной самостоятельности

последней, пока ее интересы не шли вразрез с государственными. Новгородцы в подчиненных землях не держали своих войск, ограничивались сбором дани; опираясь на племенную знать, сохраняли старый племенной уклад.

Но не всегда в отношениях между Новгородом и корелой все обстояло гладко, они были далеко не идеальными. С обострением международной обстановки Новгородское государство стало относиться к карелам жестче. Когда корела забывала о своем подчиненном положении, новгородские феодалы напоминали об этом. Мы уже говорили, что в 1227 г. новгородский князь Ярослав Всеволодович провел принудительное крещение карел, и объясняли это общеполитической обстановкой и военной ситуацией, когда нужно было принимать решительные меры против шведских вторжений. Однако упомянутый поход Ярослава — не единичный факт усмирения, и на то были серьезные причины.

В этот период в Новгороде в очередной раз усиливаются антикняжеские выступления боярства, недовольного политикой Ярослава Ярославича. Бояре представили ему много обвинений и в заключение заявили, что терпеть его насилий больше не хотят: «Поиде от нас, а мы себе князя промыслим».

Антикняжеская борьба выражается в стремлении лишить князя власти над новгородским войском и инициативы в военных делах. Более того, военная политика проводится вопреки желанию князя. Поход Ярослава на Псков в 1266/67 г. не состоялся из-за новгородцев, отказавшихся участвовать в княжеском мероприятии. В 1267 г. вместо похода на Литву новгородцы настояли на походе к прибалтийским немцам, закончившемся Раковорской битвой. В 1269 г. Ярослав решил идти на корелу, но новгородцы «умолили» его не делать этого. Видимо, во второй половине XIII в. произошла какая-то перемена в отношениях корелы и Новгорода. Может быть, корела в чем-то слишком проявила самостоятельность. Как бы то ни было, но различия интересов новгородской правящей верхушки и князя на этот раз спасли карел.

Изгнанный в результате антикняжеской борьбы Ярослав обращается за помощью к монголо-татарам, используя распространенный и очень часто безотказно действующий способ — клевету: дескать, Новгород не желает платить дань Золотой Орде. Их вмешательство удалось избежать. Костромской князь Василий Ярославич (родной брат Ярослава) сам поехал в Орду и сказал хану, что правы новгородцы, а не Ярослав, и тем с полпути возвратил татарские рати. И хотя Ярослав согласен был с любыми требованиями новгородцев, последние заявили ему: «А тебе не хотим». Против Ярослава поднялась «вся власть нов-городчкая»: псковичи, ладожане, корела, ижора, водь.

После смерти Ярослава в Орде в Новгород послали своих послов сын Александра Невского Дмитрий и Василий Ярославич. Казалось бы, в знак благодарности за спасение новгородцы изберут Василия Ярославича, однако пригласили Дмитрия, — видимо, Василий был слишком требовательным. Но новгородцы ошиблись. Дмитрий повел себя нагло: захватил волости новгородские и Торжок, пожег хоромы, нарушил торговые связи, в результате хлеб в городе вздорожал. Новгородцы поняли свою ошибку и решили пригласить Василия. Дмитрий, не дожидаясь изгнания, уехал сам и вернулся на новгородский стол в 1276 г. после смерти Василия.

И вот почти сразу же после вокняжения, в 1277/78 г., Дмитрий Александрович, которому поначалу пришлось приложить немало усилий для укрепления своего положения в Новгороде, пошел с войском в Корельскую землю и «казни корелу, и взя землю их на щит». Причины карательной экспедиции могло быть несколько. По мере того как корельская племенная знать формировалась в класс феодалов, ей требовалась большая, чем гарантировал Новгород, самостоятельность и в сборе дани, и в торговых делах, и в контактах с западными соседями. Следует учесть, что в шведских нападениях на корелу был значительный перерыв, достаточный для того, чтобы в их отношениях на первое место выдвинулись мирные дела, например торговые,

что сблизило определенную часть корельского и шведского населения. Кроме того, корела в самом Новгороде, наверное, приняла участие в антикняжеской борьбе в рядах противников Дмитрия, результатом чего и явилось ее усмирение.

Военный поход повлек за собой и некоторые административные меры. Племенная территория корелы, состоявшая из 10 погостов, стала называться Корельской землей, центром которой в начале XIV в. становится городок Корела. А впервые термин «Корельская земля» встречается в русских летописях под 1278 и 1293 гг. Управление осуществлялось русской администрацией (возможно, при некотором участии корелы). Во главе Корельской земли были поставлены служилый князь и воевода. Выбор первого князя (Бориса Константиновича из тверской княжеской семьи) надо признать неудачным. Борис оказался недалеким политиком и правителем. Новгородцы предъявили ему серьезные обвинения: мол, Бориса Константиновича Новгород кормил корелой, а он корелу всю «истерял и за немцев загнал», да и с Новгорода брал больше, чем следует. В результате притеснений князя часть корелы восстала и приняла сторону шведов. Приговор новгородцев звучал сурово: пусть выезжает из новгородской волости, и больше его новгородским хлебом не кормить. Антифеодальные выступления в Корельской земле осложнялись шведской агрессией. Следующее восстание произошло в 1314/15 г. Краткое содержание летописного сообщения сводится к следующему. В Кореле были перебиты русские горожане, а затем впущены в город шведы. Но как только новгородцы под руководством наместника Федора подступили к городу, карелы перешли на сторону новгородцев. Шведы и карелы-«переветники» (изменники) были казнены. О восстании 1337/38 г. существуют две версии. По новгородской летописи, восставшие с помощью шведов перебили много новгородских и ладожских купцов и других живущих в Кореле христиан, затем бежали в Выборг, где от их рук тоже пострадали христиане. Софийская летопись излагает события несколько иначе. Подступили шведы к Кореле, и воевода Валит Корелянин сдал город шведам. Новгородцы лишь в начале июля подошли к крепости, и Валит перешел на сторону сильных, в данном случае — новгородцев. Шведы были наказаны. Восстание в Кореле — не случайное явление. Ему предшествовали крестьянские движения в Финляндии. Прокатившаяся волна восстаний заставила официальные круги Швеции и Новгорода поторопиться с мирными переговорами в 1323 г.

Усилившийся феодальный гнет, дележ новгородской Карелии по Ореховецкому договору, иноземные вторжения вызывали протесты крестьян. Это было время, когда Корельская земля находилась во владении литовского князя Наримонта. Дело в том, что Новгороду в борьбе за независимость от московского князя нужен был союз с Литвой и в качестве приманки использовалась Корельская земля. В Новгородской летописи об этом событии содержится весьма невинная запись. Как будто бы литовскому князю Наримонту, язычнику, захотелось поклониться св. Софии, и он попросил об этом новгородцев. Новгородцы через послов Григория и Александра пригласили его. Наримонт принял приглашение и приехал в Новгород в октябре 1333 г., где получил не в кормление (обратите внимание!), а в наследственное владение Корельскую землю с Корелой, Ладогой, Орешком и половиной Копорья. Как узнаем из другого летописного рассказа, новгородцы вынуждены были так поступить под давлением неблагоприятно складывавшихся обстоятельств.

Наримонт не оправдал надежд. В критических ситуациях (восстание крестьян, которое и вызвано-то было, видимо, поборами его слуг; вторжение шведов) он оказывался в Литве и не откликался на зов новгородцев. Отсутствовал он и в 1348 г., когда вторглись шведские войска под предводительством Магнуса. Лишь в 1383 г. принадлежавшие ему земли были переданы его сыну Патрикию, но не в наследство, а в кормление и не в том составе. Патрикий получил Орешек, Корелу, половину Копорья и «Луское» село. Однако уже на следующий год жители

Орешка и Корелы пожаловались Новгороду на князя. Последний же пытался поднять своих сторонников в Новгороде. До уособицы дело не дошло, но литовскому князю взамен недовольных городов дали Руссу и Ладогу.

На какое-то время карелы избавились от обязанности содержать князя, но уже в 1389 г. Корельская земля вновь отдается в кормление литовскому князю Лугвеню, да только он недолго пробыл на новгородской службе. В 1392 г. шведы вошли в Неву, захватили села по обе стороны реки, не доходя 5 верст до Орешка. Под руководством князя Семена (это христианское имя Лугвеня) враги были разгромлены. После этого Семен-Лугвень уехал в Литву. В 1407 г. он появляется на короткое время и, получив в кормление города и земли, бывшие за Наримонтом, в 1412 г. опять уезжает в Литву. Известно, что на кормлении какой-то период находился его сын Юрий, но в 1444 г. его сменил Иван Владимирович из Литовской земли. Он тоже задержался ненадолго, и в Новгороде снова появился Юрий Семенович-Лугвеневиц, однако новгородцы отказали ему. В 1459 г. Юрий все-таки добился своего, получив Руссу, Ладогу, Орешек, Корелу, Яму, половину Копорья, и снова возвратился в Литву.

В перерывах между литовскими княжениями в Корельской земле на кормлении находились русские: Константин Белозерский, смоленский князь Юрий Святославич, московский князь Константин Дмитриевич. Получая в кормление Корельскую землю, приглашенные князья обязаны были организовывать оборону и охрану северозападных рубежей Новгородского государства. Между тем летописи очень редко упоминают их при описании военных событий. Особенно беспокойным было время службы князей Бориса Константиновича и Наримонта.

Первая половина XIV в. заполнена изнурительными походами Швеции и Новгорода. Войны обедняли страны, рушили торговые связи. Противники пытались удержать завоеванные территории строительством новых крепостей, разрушением неприятельских укрепленных пунктов. В 1311 г. новгородцы совершают внезапный опустошительный набег в Хяме. В 1313 г. шведы оказываются под Ладогой и сжигают город. В 1317 г. они вновь появляются на Ладожском озере, а новгородцы в 1318 г. — в Финляндии. Под 1322/23 г. летопись рассказала о двух событиях: Юрий Данилович осаждает Выборг, а шведы — Корелу. Обе стороны заметных результатов не достигли.

В 1323 г. на Ореховом острове при выходе из Ладожского озера в Неву Новгород строит крепость Орешек, и в ней 12 августа того же года подводится итог многолетней ожесточенной, разрушительной шведско-русской борьбе за территорию корелы. Договор дошел до нас в трех текстах: на русском, латинском и шведском языках, но ни один из них не является оригиналом. Русский текст договора начинается словами: «Се яз князь великий Юрги с посадником Алфоромеем и с тысяцким Аврамом с всем Новым городом dokonчали есм с братом своим с князем свеискым с Манушем Ориковицем. . мир вечный и хрест целовали».

Новая (и первая известная нам) официальная граница между шведскими и новгородскими владениями начиналась от устья р. Сестры, проходила через 14 пунктов и заканчивалась у «Каяно моря». Начало и конец межи из договора для нас ясны, но такие пункты, как «мох, середе мха гора», на современную карту не нанести. И все же основное направление выявлено: устье р. Сестры — восточный рубеж привыборгских погостов корелы — Сяркилахти (район оз. Сайма) — р. Суоннейоки — район оз. Пюхья-ярви — Ботнический залив (южнее устья р. Пюхьяйоки).⁷

За Швецией оставались Выборг, построенный на Корельской земле, и три погоста, как говорится в документе, отданных «по любви»: Яскис, Эврепя и Саволак. Однако Новгород сохранял свои права на охотничьи и рыболовные угодья в отошедших к Швеции землях (северная часть Саво, Северная Похьянмаа и Лапландия).

В переговорах в крепости на Ореховом острове участвовали готландские купцы, которые были очень заинтересованы в торговле с новгородскими землями. Территориальные споры Швеции и Руси нанесли серьезный ущерб международной торговле. Западные купцы не мыслили торговых операций без участия Новгорода, вот почему в договоре появляются слова: «Гости гостити без пакости из всей немецкою земле — из Любка, из Готского берега и Свеиской земле по Неве в Новгород горою и водою, а свеем всем из Выбора города гости не переимати, тако же и нашему гостю чист путь за море». Для уравнивания военного потенциала Швеция и Новгород отказывались от строительства крепостей, обязывались возвращать беглых должников, поручителей и холопов. Шведам и жителям Выборга запрещалось покупать земли у новгородской ко релы. Обе договаривающиеся стороны гарантировали решение возникающих конфликтов мирным путем.

Подписание мирного договора можно считать положительным явлением: оговорена граница, открыты торговые магистрали, прекращены изнуряющие государство и население набеги и разбои, насильственная смерть и разрушения. Отрицательные последствия договора заключались в том, что граница разделила корелу — единое этническое образование со своим языком, духовной и материальной культурой. Государственная граница отторгла западную корелу, попавшую под власть католицизма, шведских государственных порядков и законов, от восточной, новгородской. Различно сложились их исторические судьбы.

Основная часть корелы, населявшая Северо-Западное Приладожье, осталась под властью Новгорода, тесно связанная с ним экономическими, политическими и культурными интересами. Корела, оказавшаяся на шведской стороне, вместе с емью образовала восточную группу финского населения (саволаксы), которая приняла участие в формировании финской народности. Из захваченных шведами древнекарельских погостов возник выборгский замковый лен (губерния).

Первые три года после заключения мира можно считать спокойными. В 1326 г. Магнус — король Швеции и Норвегии — подписал с Новгородом соглашение относительно северного рубежа норвежско-новгородских территорий. Если граница нарушалась одной из сторон, земли возвращались владеющему ими государству. И Норвегия, и Новгород сохраняли за собой право сбора дани у саамов. Договором предусматривалось установление мирных торговых связей между обоими государствами.

Вскоре в Новгород вновь стали поступать сигналы о неблагоприятном положении на русско-шведской границе. Несоблюдение принятых условий, ущерб, причиняемый друг другу, возобновление военных действий привели к новым переговорам. Новгородскую сторону представляли послы Александр Борисович и Кузьма Твердиславич (последнего можно считать крупнейшим новгородским дипломатом XIV в., выполнявшим ряд ответственных поручений). От имени Новгорода в 1338/39 г. (скорее всего, в 1338 г., так как дело происходило зимой) они заключили мир со шведами, а в 1339/40 г. (видимо, весной 1339 г.) ездили за море «к свеискому князю» и заключили мир по старым грамотам. Обе стороны должны были блюсти все пункты договора и взяли на себя обязательства: наказывать и даже вешать убегающих за рубеж карел.

Отголоски указанных событий зафиксированы в грамоте № 286, датирующей первой половиной или серединой XIV в. Эта грамота в шесть строк была найдена на усадьбе, расположенной на углу улиц Великой и Кузьмодемьянской, чьи владельцы ведали делами корелы в Новгороде (вокруг этой усадьбы были собраны и другие «карельские» грамоты). В ней рассказывается о сложнейшей обстановке, в которой оказалась корела в первой половине XIV в. Грамота адресована Дмитру и написана Григорием. Вот ее содержание (в скобках — восстановленные пропуски): «От Григории ко Дмитру... М(ы зд)орове. А ты ходи, не бойся.

Мир взяле на (с)тарой меже Юрия князя. (Ныне) ця послале кореле на Каяно море, а (не)помешай, не испакости. Присловия возми, а (к) и поймало дани лонескии. Возми и мои. А уцюеши, а не пойду к Но. ., и ты тогодь иди. А дома здорово, а на меня вестей перечиня. . о. Аже возможеше, пособляй мне цимо».

Анализ грамоты, сопоставление ее с известными историческими событиями и летописными сообщениями позволили В. Л. Янину с убедительными подробностями восстановить сложившуюся обстановку. Григорий и Дмитр были «карельскими данниками» Новгорода, собиравшими дань с Карельского перешейка. Григорий написал эту тревожную грамоту, рекомендуя Дмитру вести себя осмотрительно, потому что был в курсе всех событий и переговоров 1338–1339 гг. На новгородские земли с согласия короля Магнуса должны были вернуться бежавшие карелы. Поэтому Дмитру следовало проявить все свое дипломатическое искусство, когда поедет к карелам-каяничам, чтобы те, напуганные расправой, не побоялись вернуться. Григорий советует Дмитру взять «присловия» — списки прошлого года о результатах сбора дани.⁸

В шесть строчек грамоты уместились трагические события первой половины XIV в. Новгородские грамоты на бересте раскрывают сложный, многогранный характер отношений Новгорода и подчиненного ему древнекарельского населения, взаимоотношения плательщика дани и союзника с господином и защитником.

В двух других найденных на усадьбе грамотах перечисляются недоимки. Грамота № 278, попавшая в землю на 20 лет позднее предыдущей, написана все тем же Григорием: «У Икагала у Кривца 3 кунице. У Иголаи дове и в Лаидиколе полорубля и 2 кунице. У Леинуя в Лаиди-коле 6 бело. У Филипа у деяка 30 бело. У Захарии и в Калинина полосорока и 5 и 5 бело. У Сидуя у Авиници 4 ку-ници. У Миките Истовной у Еванова 6 куници. У Муно-мела в Куполе у Игалина брата полорубля и 2 кунице. У Лег. .». Список почему-то не закончен. Белы и куницы, упомянутые в грамоте, — названия денег. Имена Икагал, Сидуй, Муномел и населенные пункты Лаидикола, <Ку-рола — прибалтийско-финские. В грамоте № 130 тоже перечисляются недоимки, но уже в локтях ткани, которые должны были выплатить Вигарь, Валит и Мелит.

Мирная обстановка была нарушена вторжением швед-ского короля Магнуса. А началось это с «философского» спора в 1348 г. Магнус предложил новгородцам созвать съезд философов, на котором должно было быть решено, чья же вера лучше: католическая или православная. Если же православная, говорил Магнус, то он примет ее, и наоборот. И будет единый новгородско-шведский союз. В случае несогласия Магнус угрожал, что пойдет большим походом на Русь. Новгородцы с владыкой Василием, посадником Федором Даниловичем и тысяцким Авраамом резонно заявили, что не им решать этот спор, а следует обратиться к Царьграду, ибо оттуда пришла православная вера. В ответ на это Магнус сказал новгородскому послу Кузьме Твердиславичу, что обижен несговорчивостью новгородцев и их нежеланием обратиться в католичество. Повод был придуман, и в том же году Магнус с огромным войском нарушил границу, начал крестить ижору, а несогласных уничтожать. Объединенным силам новгородцев удалось победить отдельные вражеские отряды, казнить изменников. На радостях летописец несколько приуменьшил новгородские потери: по его словам, было убито всего лишь трое новгородцев.

Пока новгородцы собирали главные силы в Ладоге да просили великого московского князя Семена Ивановича (сына Ивана Калиты) оказать помощь, а тот долго медлил, собрался было ехать, но повернул обратно, выслав вместо себя брата Ивана, шведское войско стояло под Орешком. Магнус не мог взять крепость силой. Он пустился на хитрость, пообещав отпустить осажденных на свободу. Коварный Магнус сдержал слово относительно горожан и наместника Наримонта, а все новгородское посольство в составе Авраама, Кузьмы Твердиславича и восьми

бояр взял в плен.

Новгородцы, так и не получив помощи от великого московского князя, осенью осадили Орешек. Автор шведской хроники не был сторонником Магнуса, и он едко заметил, что у осаждавших снова отросли бороды (имея в виду тех, кого Магнус крестил и у кого остриг бороды); «если бы он сиял им головы с плеч, они так не обманули бы его». На долю оставшегося шведского гарнизона выпала тяжелая судьба. Нелегко было и русским. Псковичи решили не принимать участия во взятии Орешка. Новгородцы совестили их, напоминали о дарованных льготах и т. д., но псковичи не только не вняли просьбе новгородцев исчезнуть незаметно, а из духа противоречия уходили шумно, трубя в трубы и ударяя в бубны, привлекая внимание шведов, а те смеялись. Так излагал события новгородский летописец, но псковский объяснял уход тем, что прибалтийские немцы нарушили договор и вторглись в псковские земли: «Месяца июня в 24, на Иван день, посадник псковский Илья со псковичами отъехал к Орешку-городку в помощь новгородцем противу свеиского короля Магнуша. А в то время немци развергоша мир с псковичи и, перехавше Норову, повоеваша села псковская».10

Более того, новгородцам пришлось разделиться, отряд до 1000 человек отправился под Корелу для борьбы с другим войском Магнуса. После семимесячной осады Орешек был взят новгородцами.

Вернувшись в Швецию, Магнус жаждал продолжения войны, несмотря на крайне неблагоприятное положение в своей собственной стране, но это были его последние выступления — через год он приплыл к русским берегам, но, узнав о приближении новгородского войска, ушел в море и попал в бурю. В 40-х гг. его свергли с престола. Новгородцы перешли в наступление. 21 марта 1351 г. они подступили к Выборгу, сожгли посад, разорили близлежащие земли и вернулись в Новгород. В том же году новгородское посольство ездило в Юрьев, где произошел обмен военнопленными. Вернулись на родину тысяцкий Авраам, Кузьма Твердиславич и другие бояре. Видимо, был заключен мир, подтвердивший условия 1323 г.

В Московском летописном своде конца XV в. — «Рукописании Магнуша корол-я свеиского» — якобы от имени шведского короля русский патриот предостерегает всех тех, кто захочет посягнуть на Русскую землю, что беды и несчастья падут на их головы: «И ныне же приказываю своим детям и своим братьям и всей земле Свейской не наступите на Русь. . а хто наступит, на того бог и огонь, и вода»."

В конце XIV в. на Карельском перешейке вновь сложилось тревожное положение. В грамотах, посланных корелой в Новгород, содержатся сплошные обиды, жалобы, перечень убытков: «Беют челом корила погоская Кюлола-ская и Кюриеская Господину Новугороду. Приобижени есмь с немецкой половине. Оцтина наша и дидена. . а нас у Вымолчов, господда, имал. и кречете я. . мопь. Вережи пограбиле, а сами есмь. . ина. . алуи 10, а у. .». Видимо, этому документу отводилась значительная роль, поскольку в нем есть слова «Господину Новугороду», придававшие грамоте, по мнению специалистов, силу государственного документа. В другой грамоте: «Микулин человек Стеньна. . Коневых Водах у Жабия Носа уби. . нас. . вуева сына и Кавкагалу. А узяли товара на 10 руб-лев. Киреев сыно ино взе лопин. Лоне у Гювиева сына у того же Жабия Носа приехавше севилакшане 8 человек, взяле товара на 5 рублей и лотку. На тых же Коневых Водах у Мундуя у Вармина сына взяле 10 лендом рыбы».12 Во всех жалобах постоянно повторяется пункт Коневы Воды у Жабия Носа. Именно здесь происходили столкновения с жителями «Севилакши» (Саволакса), того самого погоста, который был отдан Швеции по договору 1323 г., чтобы урегулировать пограничные отношения. Но как раз «севилакшане» и причиняли убытки кореле.

Новгородцы защитили корелу. Под предводительством князя Константина Белозерского

отряд выступил в поход, о чем стало известно из летописного рассказа, помещенного под 1396/97 г.: «Пришедше немци в Корельскую землю и повоеваша 2 погоста — Кюрьескыи и Кюлоласкыи — и церковь сожгоша; и князь Костянтин с корелою гнася по них, и язык изима и приела в Новгород».

Лаконичные записи в летописях и обрывки «карельских» грамот на бересте, сообщая только факты, раскрывают тревожную обстановку в Корельской земле, напряженное состояние боевой готовности, долготерпение корелы. Новгород не только следил за выполнением феодальных повинностей. В нем формируется отряд, чтобы отомстить за корелу, облегчить участь поименно названных в письмах и всех тех, что терпел обиды от врагов. Дружба новгородцев и карел была скреплена совместно пролитой кровью. Однако угроза шведского завоевания по-прежнему оставалась реальной.

Рассмотренные нами основные вехи в жизни древних карел с I тысячелетия н. э. до конца XV в. (новгородский период) свидетельствуют о значительных изменениях: окончательно разрушен первобытно-общинный строй, и на его смену пришел феодальный. Это способствовало быстрому экономическому развитию края. Корела представляла собой реальную силу и во внутренней жизни Новгорода, и во внешней политике. Корельская земля занимала важное место и в международной торговле. Но при всех взаимовлияниях и культурных связях древние карелы сохранили этнические особенности, которые четко вырисовываются на фоне приобретенных и заимствованных. Расселившись на большом пространстве за пределы племенной территории, народность корела вступала в контакты с соседями и в результате сложных многоэтапных процессов превращалась в обширную этническую общность. Намечается сближение разнородных этнических компонентов, из которых впоследствии сложилась современная карельская народность.

КАРЕЛЬСКАЯ НАРОДНОСТЬ В СОСТАВЕ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

*Ты поставь забор железный,
Выстрой каменную крепость
Вкруг того, чем я владею,
С двух сторон родного края,
Чтобы шли с земли до неба,
Чтоб с небес к земле спускались,
Были нашему жилищу
И защитой, и охраной,
И злодей не смог бы тронуть,
Враг плодов не смог похитить
Никогда, пока на небе
Золотой блистает месяц!
(43: 423–434)*

Включение Карелии в состав Русского централизованного государства имело для нее прогрессивное значение. Усилились связи с центральными областями Руси, в результате чего у карельской продукции — рыба, соль, железо и железные изделия, меха — появился широкий рынок сбыта, а это в свою очередь способствовало экономическому и социальному развитию края. Уничтожение феодальной раздробленности и изменение форм феодальной эксплуатации вели к более быстрому развитию производительных сил. Приобщение к русской культуре ощущалось во всех сферах материальной и духовной жизни карельской народности. В лице Русского централизованного государства карелы приобрели стойкого защитника от внешних врагов.

Указанный акт привел к новому административному делению, но прежние погосты сохранились. Северо-Западное Приладожье — Корельский уезд и Лопские погосты — вошло в состав Водской пятины Новгородской земли; территория между Ладожским и Онежским озерами, Заонежские погосты и южная часть Белого моря — в Обонежскую пятину (остальная часть Карельского Поморья была включена в состав Кольского уезда).

Корельский уезд делился на Переднюю Корелу (Карелию), которая включала погосты Равдужский, Саккульский и Городенский (с г. Корелой), и Заднюю Корелу с погостами Кирьяжским, Сердобольским, Соломенским и Иломанским. Исконная древнекарельская территория была заселена главным образом карелами, потомками летописной корелы. Смешанное русско-карельское население проживало в «столице» — Кореле — и торговом центре — Сванском Волочке.

Лопские погосты располагались севернее Корельского уезда, в них в результате ассимилятивных процессов и оттеснения саамов на север господствующее положение занимало карельское население. В Карельском Поморье издавна проживали древнекарельские переселенцы из Северо-Западного Приладожья, на самом побережье — русские, в глухих районах — саамы. Территория между Ладожским и Онежским озерами севернее р. Свири, заселенная в основном предками карел-ливвиков и карел-людиков, называлась Заонежской половиной Обонежской пятины.

По данным писцовых книг, во второй половине XVI в. (до начала шведской интервенции) общая численность населения Карелии не превышала 90—100 тыс. человек. На Корельский уезд приходилось 35—40 тыс., на Заонежские погосты — 45—50 тыс., на Лопские — 6—7 тыс., на Карельское Поморье — 4—5 тыс. Приблизительно половина древних карел сосредоточивалась в Корельском уезде. Второй по численности район с карельским населением формировался на Олонецком перешейке и в некоторых других погостах Северо-Западного Заонежья.¹ Актовые материалы и писцовые книги в качестве населенных пунктов на территории Карелии упоминают деревню, село, погост, починок, селище, посад, выставку, рядок, усадище и т. п. Большая часть населения жила в деревнях. В зависимости от экономико-географических особенностей размеры деревень колебались. В южной, земледельческой части Корельского уезда в конце XV в. деревни обычно состояли из одного-двух дворов. В северной — преобладали деревни из 5—10 дворов. В 1500 г. писцовыми книгами зафиксированы три деревни, в каждой из которых было более чем 50 дворов. В Кореле в XVI в. насчитывалось 188 дворов, в Сванском Волочке — 55, а во второй половине XVI в. в результате экономического развития в обоих городах уже имелось 410 дворов.

Изменение форм феодальной собственности заключалось в конфискации земель новгородских бояр и в передаче их государству. Помещичье землевладение в Карелии не получило развития. К примеру, в начале XVI в. в Корельском уезде имелось всего три поместья. Слишком больших трудов (довольно частые неурожайные годы, отсутствие рабочих рук) стоило обработать землю, а отдача была невелика. Какая-то часть земель осталась за монастырями. Валаамскому монастырю в разных погостах Корельского уезда принадлежало 67 деревень с 224 крестьянами, Коневскому — 58 деревень с 164 крестьянами. В общей же сложности первый имел 222,5 обжи, второй — 162,5

Государственные крестьяне, или черносошные (их большинство), за владение землей платили государству денежный оброк и несли ряд повинностей. Оброчная система давала некоторую свободу в хозяйственной деятельности, что привело к развитию неземледельческих промыслов.

Земледелие получило распространение на юге Корельского уезда (трехпольная и подсечная системы). Основными земледельческими культурами, как и прежде, считались рожь, овес, ячмень, лен и некоторые овощи. Низкая урожайность (сам-3) приводила к голоду. По-прежнему развивались скотоводство, охота и рыболовство. Из промыслов наиболее известны солеварение, которым занимались жители Поморья, и производство железа, достигшее высокого уровня в Лопских и Заонежских погостах. Карельский «уклад» — железо, близкое по составу к стали, — и изделия из него пользовались большим спросом на русских рынках. В незначительных масштабах осуществлялась добыча слюды и жемчуга в Керетской волости.

Писцовые книги упоминают ремесленников почти в каждом погосте. Это кузнецы и кожевники, сапожники, портные, ткачи, скорняки, шорники, замочники, серебряники, котельники, гончары и т. д. Много ремесленников проживало в Кореле: названы два кожевника, шесть бочар-ников, три скорняка, один зелейник, три мясника, один извозчик, один хлебник, один красильник, два котельника, четыре плотника, три сапожника, два портных, два горшечника, четыре кузнеца, один лоточник, восемь овчинников, один ведерник, два мечника, один стекольник, два смоля-ника, один мельничник, один палач, два скомороха и один песенник.²

Мелкотоварный характер производства, вовлечение в торговую орбиту способствовали социально-экономическому развитию края. На Карельском перешейке торговлю контролировали Корела и Сванский Волочек. В Кореле в XVI в. было несколько улиц и 35 торговых помещений. Активно участвовали в торговле центры Куркийокского и Сердобольского

погостов. В XVI в. существовали непосредственные связи Карелии с Москвой, Новгородом, а через них — с более отдаленными районами. Посредническая торговля пушниной связывала Карелию с Финляндией. В начале второй половины XVI в. в течение одного года карелы приобрели в Торнио 105 шкур выдр и более 24 тыс. — заячьих, в другом году закупили 3500 беличьих шкурок.³

Развитие торгово-денежных отношений приводило к имущественной дифференциации населения. В Кореле, по писцовым книгам 1500 г., из 188 посадских дворов насчитывалось 30 «лутчих», т. е. зажиточных. Писцовая книга 1568 г. выделяет уже из 406 дворов 31 «молод-ший» — дворы наиболее бедных горожан, остальных делит на «лутчие» и «средние».

Имущественному расслоению способствовала купля-продажа земли и промысловых угодий. Купчая от 14 декабря 1585 г. свидетельствует & продаже угодий в Кемской волости Соловецкому монастырю корелянами Трофимом и Григорием Григорьевыми: «Продали. . треть лука угодья своего, рыбные ловли, и с морскими пожнями и с лешими ужожеи, куда ходила коса и топор».⁴

Характерный для XVI в. экономический и культурный подъем был прерван шведской агрессией. Борьба со шведами, стремящимися захватить карельские и ижорские земли, по существу никогда не прекращалась. Карелия была «горячей точкой» Северной Руси, где постоянно случались то пограничные столкновения, то сражения местного значения, переходившие в межгосударственные войны.

Швеция в преддверии наступательных операций укрепляла старые и сооружала новые крепости на русско-шведской границе. В 1480 г. шведское войско (24 000 человек) вторглось в пределы Русского государства и нанесло значительный ущерб приграничному населению. В 1489 г. русские провели ответную акцию, а в 1496 г. правительство Руси объявило войну Швеции, предприняв поход на Выборг. В 1508 г. между обеими сторонами был заключен мир, подтвержденный в 1513 и 1524 гг. Но в 1554 г. шведы вновь вторглись на Карельский перешеек. Они жестоко расправлялись с жителями Корелы и Орешка: «Били и секли, и животы грабили, и. . землю пашут, и сено косят силно, и в рыбные ловли вступаютца, и рыболовей побили до смерти».⁵ Русские не только изгнали противника, но и в качестве ответной акции пошли на Выборг. В 1557 г. состоялось подписание перемирия.

В последние годы Ливонской войны (1558–1583) шведское правительство, воспользовавшись усложнившейся для России обстановкой, решило осуществить свои далеко идущие планы по захвату Карельского перешейка, Ижорской земли и ряда русских крепостей. Основные действия были перенесены на Карельский перешеек. 26 октября 1580 г. шведские войска подошли к Кореле. Дождавшись подкрепления, 4 ноября шведы приступили к осаде крепости.

Корела XVI в. представляла собой две островные крепости бастионного типа. «Для своего времени (точнее — середины и третьей четверти XVI в.) эта система являлась инженерным нововведением, вызванным усовершенствованием артиллерии». Вид крепости произвел неизгладимое, ни с чем не сравнимое впечатление на Якова Делагарди, о чем он и доносил королю Юхану III: «. это место само по себе и природой укреплено так, что его никогда нельзя взять штурмом, а лишь с помощью голода, огня или измены». Поскольку тяжелые орудия не могли причинить вред хорошо защищенной укреплению и стремительными потоками реки крепости, Делагарди избрал единственно правильную в той ситуации тактику, он применил по тем временам новинку — обстрелял крепость калеными ядрами. После обстрела «загорелся один блокгауз, затем второй, третий, и построенная на уступах острова деревянная крепость стала гореть, что и повлекло ее скорую капитуляцию».

5 ноября 1580 г. шведы захватили Корелу и стали диктовать свою волю жителям

Корельского уезда. Шведы усиленно заселяли Корелу крестьянами-финнами, давая им льготы в ущерб местному русско-карельскому населению.

Одновременно одни шведские отряды двинулись к Белому морю и Онежскому озеру, другие — на Олонецкий перешеек и восточный берег Ладожского озера, терроризируя население набегами и разбоями. В ответ на шведскую интервенцию в крае развернулось партизанское движение. Только за первую половину 1582 г. было совершено 17 походов в Корельский уезд. Отличился один из руководителей отряда — Кирилл Рогозин, крестьянин из Сердоболя. И хотя в 1583 г. между Швецией и Россией состоялось Плюсское перемирие, по которому Корельский уезд и западная часть Ижорской земли оставались за Швецией, партизанская борьба не прекратилась. Появились новые руководители партизанских отрядов, среди них — Лука Рясянен, крестьянин из Иломанского погоста. Прославились личным мужеством в борьбе с захватчиками партизаны Микитка, Робоница, Одина Саванов, Третьяк Колосник и т. д.⁷ Опираясь на поддержку местного населения и помощь жителей неоккупированных врагом погостов, партизаны совершали дерзкие рейды в тыл врага, нанося ему ощутимый урон. Ярким тому свидетельством является письмо начальника Кексгольмской крепости (так шведы называли Корелу) Эрика Теннесона шведскому королю (1588 г.), смысл которого сводился к жалобе на тяжелые обстоятельства, ибо местное население заодно с партизанами.

Актом неподчинения чужеземцам было перемещение народа из Корельского уезда на территорию Русского государства. Оно приняло такие масштабы, что некоторые погосты опустели. В 1585 г. в трех южных погостах насчитывалось 675 пустых дворов, заселенных же было всего 45.

В северных погостах наблюдалась такая же безрадостная картина: в Кирьяжском, Сердобольском, Иломанском и Соломенском — 3000 пустых дворов и 322 заселенных. Причину запустения четко излагает писец: «Крестьян побили немецкие люди и в полон поймали», «хоромы пожгли и крестьян побили немецкие же люди».⁸

В 1595 г. Швеция и Россия заключили Тявзинский мирный договор, по которому последней возвращались Ижорская земля и Корельский уезд. Сразу же русское правительство стало принимать решительные меры к восстановлению жизни и хозяйства в Корельском уезде. По жалованной грамоте царя Бориса Федоровича в 1598 г. население уезда освобождалось от податей, оброков и пошлин на 10 лет. Разрешалась беспошлинная торговля в ряде мест Русского государства не только карелам, но и финнам, если они выражали желание поселиться в Корельском уезде. Льготы предоставлялись крестьянам, жившим на землях пострадавших от шведской интервенции Валаамского и Коневского монастырей. Жалованная грамота была дана для того, чтобы люди «жили в покое и в тишине, и во благоденственном житье, чтоб им обид и продаж, и убытков, и никоторого утеснения ни от кого ни в чем не было».⁹ Принимались меры по возвращению карел на свои земли. Большие убытки понесли также жители Олонецкого перешейка и Беломорья; ущерб последнего, например, исчислялся в 120 000 р. Однако восстановление разрушенного хозяйства прервалось новой шведской агрессией.

В конце XVI в. положение Русского государства, вынужденного бороться одновременно против Швеции, Польши и набегов татар, было нелегким. Разорение страны сказалось прежде всего на положении крестьян. В начале XVII в. антифеодальные классовые выступления переросли в крестьянскую войну под руководством Ивана Болотникова. К тому же Русское государство было ослаблено борьбой за власть между боярством и дворянством. В 1604 г. Лжедмитрий I, а в 1608 г. Лжедмитрий II стремились захватить русскую столицу. В стране разбойничали алчные польско-литовские отряды. Народная война против польской интервенции не была поддержана правящими кругами. Они искали другие, более безопасные для себя пути.

Оживились шведы, пытаясь повернуть события в свою пользу. Шведский король Карл IX не

раз предлагал русскому правительству помощь в борьбе против поляков за вознаграждение в виде Корельского уезда (с богатыми Валаамским и Коневским монастырями), Ижорской земли — объекты постоянных мечтаний и цель всех походов — и некоторых других территорий, в том числе Новгорода. Предварительные условия были оговорены в Новгороде, окончательный же текст договора подписан в 1609 г. в Выборге. Между тем обе стороны не учли силы людского гнева, свободолюбия народа, не пожелавшего признать Выборгский договор. Жители Корелы отказались сдать город, не доверяя ни шведским послам, ни русским. Царь Василий Шуйский даже написал грамоту, в которой уговаривал население Корелы и Корельского уезда подчиниться условиям договора и сдаться шведам. Тем, кто не хотел оставаться под шведской властью, он предлагал поселиться на русских землях, обещая хорошие условия жизни на новых местах. Несмотря на все приказы царя, «корельские посадские и уездные люди в Кореле заперлися», и передача города затягивалась. Со своей стороны шведы письменно обещали населению неприкосновенность при занятии ими города, то лицемерно заявляя: «Хотим вас тако ж любить, что своих братьев», то открыто угрожая: «Кореляня своему прямому царю и великому князю чинятца непослушливы и повеления не совершают, что им от царского величества приказано. . и то им от царя и великого князя во время заплатитца».10

Шведское войско под руководством Якова Делагарди поначалу соблюдало свои договорные обязательства и приняло участие в борьбе против Лжедмитрия II. Однако после поражения русских 1610 г. под Клушином часть шведского отряда перешла на сторону поляков. Василий Шуйский открыто заявил, что Корелу шведам «за их измену» не отдаст. Но это уже не имело никакого значения, поскольку полякам открывался путь на Москву, а шведам — на Карелию.

Как только шведские войска появились на Карельском перешейке, против них развернулась народная борьба. Остановить наступление войск ополчения не смогли, но нанесли врагу ощутимые удары. Французские наемники из отряда Делагарди заняли Ладогу и разорили ее. Не сумев взять Орешка, Делагарди все силы сосредоточил на захвате Корелы. К этому времени в ней собралось около 2–3 тыс. защитников из города и сельской округи и гарнизон, насчитывающий примерно 500 человек, под руководством воеводы И. М. Пушкина, которому помогали воеводы В. Абрамов и А. Безобразов, а также предводитель карельских ополченцев Григорий Сиркин (Сиркинен). В крепости находился и карельский епископ Сильвестр. Стойкость защитников, смелые вылазки в лагерь противника, поддержка местного населения позволили крепости продержаться довольно долго. Но положение с каждым днем ухудшалось. Голод, болезни, тяготы шестимесячной обороны сделали свое черное дело — в крепости в живых осталось не более 100 человек. Когда стало ясно, что дальше защищаться невозможно, воевода Пушкин согласился на переговоры.

Шведское командование потребовало, чтобы защитники крепости, оставив все оружие и имущество, в поношенной одежде покинули город. Эти унижительные условия были отвергнуты И. М. Пушкиным. Он отстаивал право на свободный выход из крепости всех оставшихся в живых. 2 марта 1611 г. Корела капитулировала. Каково же было изумление шведов, когда они увидели, сколько человек, выдержавших длительную оборону и не покорившихся, осталось в живых среди защитников крепости.

Упорное сопротивление Корелы заслонило на какое-то время от шведской интервенции другие русские земли. Но уже в середине 1612 г. значительная часть новгородской земли оказалась под властью Швеции.

В 1610–1611 гг. боевые действия велись на Кольском полуострове и в Карельском Поморье. В целом благодаря оборонным мероприятиям и мужеству местного населения походы шведов закончились неудачно, но урон ими был нанесен огромный. «Немецкие люди, — говорится в одном из документов того времени, — нашего государева порубежные волости повоевали и

деревни пожгли, и людей секли, а иных в полон взяли».11

В Корельском уезде и в других погостах Карелии для отпора врагу создавались партизанские отряды. Искреннее восхищение вызывают отчаянные походы партизан в глубь вражеской территории под руководством Максима Рясненна. Легендарной личностью оказался крестьянин из Большой Тикши Иван Рокаччу. Создавались партизанские отряды и в Олонецком погосте.

Для захвата Карельского Поморья и Заонежских погостов шведы использовали польско-литовских наемников. Осенью 1613 г. они появились в южной части Заонежья. На борьбу с врагами выступили объединенные силы андомских, шальских, пудожских крестьян под руководством воеводы Бориса Чулкова. Тогда польско-литовские отряды решили взять Холмогоры. И здесь неудача. После шестидневной безрезультатной осады интервенты двинулись к Сумскому острогу, опустошая все на своем пути. Но Сумский острог, получив подкрепление из центра русских земель, отразил все атаки.

Население Заонежских погостов, услышав о приближении отрядов захватчиков и грабителей, приняло соответствующие меры по укреплению оборонительных пунктов, созданию партизанских отрядов. Интервенты осадили Шунгский, а затем и Толвуйский остроги. Защитники их выдержали трехнедельную (!) осаду. Интервенты ни с чем повернули на Олонец и только совместными усилиями шведских и польско-литовских отрядов сумели его взять. Но не надолго. Объединившиеся русские организованные воинские силы при помощи карельского населения и тих-винцев разгромили врага под Олонцом, продемонстрировав несокрушимую волю к победе и крепость братских уз.

Шведы по существу более не предпринимали активных наступательных действий, так как столь длительная интервенция им оказалась не под силу. Россия же продолжала бороться с польскими захватчиками, и заключение мира со Швецией позволило бы ей сосредоточиться на борьбе с одним врагом. Мирные переговоры между Россией и Швецией начались в октябре 1615 г. Швеция стремилась извлечь выгоды из сложной обстановки, в которой оказалось Русское государство, и выдвинула непомерные требования. И только при посредничестве английских и голландских представителей 23 февраля 1617 г. в д. Столбово, в 50 км от г. Тихвина, был заключен невыгодный, кабальный для России мирный договор. К Швеции отходили Ижорская земля и города Ивангород, Ям, Копорье, Орешек, Корельский уезд с г. Корелой. Наконец-то Швеция получила то, о чем мечтала столетиями. Россия же лишилась выхода к Балтийскому морю, что неминуемо привело к тяжелым политическим и экономическим осложнениям. Корельский уезд был оторван от России почти на сто лет. Такой дорогой ценой достался Русскому государству Стол-бовский мир 1617 г.

После заключения мирного договора ни о каком активном сопротивлении карел шведам не могло идти и речи. Помощи ждать было неоткуда. Правительство Швеции за выступления против власти карало смертной казнью. Увеличилось число податей, различных поборов, появилась новая система сбора налога откупщиками. И это при страшном запустении и разорении края! О тяжелой участи населения свидетельствуют факты недоимок и увеличение смертности. Помимо того, шведские власти насильственно обращали карел в лютеранство. Если, к примеру, дворянин отказывался переходить в лютеранство, его лишали имений. Крестьяне же участвовали в содержании пасторов, платили им за обряды крещения, венчания, отпевания, если даже и не пользовались их услугами. Жалобы на притеснения и насильственное крещение присутствуют в обращениях крестьян к шведскому королю и русскому царю.

У населения оставалась единственная возможность сопротивления, уже известная ему раньше, — переселиться в Россию. Если в 20-е гг. XVII в. уходили небольшими группами, то в 30-е перемещение приняло массовый характер. Шведы пытались помешать уходу, введя

смертную казнь и требуя от московских правителей возвращения беглецов. Русские власти по возможности укрывали их, но не всегда могли это делать, зато жители Лопских и Заонежских погостов заняли более активную позицию. Так, например, в 1628 г. крестьяне Ребольского погоста, вооружившись колющими и топорами, отказались выдать перебежчиков. Категорический отказ они сопровождали прямыми угрозами: «А ты от нас из волости поедь, покамест не убит и не ограблен».12 За первую половину XVII в. из Корельского уезда в Россию переселилось свыше 25 тыс. человек. В 1649 г. по шведско-русской договоренности за определенный выкуп (190 000 р.) беженцы на вечные времена становились подданными Русского государства.

Во второй половине XVII в. после стабилизации международного положения России московские власти предпринимают шаги для возвращения Корельского уезда и Ижорской земли, активизируют борьбу за выход к Балтийскому морю. Постоянная опасность вторжения шведских военных отрядов побудила русское правительство принять целый ряд мер по обеспечению обороноспособности пограничных районов, и в частности Олонца: вводится институт «пашенных солдат» и строятся дерево-земляные укрепления. Олонец превращается в крупнейший военный пункт Заонежья и административный центр Олонецкого края. В конце сентября 1649 г. на стрелке, образованной слиянием рек Олонца и Мегреги, было построено два деревянных города: Большой (общая протяженность укреплений 423 сажени) и Меньший (360 сажень, с 19 башнями). Оба они состояли из двух замкнутых оборонительных комплексов и по тем временам представляли собой сильную деревоземляную крепость. Насыщенность олонецких оборонительных укреплений значительным количеством выступающих в поле, более или менее ритмически расставленных башен позволяла при защите крепости организовывать мощную систему как фронтального, так и флангового огня.

При возведении Олонецкой крепости строители XVII в. широко воспользовались арсеналом традиций древнерусского деревянного зодчества: общим характером планировки; конструкцией стен (засыпка их оснований землей и применение двойного бревенчатого бруствера у мушкетных и пищальных бойниц в качестве защиты против огневых средств неприятеля, и в первую очередь против осадной артиллерии); ритмичной расстановкой башен по всем сторонам крепости; устройством дополнительных деревоземляных укреплений — быков. Особо следует отметить использование строителями защитных свойств рельефа (мысовое городище на стрелке) и наличие укреплений вокруг посадской территории.13

В 1656 г. во время борьбы России и Швеции за выход к Балтийскому морю боевые действия велись в Ливонии, Ижорской земле, Корельском уезде, однако успехи были временными. С уходом русских из Карелии переселение местных жителей усилилось и приобрело организованный характер. Насколько оно было массовым, говорит донесение генерал-губернатора Ингрии (Ижорской земли) и Карелии Г. Горна; в нем называется число беженцев из северной части Корельского уезда — 4107 семей (из 5371 семьи в довоенное время). По документу 1661 г., из южной части уезда переселилось 250 семей; в целом за время русско-шведской войны Корельский уезд покинуло 22 тыс. человек, а всего за XVII в. — 50 тыс.14

На территории России переселенцы обосновались в Бежецком, Новоторжском, Тверском, частично Ярославском и Углицком уездах и дали начало так называемым калининским карелам; в Новгородской земле они расселились в районах Новгорода, Валдая, Старой Руссы, Тихвина и т. д. Много беглецов из Корельского уезда по издревле знакомой дороге пришло на Олонецкий перешеек, в северозападные Заонежские и Лопские погосты. Предстояла колоссальная работа по восстановлению разрушенного интервентами хозяйства, коммуникаций, торговых связей. Население Карелии с честью вышло из выпавших на его долю испытаний. Данный период оказался важным в процессе формирования и развития собственно карел, карел-лив-виков и карел-людиков, а с другой стороны, в это время наиболее четко наблюдается сближение их

материальной и духовной культуры, что вело к этнической консолидации различных групп населения, хотя процесс сложения единой карельской народности был еще далек от завершения. Начавшееся еще в XII в. взаимодействие с русской культурой обогатилось новыми глубинными явлениями, обеспечившими на века политическое, социально-экономическое, культурное сотрудничество и дружбу русского и карельского народов.